

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zoschenkomihail.ru/> Приятного чтения!

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко

Война

1

До станции Кривые Горки третья рота мигом доехала – экстра. А на станции Кривые Горки слух прошел, дескать, не по правилу едем: положено приказом, кто на фронт – денежки вперед за два месяца. Ладно. Отдай денежки. Фунт хлеба и денежки – урожай не урожай.

А тут еще Федюшка Лохматкин – оптик по всем делам.

– Верно, – говорит, – положено это наивысшим начальством.

А с кого требовать? Начальство все впереди, а полуротный Овчинкин – шляпа и сам не в курсе.

Ладно. Нельзя ехать.

На станцию вышли. Кучками бродят. Торговлишка завязалась кой-какая. Только видят: стоит баба у звонка, веревку держит и очень грустно плачет. Тут же и военный с ружьем на нее насккивает.

– Прошу, – говорит, – честью, баба, отойди от колокола. Убью на месте! Звонить нужно, потому поезд пассажирский...

А баба ему такое:

– Не отойду, кормилец, от колокола. Убей ружьем, Христа ради... Отдай лисью шубу, пять фунтов масла!

А Федюшка уже тут. Народ растолкал ручкой.

– Чего, – говорит, – тут такое приключилось?

Баба слезой давится. Баба очень слезой давится.

– Так и так, – говорит, – отряд заградительный лисью шубу... Зачем, мол, тебе, баба, шуба? Это, дескать, спекуляция.

– Не по правилу это... – сказала толпа.

А тут еще с четвертого взвода – Ерш по фамилии.

– Фу-ты, – говорит, – братцы, товарищ Федя, да отдадим бабе шубу!

Тут все заговорили очень.

– Живут, – говорят, – одни великолепной жизнью, а другие погибают в мерзости. А шуба – вещь и стоит немалых денег.

Великий шум поднялся. А на шум – отряд заградительный, двенадцать человек, ружье к ружью.

– Разойдитесь, – кричат, – по мере возможности! Зачем это такое немислимое скопление?

Слово за слово. Это, дескать, не по правилу, товарищи – шуба, пять фунтов масла.

Иные уже и винтовочки схватили, серьезно затворами щелкают, а Ерш и пулемет с лентами выкатил.

Отряд в двенадцать человек – в цепь и к лесу. Не иначе как окопаются на опушке. Смешно!

А народу все больше да больше. К цейхгаузу товарищи. Дверь ружьишком разбили.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Добра там видимо-невидимо!

Баба тут взвизгнула очень тонко:

– Вон она, лисья шуба, пять фунтов масла!

А у самой каждое слово слезой омыто.

– Не по правилу это, – решили люди, осматривая лисью шубу. – Очень это не по правилу.

А тут вдруг Ерш бочонок в темном углу нашел. Рукой он по бочонку похлопывает, а сам такое:

– Фу-ты, братцы, а ведь это же масло.

– Совершеннейшее масло, – сказали люди, выкатывая бочонок из цейхгауза. – Совершеннейшее масло. Одни живут великолепной жизнью, а другие погибают в мерзости.

А Ерш все рукой по бочонку.

– Именно, – говорит, – великолепное масло. И какая может быть война? И какой государственный масштаб?

Тут все закричали сразу:

– Не нужно денег, если так... Без денег поедem, братцы, – экстра...

2

А очень великолепно жить в провинции. В столицах полная нехватка хлеба, а, скажем, в Устюге каждый, даже маломочный, с огорода изрядный достаток имеет. Да и что с огорода!

Председатель исполкома кур разводит, член тройки тоже кур разводит, доктор Гоглазов – кур, а комендант станции кролиководством занят.

Чудак необыкновенный – этот комендант станции. Всегда он на высоте положения. Огороды его уже на версту раскинулись. Кролики у него во множестве плодятся. Мирное ему житье.

Только нынче нехорошая штука с ним вышла. Не удался день. С утра не удался день. С утра свиньи грядку турнепса пожрали. Хорошо, если его свиньи – к жиру, а если, скажем, Ипатовых...

На станцию комендант серьезным пришел. А тут еще барышня с бантом телеграмму сует – дескать, срочно и секретной важности.

Телеграмму прочел комендант – телом затрясся.

«...белогвардейцы и мятежники. Поезд 433... Разоружить. Бочонок масла...»

«Гм! Штука... Свиньи турнепс пожрали... Штука!»

– Алло, исполком... Срочно и секретной важности... Так, мол, и так и, пожалуйста, соответствующие меры...

«Гм! Штука... Мои – так к жиру, но Ипатовы, как пить дать Ипатовы».

Комендант станции и председатель исполкома на высоте положения. И к полудню на всех заборах листовки наклеены.

Дивятся очень прохожие. Что ж это, граждане? Листок...

На заборе театральная афиша – столичная труппа «Променад». Великолепные знаменитости.

Пониже корявая бумажка, и на ней: «Настоящая персидская оттоманка за полцены, с

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
разрешения жилищной комиссии».

А рядом листок – и крупней крупного:

«Военное положение. Ходить до семи. Жиров полфунта... Белогвардейцы и мятежники...»

Штука! Как же так, граждане? Смешно – до семи. Если, скажем, секретарь исполкома, товарищ Бычков, в девять любовное свидание назначил. Любовная у него интрига с лета-месяца. А он в девять на Урицком мосту. Урицкий мост аж за тюрьму, в конец города. Гм! Смешно – до семи, если доктор Гоглазов... Тьфу ты, бес! А комендант-то, комендант-то как же с огородом?

Гм! Штука.

З

Председатель исполкома Петр Стульба с балкона слова лепит:

– Белогвардейцы и мятежники... Разоружить... Притянуть... Поезд 43... Бочонок масла...

Очень хорошо и длинно говорит председатель исполкома... Лепит – говорит, а сам руку этак вот, за пояс. Для истории. Иные так за борт или, скажем, – смешно даже – в карман, а Петр Стульба – за пояс.

– Позор! – сказал отряд матросов особого назначения и ряды вздвоил.

Котелки за спиной звякнули. Перемигнулись штыки с солнцем.

Напряглись клячонки. Клячонки-то очень напряглись – смотреть жалко. Еще бы – пушка трехдюймовая, пушкино дуло больше лошади.

Пушку эту у вокзала поставили дулом вдаль. Клячонок распрягли – нехай пасутся. А сами – в цепь.

Поезд едва до вокзала дошел – закричали как, задвигались матросы.

– Оружие! Оружие, сукины дети, кладите!

Дивится очень третья рота. Из теплушек лезет. А впереди Ерш из четвертого взвода вьюном вьется и всех подначивает:

– Не покоримся, братцы! Немыслимо положить оружие. Выкатим, братцы, товарищ Федя, пулемет, да и, пожалуйста, стрельнем, жажахнем по клёшникам!

И стрельнули бы (живут одни великолепной жизнью, а другие погибают в мерзости), да Федюшка тут выступил.

Ручки сложил на желудок, дескать, делегат и нету у него оружия, выступил.

– Совершенно, – говорит, – правое дело, товарищи. Можно ли подобное: лисья шуба, пять фунтов масла...

– Как? – подошли ближе матросы, – лисья шуба и масло?

– Да. Лисья шуба, пять фунтов масла.

– Как? – сказал комендант, высываясь из окна, – пять фунтов масла?... Алло, исполком! Срочно и секретной важности...

– Как? – сказал председатель Стульба, вытаскивая руку из-за пояса, – турнепс, пять фунтов масла?

А Федюша – оптик по всем делам – говорит, землю роет. И даст же Бог такой словесный дар!

– Шуба, – говорит, – и масло. Можно ли подобное? А революции, мол, все очень даже преданны и даже иностранный капитал идут бить с радостью в сердцах. Бочонок же – будь он проклят! – был грех. Однако государственный масштаб и бочонок масла – смешно.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Тут матросы заговорили.

– Очень, – говорят, – вы великолепно сделали, братишки. Очень даже мы любим вас.

А сами-то трех клешников к пушке засылают. Дескать, неловко. Дескать, запрячь клячонок, клячонок-то поскорей запрячь, а пока пушкино дуло в сторону. Уж очень правильное дело – нельзя.

Поговорили еще матросы, звякнули котелками, расправили клеши и – к дому.

А Федюшка гоголем ходит.

Полуротного Овчинкина совсем заслонил.

Прямо-таки забил полуротного Овчинкина.

Овчинкин даже с голоса спал – чай сидит пьет, а Федюшка командует.

– Садись, – кричит, – третья геройская по вагонам! Едем на позицию полячишек бить!

4

А через три больших станции и с поезда сошли. По целине тут тридцать верст – и позиция.

Кишкой растянулась рота по шоссе. А впереди Овчинкин. Овчинкин компасом покрутит, на карту взглянет и прет без ошибки, что по Невскому.

Вскоре в деревню в большую пришли. На ночь по трое в хату расположились. Федюша и Ерш наилучший дом заняли, а с ними и Илья Ильич – ротная интеллигенция.

А в доме том американка жила. Очень прекрасная из себя. Русская, но в прошлом году из Америки вернулась.

Расположились трое, картошку кушают, а Ерш все свою линию ведет.

– И какая, – говорит, – братцы, товарищ Федя, война? И какой государственный масштаб? В лесок бы теперь, в земляночку. А в земляночке – лежишь, куришь...

Но Федюша не слушает – глазом разговаривает с американкой.

Американка рукой по бедрам, Федюша глазом, – дескать, хороша, точно хороша. Американка плечиком, – дескать, хороша Маша, да не ваша... Федюша глазом соответствует.

И час не прошел, а Федюша уж, как Хедив-паша, с американкой на печи сидят.

Ерш внизу мелким бесом, а сам Илье Ильичу тихонечко:

– Скалзубая. И какой в ней толк? Зубами, гадина, целуется... А уж и сердцегрыз Федюша наш! Но только доведет, достукает его любовь-баба... А тут война. И какая теперь может быть война?... В земляночку бы теперь... Свобода...

Вот и господин Илья Ильич – интеллигенция ротная, а как бы сказать, совершенно грустный из себя. А отчего грустный? Война. Человеку жить нужно, а тут война. Несоответствие причин.

– Да, – сказал Илья Ильич. – А ведь и точно плохо. А главное, радости никакой. И почему так? Что такое со мной произошло?...

Поднял голову Илья Ильич, смотрит: Федюша с печки вниз спускается.

– Ох, – говорит Федюша, – загрызла меня, братцы, американка. До того загрызла, что и слов нет. Сосет в груди. Остаться нужно. Эх, кабы день-два! Эх, мать честная, все пропадет! Останусь. А ведь останусь, братцы. Будь что будет! Не отступлюсь от ней.

Радуется Ерш, лицо – улыбка.

– Да ну?

– Да. Останусь. Сама американка присоветовала. «Оставайтесь, – говорит, – винтовочки спрячу, вас – в овин до утра, а утром, коли начальство поинтересуется, скажу: ушли».

Ладно.

5

Американка фонарем светила, Федюша рядом под локоток, а Ерш и ротная интеллигенция сзади.

– Здесь, – засов отодвинула американка. – Сюда заходите. И ни Боже мой, покуда не позову.

– Ладно.

Очень скверно в лицо пахнуло. А ведь что ж?

По доброй воле. Сели у стенки. Гм! Запах.

А у Ерша счастье на лице.

– Дальше-то что? – улыбается, – дальше-то, братцы, товарищ Федя, что? Ведь и государственный масштаб теперь к черту!.. А дальше-то не иначе как в лес. Дальше-то прямая дорожка в лес. Да только пугаться нечего – прокормимся, как еще прокормимся! А то, скажем, на почтовых... Такой-этакий... с деньгами... сто тысяч... С провизией... и девочка с ним... черная, красивенькая, кудряшечки этакие... Стой-постой! Откуда есть такой? Тут и стукнуть по черепу. И концы в воду. И лошади себе. И повозку себе...

– Да, – сказал Федюша, – а и шельма же она, братцы! Страсть люблю таких! «И ты, – говорит, – мне очень нравишься, Федюша. Больше жизни. Да только зачем нам жизни свои зря спутывать? Ты голый, соколик, да и у меня по пятьсот две думских да кольцо дареное...»

– Плохо, – вдруг испугался Илья Ильич, – это что ж? Выходит, что в разбойники? Опять несоответствие причин. Гм... Дурак Ерш, а сказал какво хорошо: несоответствие причин! Но как все плохо. Даже если и в Питер сейчас, и то плохо. Здесь в навозе, да и там в навозе, на Малой Охте. На Малой Охте! И почему такое? Мог бы и в городе жить, а живу, черт знает, на Малой Охте. И ведь непременно у ветеринарного фельдшера Цыганкова. Хе-хе... И пустыки, что жизнь дрянь. Жизнь дрянь, но в гадости-то скорее радость найдешь. В грязи-то и всем хоть немножко, хоть чуть-чуть, да приятно. Чужую грязь мы не любим, а в своей – великое наслаждение. Вот знаю, а все плохо. А плохо-то в себе. Особое, может, неважное пищеварение, что ли... Что ж? В разбойники нужно... Хе-хе... Прямая дорожка.

– Прямая дорожка в лес, братцы, товарищ Федя, – бормотал Ерш, засыпая. – Говорят, объявилась атаманша-разбойница. Геройской жизни. Грабит, поезда останавливает.

«В разбойники, – думал Илья Ильич, закрывая глаза. – И что меня удержит? Россия... Гм... Может, России-то уже нет, да и русских нет. То есть, конечно, есть, да живут ли они? Может быть, все как я, может быть, у всех – великое „все равно“...»

Под утро заснули трое и видели сны.

6

Уже и солнце проткнуло все щели в овине, а Ерш спит – раскинулся, лицо – улыбка, сам в золотых полосах, будто зебра.

А Федюша все в щель смотрит. Да только тихо на дворе: куры ходят, вон свинья у самого носа хрюкнула, а больше никого не видать. И что за причина такая?

Ротная интеллигенция тоже в щель – ничего. Ерш проснулся.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

– Фу–ты, – говорит, – братцы, а ведь кушать–жрать хочется.

Только видит Федя: старуха на крыльцо мотнулась.

– Тс... – цыкает ей Федя, – ты, чертова старуха! Гм... Притча. Не слышит, чертова бабка, сук ей в нос!

Просидели час. Тихо.

Заспалась, должно быть, Маруся–американочка. Еще час просидели. Федюша начал засов ножом ковырять.

Ножом отодвинул засов.

– Сейчас, – говорит, – братцы.

И сам по двору тенью.

Только прибегает обратно – глаза круглые и сам не в себе очень.

– Нету, – говорит, – американки. Ушла чертова Маруся. С полуротным с Овчинкиным вовсе ушла. Сама старуха – сук ей в нос! – призналась. Дескать, полуротный Овчинкин к вечеру вестового засылал, а к ночи и сам в гости пожаловал. Жрали, – говорит, – очень даже много, и все жирное, и спать легли вместе. А утром полуротный из дому, и Маруся с ним. Вот ушла чертова Маруся! Что ж теперь? Гроб.

Вышли на двор. Ушла, мать честная, и следов нет.

Посмотрел Федя на солнце, на дорогу посмотрел. И куда ушла? В какую сторону? Без компаса никак нельзя узнать.

– Эх, испортила американка жизнь! Угробила, чертова Маруся! Очень даже грустно сложились обстоятельства.

Посмотрел Федя Лохматкин на Марусин дом – сосет в сердце.

«Красавица!» – подумал.

В окно глянул, а в окне старухин нос.

– Тьфу ты, мерзкая старуха, до чего скверно смотреть!

А тут Ерш, лицо – улыбка.

– Что ж, – говорит, – братцы, товарищ Федя, – судьба. И какая там война? И какой государственный масштаб? В лесок уйдем. Прямая дорожка без компаса.

И трое зашагали в лес.

7

Бродили в лесу до вечера. А вечером повис над болотом серый туман, и тогда все показалось бесовским наваждением.

Огонь развели веселый, но было невесело. До утра просидели очень даже грустные, а утром дальше пошли. Прошли немного – верст пять, и вдруг закричал Ерш:

– Едут!

Верно. Вдали негромко звенели бубенцы.

– Едут! – застонал Ерш. – Тащите же бревно, сук вам в нос!

Но никто не двигался.

А у Ерша паучьи руки – очень ему трудно из канавы бревно тащить.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
Однако тотчас выволок бревно это и накати на дорогу.

Били железом по камню лошади, и за поворотом показалась желтая повозка с седоком.

– Стой! – закричал Ерш. – Идем же, братцы, товарищ Федя!

– Стой, постой! – повторил Ерш и вытащил нож, подбегая.

– А-а!.. – дико закричал седок.

Во весь рост встал. Трясется челюсть. В руке револьвер.

Вздروгнули лошади, лес ахнул тихонечко.

– Братцы, – тонко закричал Ерш, – так нельзя! Он револьвером... – И хотел к лесу. Но упал лицом в грязь и затих.

Выстрелил два раза седок. Железом бешено забили лошади, и скрылась желтая повозка.

А на бревне сидел Илья Ильич и тоскливо смотрел на Федюшку. За Федюшкой – красный след. Федюшке трудно ползти.

1921

Исповедь

На Страстной неделе бабка Фекла сильно разорилась – купила за двугривенный свечку и поставила ее перед угодником.

Фекла долго и старательно прилаживала свечку поближе к образу. А когда приладила, отошла несколько поодаль и, любуясь на дело своих рук, принялась молиться и просить себе всяких льгот и милостей взамен истраченного двугривенного.

Фекла долго молилась, бормоча себе под нос всякие свои мелкие просьбишки, потом, стукнув лбом о грязный каменный пол, вздыхая и кряхтя, пошла к исповеди.

Исповедь происходила у алтаря за ширмой.

Бабка Фекла встала в очередь за какой-то древней старушкой и снова принялась мелко креститься и бормотать. За ширмой долго не задерживали.

Исповедники входили туда и через минуту, вздыхая и тихонько откашливаясь, выходили, кланяясь угодникам.

«Торопится поп, – подумала Фекла. – И чего торопится. Не на пожар ведь. Неблаголепно ведет исповедь».

Фекла вошла за ширму, низко поклонилась попу и припала к ручке.

– Как звать-то? – спросил поп, благословляя.

– Феклой зовут.

– Ну, рассказывай, Фекла, – сказал поп, – какие грехи? В чем грешна? Не злословишь ли по-пустому? Не редко ли к Богу прибегаешь?

– Грешна, батюшка, конечно, – сказала Фекла, кланяясь.

– Бог простит, – сказал поп, покрывая Феклу епитрахилью. – В Бога-то веруешь ли? Не сомневаешься ли?

– В Бога-то верую, – сказала Фекла. – Сын-то, конечно, приходит, например, выражается, осуждает, одним словом. А я-то верую.

– Это хорошо, матка, – сказал поп. – Не поддавайся легкому соблазну. А чего,

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
скажи, сын-то говорит? Как осуждает?

– Осуждает, – сказала Фекла. – Это, говорит, пустяки – ихняя вера. Нету, говорит, не существует Бога, хоть все небо и облака обыщи...

– Бог есть, – строго сказал поп. – Не поддавайся на это... А чего, вспомни, сын-то еще говорил?

– Да разное говорил.

– Разное! – сердито сказал поп. – А откуда все сие окружающее? Откуда планеты, звезды и луна, если Бога-то нет? Сын-то ничего такого не говорил, откуда, дескать, все сие окружающее? Не химия ли это? Припомни – не говорил он об этом? Дескать, все это химия, а?

– Не говорил, – сказала Фекла, моргая глазами.

– А может, и химия, – задумчиво сказал поп. – Может, matka, конечно, и Бога нету – химия все...

Бабка Фекла испуганно посмотрела на попа. Но тот положил ей на голову епитрахиль и стал бормотать слова молитвы.

– Ну иди, иди, – уныло сказал поп. – Не задерживай верующих.

Фекла еще раз испуганно оглянулась на попа и вышла, вздыхая и смиренно покашливая. Потом подошла к своему угодничку, посмотрела на свечку, поправила обгоревший фитиль и вышла из церкви.

1923

Беда

Егор Иваныч, по фамилии Глотов, мужик из деревни Гнилые Прудки, два года копил деньги на лошадь. Питался худо, бросил махорку, а что до самогона, то забыл, какой и вкус в нем. То есть как ножом отрезало – не помнит Егор Иваныч, какой вкус, хоть убей.

А вспомнить, конечно, тянуло. Но крепился мужик. Очень уж ему нужна была лошадь.

«Вот куплю, – думал, – лошадь и клюкну тогда. Будьте покойны».

Два года копил мужик деньги и на третий подсчитал свои капиталы и стал собираться в путь.

А перед самым уходом явился к Егору Иванычу мужик из соседнего села и предложил купить у него лошадь. Но Егор Иваныч предложение это отклонил. И даже испугался.

– Что ты, батюшка! – сказал он. – Я два года солому жрал – ожидал покупки. А тут накося – купи у него лошадь. Это вроде как и не покупка будет... Нет, не пугай меня, браток. Я уж в город лучше поеду. По-настоящему чтобы.

И вот Егор Иваныч собрался. Завернул деньги в портянку, натянул сапоги, взял в руки палку и пошел.

А на базаре Егор Иваныч тотчас облюбовал себе лошадь.

Была эта лошадь обыкновенная, мужицкая, с шибко раздутым животом. Масти она была неопределенной – вроде сухой глины с навозом.

Продавец стоял рядом и делал вид, что он ничуть не заинтересован, купят ли у него лошадь.

Егор Иваныч повертел ногой в сапоге, ощупал деньги и, любовно поглядывая на лошадь, сказал:

– Это что ж, милый, лошадь-то, я говорю, это самое, продаешь ай нет?

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
– Лошадь-то? – небрежно спросил торговец. – Да уж продаю, ладно. Конечно, продаю.

Егор Иванович тоже хотел сделать вид, что он не нуждается в лошади, но не утерпел и сказал, сияя:

– Лошадь-то мне, милый, вот как требуется. До зарезу нужна мне лошадь. Я, милый ты мой, три года солому жрал, прежде чем купить ее. Вот как мне нужна лошадь... А какая между тем цена будет этой твоей лошади? Только делом говори.

Торговец сказал цену, а Егор Иванович, зная, что цена эта не настоящая и сказана, по правилам торговли, так, между прочим, не стал спорить. Он принялся осматривать лошадь. Он неожиданно дул ей в глаза и в уши, подмигивая, прищелкивая языком, вилял головой перед самой лошадиной мордой и до того запугал тихую клячу, что та, невозмутимая до сего времени, начала тихонько лягаться, не стараясь, впрочем, попасть в Егор Ивановича.

Когда лошадь была осмотрена, Егор Иванович снова ощупал деньги в сапоге и, подмигнув торговцу, сказал:

– Продается, значит... лошадь-то?

– Можно продать, – сказал торговец, несколько обижаясь.

– Так... А какая ей цена-то будет? Лошади-то?

Торговец сказал цену, и тут начался торг.

Егор Иванович хлопал себя по голенищу, дважды снимал сапог, вытаскивая деньги, и дважды надевал снова, божился, вытирал рукой слезы, говорил, что он шесть лет лопал солому и что ему до зарезу нужна лошадь, – торговец сбавлял цену понемногу. Наконец в цене сошлись.

– Бери уж, ладно, – сказал торговец. – Хорошая лошадь. И масть крупная, и цвет, обрати внимание, какой заманчивый.

– Цвет-то... Сомневаюсь я, милый, в смысле лошадиного цвету, – сказал Егор Иванович. – Неинтересный цвет... Сбавь немного.

– А на что тебе цвет? – сказал торговец. – Тебе что, пахать цветом-то?

Сраженный этим аргументом, мужик оторопело посмотрел на лошадь, бросил шапку наземь, задавил ее ногой и крикнул:

– Пуцай уж, ладно!

Потом сел на камень, снял сапог и вынул деньги. Он долго и с сожалением пересчитывал их и подал торговцу, слегка отвернув голову. Ему было невыносимо смотреть, как скрюченные пальцы разворачивали его деньги.

Наконец торговец спрятал деньги в шапку и сказал, обращаясь уже на вы:

– Ваша лошадь... Ведите...

И Егор Иванович повел. Он вел торжественно, цокал языком и называл лошадь Маруськой. И только когда прошел площадь и очутился на боковой улице, понял, какое событие произошло в его жизни. Он вдруг скинул с себя шапку и в восторге стал давить ее ногами, вспоминая, как хитро и умно он торговался. Потом пошел дальше, размахивая от восторга руками и бормоча:

– Купил!.. Лошадь-то... Мать честная... Опутал его... Торговца-то...

Когда восторг немного утих, Егор Иванович, хитро смеясь себе в бороду, стал подмигивать прохожим, приглашая их взглянуть на покупку. Но прохожие равнодушно проходили мимо.

«Хоть бы землячка для сочувствия... Хоть бы мне землячка встретить», – подумал Егор Иванович.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

И вдруг увидел малознакомого мужика из дальней деревни.

– Кум! – закричал Егор Иваныч. – Кум, подикось поскорей сюда!

Черный мужик нехотя подошел и, не здороваясь, посмотрел на лошадь.

– Вот... Лошадь я, этово, купил! – сказал Егор Иваныч.

– Лошадь, – сказал мужик и, не зная, чего спросить, добавил: – Стало быть, не было у тебя лошади?

– В том-то и дело, милый, – сказал Егор Иваныч, – не было у меня лошади. Если б была, не стал бы я трепаться... Пойдем, я желаю тебя угостить.

– Вспрыснуть, значит? – спросил земляк, улыбаясь. – Можно. Что можно, то можно. В «Ягодку», что ли?

Егор Иваныч качнул головой, хлопнул себя по голенищу и повел за собой лошадь. Земляк шел впереди.

Это было в понедельник. А в среду утром Егор Иваныч возвращался в деревню. Лошади с ним не было. Черный мужик провожал Егор Иваныча до немецкой слободы.

– Ты не горюй, – говорил мужик. – Не было у тебя лошади, да и эта не лошадь. Ну, пропил – эка штука. Зато, браток, вспрыснул. Есть что вспомнить.

Егор Иваныч шел молча, сплевывая длинную желтую слюну.

И только когда земляк, дойдя до слободы, стал прощаться, Егор Иваныч сказал тихо:

– А я, милый, два года солому лопал... зря...

Земляк сердито махнул рукой и пошел назад.

– Стой! – закричал вдруг Егор Иваныч страшным голосом. – Стой! Дядя... милый!

– Чего надо? – строго спросил мужик.

– Дядя... милый... братишка, – сказал Егор Иваныч, моргая ресницами. – Как же это? Два года ведь солому зря лопал... За какое самое... За какое самое это... вином торгуют?

Земляк махнул рукой и пошел в город.

1923

На живца
В трамвае я всегда ежу в прицепном вагоне.

Народ там более добродушный подбирается.

В переднем вагоне скучно и хмуро, и на ногу никому не наступи. А в прицепке, не говоря уже о ногах, много привольней и веселей.

Иногда там пассажиры разговаривают между собой на отвлеченные философские темы – о честности, например, или о заработной плате. Иногда же случаются и приключения.

На днях ехал я в четвертом номере.

Вот два гражданина против меня. Один с пилой. Другой с пивной бутылкой. Бутылка пустая. Держит человек бутылку в руках и пальцами по ней щелкает. А то к глазу поднесет и глядит на пассажиров через зеленое стекло.

Рядом со мной – гражданка в теплом платке. Сидит она вроде сильно уставшая или

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
больная. И даже глаза по временам закрывает. А рядом с гражданкой – пакет.
Этакий в газету завернут и бечевкой перевязан.

И лежит этот пакет не совсем рядом с гражданкой, а несколько поодаль. Гражданка иногда косо на него поглядывает.

– Мамаша! – говорю я гражданке. – Гляди, пакет унесут. Убери на колени.

Гражданка сердито посмотрела на меня, сделала таинственный знак рукой и, приложив палец к своим губам, снова закрыла глаза.

Потом опять с сильным неудовольствием посмотрела на меня и сказала:

– Сбил ты меня с плану, черт такой...

Я хотел было обидеться, но гражданка язвительно добавила:

– А может, я нарочно пакет этот отложила. Что тогда? Может, я и не сплю, а все как есть вижу и нарочно глаза прикрываю?...

– То есть как? – удивился я.

– Как, как... – передразнила гражданка. – Может, я вора на этот пакет хочу поймать...

Пассажиры стали прислушиваться к нашему разговору.

– А чего в пакете-то? – деловито спросил человек с бутылкой.

– Да я же и говорю, – сказала гражданка. – Может, я нарочно туда костей-тряпок напихала... Потому – вор не разбирается, чего в нем. А берет, что под руку попадет... Знаю я, не спорьте. Я, может, с неделю так езжу...

– И что же – попадают? – с любопытством спросил кто-то.

– А то как же, – воодушевилась гражданка. – Обязательно попадают... Давеча дамочка вкапалась... Молоденькая такая, хорошенькая из себя. Черненькая брунеточка... Гляжу я – вертится эта дамочка. После цоп пакет и идет... А-а-а, говорю, вкапалась, подлюга...

– С транвая их, воров-то, скидывать надоть! – сказал сердито человек с пилой.

– Это ни к чему – с трамвая, – вмешался кто-то. – В милицию надо доставлять.

– Конечно, в милицию, – сказала гражданка. – Обязательно в милицию... А то еще другой вкапался... Мужчина, славный такой, добродушный... Тоже вкапался. Взял прежде пакет и держит. Привыкает. Будто свой. А я молчу. И в сторону будто гляжу. А он после встает себе и идет тихонько... А-а, говорю, товарищ, вкапался, гадюка...

– На живца, значит, ловишь-то? – усмехнулся человек с бутылкой. – И многие попадают?

– Да я же и говорю, – сказала гражданка, – попадают.

Она заморгала глазами, глянула в окно, засуетилась и пошла к выходу.

И, уходя из вагона, она сердито посмотрела на меня и снова сказала:

– Сбил ты меня с плану, черт такой! Начал каркать на весь вагон. Теперь, ясно, никто на пакет не позарится. Вот и схожу раньше времени.

Тут кто-то с удивлением произнес, когда она ушла:

– И зачем ей это, братцы мои? Или она хочет воровство искоренить?

Другой пассажир, усмехнувшись, ответил:

– Да нет, ей просто охота, чтоб все люди вокруг воровали.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Человек с пилой сердито сказал:

– Вот какие бывают дьявольские старухи, воспитанные прежним режимом!

1923

Богатая жизнь

Кустарь Илья Иваныч Спиридонов выиграл по золотому займу пять тысяч рублей золотом.

Первое время Илья Иваныч ходил совсем ошалевший, разводил руками, тряс головой и приговаривал:

– Ну и ну... Ну и штука... Да что же это, братцы?...

Потом, освоившись со своим богатством, Илья Иваныч принимался высчитывать, сколько и чего он может купить на эту сумму. Но выходило так много и так здорово, что Спиридонов махал рукой и бросал свои подсчеты.

Ко мне, по старой дружбишке, Илья Иваныч заходил раза два в день и всякий раз со всеми мелочами и новыми подробностями рассказывал, как он узнал о своем выигрыше и какие удивительные переживания были у него в тот счастливый день.

– Ну, что ж теперь делать-то будешь? – спрашивал я. – Чего покупать намерен?

– Да чего-нибудь куплю, – говорил Спиридонов. – Вот дров, конечно, куплю. Кастрюли, конечно, нужны новые для хозяйства... Штаны, конечно...

Илья Иваныч получил наконец из банка целую грудку новеньких червонцев и исчез без следа. По крайней мере он не заходил ко мне более двух месяцев.

Но однажды я встретил Илью Иваныча на улице.

Новый светло-коричневый костюм висел на нем мешком. Розовый галстук лез в лицо и щекотал подбородок. Илья Иваныч ежесекундно одергивал его, сплевывая от злости. Было заметно, что и костюм, и узкий жилет, и пышный галстук мешали человеку и не давали ему спокойно жить.

Сам Илья Иваныч очень похудел и осунулся. И лицо было желтое и нездоровое, со многими мелкими морщинками под глазами.

– Ну, как? – спросил я.

– Да что ж, – уныло сказал Спиридонов. – Живем. Дровец, конечно, купил... А так-то, конечно, скучновато.

– С чего бы?

Илья Иваныч махнул рукой и пригласил меня в пивную. Там, одергивая розовый галстук, Илья Иваныч сказал:

– Вот все говорят: буржуи, буржуи... Буржуям, дескать, не житье, а малина. А вот я сам, скажем, буржуем побывал, капиталистом... А чего в этом хорошего?

– А что?

– Да как же, – сказал Спиридонов. – Нуте-ка, сами считайте. Родственники и свойственники, которые были мои и женины, – со всеми расплевался. Поссорился. Это, скажем, раз. В народный суд попал я или нет? Попал. По делу гражданки Быковой. Разбор будет. Это, скажем, два... Жена, супруга то есть, Марья Игнатьевна, насквозь все дни сидит на сундучке и плачет... Это, скажем, три... Налетчики дверь мне в квартире ломали или нет? Ломали. Хотя и не сломали, но есть мне от этого беспокойство? Есть. Я, может, теперь из квартиры не могу уйти. А если в квартире сидишь, опять плохо – дрова во дворе крадут. Куб у меня дров куплен. Следить надо.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Илья Иваныч с отчаянием махнул рукой.

– Чего же ты теперь делать-то будешь? – спросил я.

– А я не знаю, – сказал Илья Иваныч. – Прямо хоть в петлю.. Я как в первый день получил деньги, так все и началось, все несчастья.. То жил спокойно и безмятежно, то повезло со всех концов.

А я как в квартиру с деньгами вкатился, так сразу вижу, что неладно что-то. Родственники, конечно, вижу, колбасятся по квартире. То нет никого, а то сидят на всех стульях. Поздравляют. Я, конечно, дал каждому для потехи по два рубля.

А Мишка, женин братишка, наиболее колбасится.

– Довольно, – говорит, – стыдно по два рубля отваливать, когда, – говорит, – капиталец есть.

Ну, слово за слово, руками по столу – драка. Кто кого бьет – неизвестно. А Мишка снял с вешалки мое демисезонное пальтишко и вышел.

Ну, расплевался я с родственниками. Стал так жить.

Купил, конечно, всякого добра. Кастрюли купил, пшена на два года. Стал думать, куда еще деньги присобачить. Смотрю – жена по хозяйству трется, ни отдыха ей, ни сроку.

«Не дело, – думаю. – Хоть и баба она, а все-таки равноправная баба. Стоп, – думаю. – Возьму, – думаю, – ей в помощь небольшую девчонку. Пущай девчонка продукты стряпает».

Ну, взял. Девчонка крупу стряпает, а жена, на досуге, сидит целые дни на сундучке и плачет. То работала и веселилась, а то сидит и плачет. Ей, видите ли, на досуге всякие несчастья стали вспоминаться, и как папа ее скончался, и как она замуж за меня вышла.. Вообще полезла ей в голову полная ерунда от делать нечего.

Дал я, конечно, супруге денег.

– Сходи, – говорю, – хотя бы в клуб или в театр. Я бы, – говорю, – и сам с тобой пошел, да мне, видишь ли, за дровами последить надо.

Ну, поплакала баба – пошла в клуб. В лото стала играть. Днем плачет – на досуге, а вечером играет. А я за дровами слежу. А девчонка продукты стряпает.

А после председатель заходит и говорит:

– Ты, – говорит, – что ж это, сукин кот, подростков эксплуатируешь? Почему, – говорит, – девчонка Быкова не зарегистрирована? Я, – говорит, – на тебя в народный суд подам, даром что ты деньги выиграл..

Илья Иваныч снова махнул рукой, поправил галстук и замолчал.

– Плохо, – сказал я.

– Еще бы не плохо, – оживился Илья Иваныч. – Сижу, скажем, за пивом, а в груди сосет. Может, сию минуту дрова у меня сперли. Или, может, в квартиру лезут.. А у меня самовар новый стоит. И сидеть неохота, и идти неохота. Что ж дома? Жена, конечно, может быть, плачет. Девчонка Быкова тоже плачет – боится под суд идти.. Мишка, женин брат, наверное, вокруг квартиры колбасится – влезть хочет.. Эх, лучше бы мне и денег этих не выигрывать!

Илья Иваныч расплатился за пиво и грустно пожал мне руку. Я было хотел его утешить на прощанье, но он вдруг спросил:

– А чего это самое.. Розыгрыш-то новый скоро ли будет? Тысчонку бы мне, этово, неплохо выиграть для ровного счета..

Илья Иваныч одернул свой розовый галстук и, кивнув мне головой, торопливо пошел

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru к дому.

1923

Жертва революции

Ефим Григорьевич снял сапог и показал мне свою ногу. На первый взгляд ничего в ней особенного не было. И только при внимательном осмотре можно было увидеть на ступне какие-то зажившие ссадины и царапины.

– Заживают, – с сокрушением сказал Ефим Григорьевич. – Ничего не поделаешь – седьмой год все-таки пошел.

– А что это? – спросил я.

– Это? – сказал Ефим Григорьевич. – Это, уважаемый товарищ, я пострадал в Октябрьскую революцию. Нынче, когда шесть лет прошло, каждый, конечно, пытается примазаться: и я, дескать, участвовал в революции, и я, мол, кровь проливал и собой жертвовал. Ну, а у меня все-таки явные признаки. Признаки не соврут... Я, уважаемый товарищ, хотя на заводах и не работал и по происхождению я бывший мещанин города Кронштадта, но в свое время был отмечен судьбой – я был жертвой революции. Я, уважаемый товарищ, был задавлен революционным мотором.

Тут Ефим Григорьевич торжественно посмотрел на меня и, заворачивая ногу в портянку, продолжал:

– Да-с, был задавлен мотором, грузовиком. И не так, чтобы как прохожий или там какая-нибудь мелкая пешка, по своей невнимательности или слабости зрения, напротив – я пострадал при обстоятельствах и в самую революцию. Вы бывшего графа Орешина не знали?

– Нет.

– Ну, так вот... У этого графа я и служил. В полотерах... Хочешь не хочешь, а два раза натри им пол. А один раз, конечно, с воском. Очень графы обожали, чтобы с воском. А по мне, так наплевать – только расход лишний. Хотя, конечно, блеск получается. А графы были очень богатые и в этом смысле себя не урезывали.

Так вот такой был, знаете ли, случай: натер я им полы, скажем, в понедельник, а в субботу революция произошла. В понедельник я им натер, в субботу революция, а во вторник, за четыре дня до революции, бежит ко мне ихний швейцар и зовет:

– Иди, – говорит, – кличут. У графа, – говорит, – кража и пропажа, а на тебя подозрение. Живо! А не то тебе голову отвернут.

Я пиджачишко накинул, похряпал на дорогу – и к ним. Прибегаю. Вваливаюсь, натурально, в комнаты. Гляжу – сама бывшая графиня бьется в истерике и по ковру пятками бьет.

Увидела она меня и говорит сквозь слезы:

– Ах, – говорит, – Ефим, комси-комса, не вы ли сперли мои дамские часики, девяносто шестой пробы, обсыпанные брильянтами?

– Что вы, – говорю, – что вы, бывшая графиня! На что, – говорю, – мне дамские часики, если я мужчина? Смешно, – говорю. – Извините за выражение.

А она рыдает.

– Нет, – говорит, – не иначе, как вы сперли, комси-комса.

И вдруг входит сам бывший граф и всем присутствующим возражает:

– Я, – говорит, – чересчур богатый человек, и мне раз плюнуть и растереть ваши бывшие часики, но, – говорит, – это дело я так не оставляю. Руки, – говорит, – свои я не хочу пачкать о ваше хайло, но подам ко взысканию, комси-комса. Ступай, – говорит, – отселева.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
я, конечно, посмотрел в окно и вышел.

Пришел я домой, лег и лежу. И ужасно скучаю от огорчения. Потому что не брал я ихние часики.

И лежу я день и два – пищу перестал вкушать и все думаю, где могли быть эти обсыпанные часики.

И вдруг – на пятый день – как ударит меня что-то в голову.

«Батюшки, – думаю, – да ихние часишки я же сам в кувшинчик с пудрой пихнул. Нашел на ковре, думал, медальон, и пихнул».

Накинул я сию минуту на себя пиджачок и, не покушав даже, побежал на улицу. А жил бывший граф на Офицерской улице.

И вот бегу я по улице, и берет меня какая-то неясная тревога. Что это, думаю, народ как странно ходит боком и вроде как пугается ружейных выстрелов и артиллерии? С чего бы это, думаю.

Спрашиваю у прохожих. Отвечают:

– Вчера произошла Октябрьская революция.

Поднажал я – и на Офицерскую.

Прибегаю к дому. Толпа. И тут же мотор стоит. И сразу меня как-то осенило: не попасть бы, думаю, под мотор. А мотор стоит... Ну, ладно. Подошел я ближе, спрашиваю:

– Чего тут происходит?

– А это, – говорят, – мы которых аристократов в грузовик сажаем и арестовываем. Ликвидируем этот класс.

И вдруг вижу я – ведут. Бывшего графа ведут в мотор, растолкал я народ, кричу:

– В кувшинчике, – кричу, – часики ваши, будь они прокляты! В кувшинчике с пудрой.

А граф, стерва, нуль на меня внимания и садится.

Бросился я ближе к мотору, а мотор, будь он проклят, как зашуршит в тую минуту, как пихнет меня колесьями в сторону.

«Ну, – думаю, – есть одна жертва».

Тут Ефим Григорьевич опять снял сапог и стал с досадой осматривать зажившие метки на ступне. Потом снова надел сапог и сказал:

– Вот-с, уважаемый товарищ, как видите, и я пострадал в свое время и являюсь, так сказать, жертвой революции. Конечно, я не то чтобы этим задаюсь, но я не позволю никому над собой издеваться. А между прочим, председатель жилтоварищества обмеривает мою комнату в квадратных метрах, да еще тое место, где комод стоит, – тоже. Да еще издевается: под комодом, говорит, у вас расположено около полметра пола. А какие же это полметра, ежели это место комодом занято? А комод – хозяйский.

1923

Аристократка

Григорий Иванович шумно вздохнул, вытер подбородок рукавом и начал рассказывать:

– я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ней фильдекосовые, или мопсик у ней на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
А в свое время я, конечно, увлекался одной аристократкой. Гулял с ней и в театр водил. В театре-то все и вышло. В театре она и развернула свою идеологию во всем объеме.

А встретился я с ней во дворе дома. На собрании. Гляжу, стоит этакая фря. Чулочки на ней, зуб золоченый.

– Откуда, – говорю, – ты, гражданка? Из какого номера?

– Я, – говорит, – из седьмого.

– Пожалуйста, – говорю, – живите.

И сразу как-то она мне ужасно понравилась. Зачастил я к ней. В седьмой номер. Бывало, приду, как лицо официальное. Дескать, как у вас, гражданка, в смысле порчи водопровода и уборной? Действует?

– Да, – отвечает, – действует.

И сама кутается в байковый платок, и ни мур-мур больше. Только глазами стрижет. И зуб во рте блестит. Походил я к ней месяц – привыкла. Стала подробней отвечать. Дескать, действует водопровод, спасибо вам, Григорий Иванович.

Дальше – больше, стали мы с ней по улицам гулять. Выйдем на улицу, а она велит себя под руку принять. Приму ее под руку и волочусь, что щука. И чего сказать – не знаю, и перед народом совестно.

Ну, а раз она мне и говорит:

– Что вы, – говорит, – меня все по улицам водите? Аж голова закрутилась. Вы бы, – говорит, – как кавалер и у власти, сводили бы меня, например, в театр.

– Можно, – говорю.

И как раз на другой день прислала комячейка билеты в оперу. Один билет я получил, а другой мне Васька-слесарь пожертвовал.

На билеты я не посмотрел, а они разные. Который мой – внизу сидеть, а который Васькин – аж на самой галерке.

Вот мы и пошли. Сели в театр. Она села на мой билет, я – на Васькин. Сажу на верхотурье и ни хрена не вижу. А ежели нагнуться через барьер, то ее вижу. Хотя плохо. Поскучал я, поскучал, вниз сошел. Гляжу – антракт. А она в антракте ходит.

– Здравствуйте, – говорю.

– Здравствуйте.

– Интересно, – говорю, – действует ли тут водопровод?

– Не знаю, – говорит.

И сама в буфет. Я за ней. Ходит она по буфету и на стойку смотрит. А на стойке блюдо. На блюде пирожные.

А я таким гусем, таким буржуем нерезаным вьюсь вокруг ее и предлагаю:

– Ежели, – говорю, – вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу.

– Мерси, – говорит.

И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом и жрет.

А денег у меня – кот наплакал. Самое большое, что на три пирожных. Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег – с гулькин нос.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru

Съела она с кремом, цоп другое. Я аж крикнул. И молчу. Взяла меня этакая буржуйская стыдливость. Дескать, кавалер, а не при деньгах.

Я хожу вокруг нее, что петух, а она хохочет и на комплименты напрашивается.

Я говорю:

– Не пора ли нам в театр сесть? Звонили, может быть.

А она говорит:

– Нет.

И берет третье.

Я говорю:

– Натощак – не много ли? Может вытошнить.

А она:

– Нет, – говорит, – мы привыкшие.

И берет четвертое.

Тут ударила мне кровь в голову.

– Ложи, – говорю, – взад!

А она испужалась. Открыла рот, а во рте зуб блестит.

А мне будто попала вожа под хвост. Все равно, думаю, теперь с ней не гулять.

– Ложи, – говорю, – к чертовой матери!

Положила она назад. А я говорю хозяину:

– Сколько с нас за скушанные три пирожные?

А хозяин держится индифферентно – ваньку валяет.

– С вас, – говорит, – за скушанные четыре штуки столько-то.

– Как, – говорю, – за четыре?! Когда четвертое в блюде находится.

– Нету, – отвечает, – хотя оно и в блюде находится, но надкус на ем сделан и пальцем смято.

– Как, – говорю, – надкус, помилуйте! Это ваши смешные фантазии.

А хозяин держится индифферентно – перед рожей руками крутит.

Ну, народ, конечно, собрался. Эксперты.

Одни говорят – надкус сделан, другие – нету. А я вывернул карманы – всякое, конечно, барахло на пол вывалилось – народ хохочет. А мне не смешно. Я деньги считаю.

Сосчитал деньги – в обрез за четыре штуки. Зря, мать честная, спорил.

Заплатил. Обращаюсь к даме:

– Докушайте, – говорю, – гражданка. Заплачено.

А дама не двигается. И конфузится докушивать.

А тут какой-то дядя ввязался.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Давай, – говорят, – я докупаю.

И докупал, сволочь. За мои-то деньги.

Сели мы в театр. Досмотрели оперу. И домой.

А у дома она мне и говорит своим буржуйским тоном:

– Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег – не ездят с дамами.

А я говорю:

– Не в деньгах, гражданка, счастье. Извините за выражение.

Так мы с ней и разошлись.

Не нравятся мне аристократки.

1923

Стакан

Тут недавно маляр Иван Антонович Блохин скончался по болезни. А вдова его, средних лет дамочка, Марья Васильевна Блохина, на сороковой день небольшой пикничок устроила.

И меня пригласила.

– Приходите, – говорит, – помянуть дорогого покойника чем Бог послал. Курей и жареных утей у нас, – говорит, – не будет, а паштетов тоже не предвидится. Но чаю хлебайте, сколько угодно, вволю и даже можете с собой домой брать.

Я говорю:

– В чае хотя интерес не большой, но прийти можно. Иван Антонович Блохин довольно, – говорю, – добродушно ко мне относился и даже бесплатно потолок побелил.

– Ну, – говорит, – приходите тем более.

В четверг я и пошел.

А народу приперлось множество. Родственники всякие. Деверь тоже, Петр Антонович Блохин. Ядовитый такой мужчина со стоячими кверху усиками. Против арбуза сел. И только у него, знаете, и делов, что арбуз отрезает перочинным ножом и кушает.

А я выкушал один стакашек чаю, и неохота мне больше. Душа, знаете, не принимает. Да и вообще чайшко неважный, надо сказать, – шваброй малость отзывает. И взял я стакашек и отложил к черту в сторону.

Да маленько неаккуратно отложил. Сахарница тут стояла. Об эту сахарницу я прибор и ккнул, об ручку. А стакашек, будь он проклят, возьми и трещину дай.

Я думал, не заметят. Заметили, дьяволы.

Вдова отвечает:

– Никак, батюшка, стакан тюкнули?

Я говорю:

– Пустяки, Марья Васильевна Блохина. Еще продержится.

А деверь нажрался арбуза и отвечает:

– То есть как это пустяки? Хорошие пустяки. Вдова их в гости приглашает, а они у вдовы предметы тюкают.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

А Марья Васильевна осматривает стакан и все больше расстраивается.

– Это, – говорит, – чистое разорение в хозяйстве – стаканы бить. Это, – говорит, – один – стакан тукнет, другой – крантик у самовара начисто оторвет, третий – салфетку в карман сунет. Это что ж и будет такое?

А деверь, паразит, отвечает:

– Об чем, – говорит, – речь. Таким, – говорит, – гостям прямо морды надо арбузом разбивать.

Ничего я на это не ответил. Только побледнел ужасно и говорю:

– Мне, – говорю, – товарищ деверь, довольно обидно про морду слушать. Я, – говорю, – товарищ деверь, родной матери не позволю морду мне арбузом разбивать. И вообще, – говорю, – чай у вас шваброй пахнет. Тоже, – говорю, – приглашение. Вам, – говорю, – чертям, три стакана и одну кружку разбить – и то мало.

Тут шум, конечно, поднялся, грохот. Деверь наиболее других колбасится. Съеденный арбуз ему, что ли, в голову бросился.

И вдова тоже трясется мелко от ярости.

– У меня, – говорит, – привычки такой нету – швабры в чай ложить. Может, это вы дома ложите, а после на людей тень наводите. Маляр, – говорит, – Иван Антонович в гробе, наверное, повертывается от этих тяжелых слов... Я, – говорит, – щучий сын, не оставляю вас так после этого.

Ничего я на это не ответил, только говорю:

– Тьфу на всех, и на деверя, – говорю, – тьфу.

И поскорее вышел.

Через две недели после этого факта повестку в суд получаю по делу Блохиной.

Являюсь и удивляюсь.

Нарсудья дело рассматривает и говорит:

– Нынче, – говорит, – все суды такими делами закрючены, а тут еще, не угодно ли. Платите, – говорит, – этой гражданке двугривенный и очищайте воздух в камере.

Я говорю:

– Я платить не отказываюсь, а только пушай мне этот треснувший стакан отдадут из принципа.

Вдова говорит:

– Подавись этим стаканом. Бери его.

На другой день, знаете, ихний дворник Семен приносит стакан. И еще нарочно в трех местах треснувший.

Ничего я на это не сказал, только говорю:

– Передай, – говорю, – своим сволочам, что теперь я их по судам затаскаю.

Потому, действительно, когда характер мой зайдет, – я могу до трибунала пойти.

1923

Собачий нюх

У купца Еремея Бабкина сперли енотовую шубу.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
Взвыл купец Еремей Бабкин. Жалко ему, видите ли, шубы.

– Шуба-то, – говорит, – больно хороша, граждане. Жалко. Денег не пожалею, а уж найду преступника. Плюну ему в морду.

И вот вызвал Еремей Бабкин уголовную собаку-ищейку. Является этакий человек в кепочке, в обмотках, а при нем собака. Этакая даже собачища – коричневая, морда острая и несимпатичная.

Ткнул этот человек собачку свою в следы возле двери, сказал «пс» и отошел. Понюхала собака воздух, повела по толпе глазом (народ, конечно, собрался) и вдруг к бабке Фекле, с пятого номера, подходит и нюхает ей подол. Бабка за толпу. Собака за юбку. Бабка в сторону – и собака за ней. Ухватила бабку за юбку и не пускает.

Рухнула бабка на колени перед агентом.

– Да, – говорит, – попалась. Не отпираюсь. И, – говорит, – пять ведер закваски – это так. И аппарат это действительно верно. Все, – говорит, – находится в ванной комнате. Ведите меня в милицию.

Ну, народ, конечно, ахнул.

– А шуба? – спрашивают.

– Про шубу, – говорит, – ничего не знаю и ведать не ведаю, а остальное – это так. Ведите меня, казните.

Ну, увели бабку.

Снова взял агент собачищу свою, снова ткнул ее носом в следы, сказал «пс» и отошел.

Повела собачища глазом, понюхала пустой воздух и вдруг к гражданину управдому подходит.

Побелел управдом, упал навзничь.

– Вяжите, – говорит, – меня, люди добрые, сознательные граждане. Я, – говорит, – за воду деньги собрал, а те деньги на прихоти свои истратил.

Ну, конечно, жильцы навалились на управдома, стали вязать. А собачища тем временем подходит к гражданину из седьмого номера. И тербит его за штаны.

Побледнел гражданин, свалился перед народом.

– Виноват, – говорит, – виноват. Я, – говорит, – это верно, в трудовой книжке год подчистил. Мне бы, – говорит, – жеребцу, в армии служить и защищать отечество, а я живу в седьмом номере и пользуюсь электрической энергией и другими коммунальными услугами. Хватайте меня!

Растерялся народ.

«Что, – думает, – за такая поразительная собака?» А купец Еремей Бабкин заморгал очами, глянул вокруг, вынул деньги и подает их агенту.

– Уводи, – говорит, – свою собачищу к свиньям собачьим. Пушай, – говорит, – пропадает енотовая шуба. Пес с ней...

А собачища уж тут. Стоит перед купцом и хвостом вертит.

Растерялся купец Еремей Бабкин, отошел в сторону, а собака за ним. Подходит к нему и его калоши нюхает. Залекотал купец, побледнел.

– Ну, – говорит, – Бог правду видит, если так. Я, – говорит, – и есть сукин кот и мазурик. И шуба-то, – говорит, – братцы, не моя. Шубу-то, – говорит, – я у брата своего зажил. Плачу и рыдаю!

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Бросился тут народ врассыпную. А собачище и воздух некогда нюхать, схватила она двоих или троих – кто подвернулся – и держит.

Покаялись эти. Один казенные денежки в карты пропер, другой супругу свою утюгом тюкнул, третий такое сказал, что и передать неловко.

Разбежался народ. Опустел двор. Остались только собака да агент.

И вот подходит вдруг собака к агенту и хвостом виляет. Побледнел агент, упал перед собакой.

– Кусайте, – говорит, – меня, гражданка. Я, – говорит, – на ваш собачий харч три червонца получаю, а два себе беру...

Чего было дальше – неизвестно. Я от греха поскорее смылся.

1923

Собачий случай

Жил такой Вася Семечкин. Безработный. Уволили его по сокращению штатов, а он и в ус не дует.

– Пущай, – говорит, – буду-ка я человеком свободной профессии.

Стал он думать, чем ему промышлять, дровами или чем другим. Да случай вышел.

Проживал в четвертом номере всемирноученый старичок. И занимался этот старичок разнообразными опытами, все больше над собаками. То пришьет им какую-либо кишку, то сыворотку привьет, то прививку холерную, а то и просто хвост отрежет и интересуется: может ли животное без хвоста жить. Одним словом, опыты.

Но однажды встретил всемирноученый старичок Ваську во дворе и говорит ему:

– Нет ли у вас какой-нибудь собачки для ученых опытов? Я, – говорит, – за каждую собачку плачу трешку.

Обрадовался Васька. Сразу смекнул.

– Есть, – говорит, – вы угадали. Это, – говорит, – даже моя специальность доставать опытных собачек. Пожалуйста. Завсегда ко мне обращайтесь.

Ударили они по рукам и разошлись.

Первая собачка пропала у управдома. Ужасно тогда грустил управдом. Накинул даже на квартиры и хотел на воду накинуть, да были перевыборы – поперли его.

Вторая собачка исчезла в седьмом номере. И такая это была паршивенькая собачка, болонка – глаз у ней красный, отвратительный, шерсть висячая. Омерзительная собачка. И кусачая к тому же. У Васьки до сих пор шрам на руке.

Третью собачку Васька поймал на улице. А там и пошло, и пошло.

Только раз всемирноученый старичок сказал Ваське:

– Что ты, – говорит, – голубчик, мне все паршивеньких собак доставляешь? Нынче я опыт произвожу над предстательной железой, и нужна мне для этого собака особо крепкая, фигурная, чтоб хвост у ней был дыбом, чтоб она, стерва, бодрилась бы под ножом.

И вот пошел Васька с утра пораньше такую собаку искать. Прошел четыре квартала – нету. По пути только маленькую сучку в мешок пихнул.

Идет по Карповке, смотрит: стоит у тумбы этакая значительная собачища и воздух нюхает.

Обрадовался Васька. И верно: особо фигурная собака, бока гладкие, хвост трубой, и все время бодрится.

Подошел к ней Васька, хлеб сует.

– Собачка, собачка...

А она урчит и хвостом отмахивается. Начал Васька мешок развязывать, а она за руку его – тяп. И держит.

Васька рвется – не пускает. Народ стал собираться, публика. Вдруг кто-то говорит:

– Братцы, да это уголовная собака Трефка.

Как услышал это Васька, упал с испугу. Мешок выронил. А из мешка сучка выпала.

– Ага! – закричал народ. – Да это, братцы, собачник. Хватай его!

Схватили Ваську и повели в милицию.

А после судили его. Оправдали все-таки. Во-первых, безработный, с голоду. Во-вторых, для науки.

– Впредь, – сказали, – не делай этого.

Стал с тех пор Васька дровами промышлять.

1923

Брак по расчету

– Раньше, граждане, было куда как проще, – сказал Григорий Иванович. – А которые женихи – тем все было как на ладони. Вот, скажем, невеста, вот ее мама, а вот приданое. А если приданое, то опять-таки какое это приданое: деньгами или, может быть, домик на фундаменте.

Ежели деньгами – благородный родитель объявляет сумму. А ежели домик на фундаменте, то опять-таки иная речь – какой это домик? Может, деревянный, а может, он и каменный. Все видно, все понятно, и нету никакой фальши.

Ну а теперь? Нуте-ка, сунься теперь, который жених – не разбери-бери! Потому что у теперешнего родителя привычки такой нет – давать деньгами. А которые женихи на имущество ориентируются, – еще того хуже.

Скажем, недвижимое имущество – висит шуба на вешалке. Ну, висит и висит. Месяц висит и два висит. Каждый день, например, ее можно видеть и руками щупать, а как до дела, то шубу эту, не угодно ли, комнатный жилец повесил и вовсе она не невестина. Или перина. Глядишь – перина, ляжешь на нее – она пером набита.

Вот вам и имущество! С таким имуществом крови больше испортишь.

Ах, чего только не делается на свете – не разбери-бери!

Я старый революционер с девятого года, во всех партиях перебивал, и то у меня голова кругом, и не разбираюсь.

Только и есть одно – которые невесты служат. У тех без обмана: ставка, разряд, категория... Но и тут обмишуриться можно.

Мне вот понравилась одна. Перемигнулись. Познакомились. Тары да бары, где, говорю, служите, сколько получаете? Дескать, разряд ваш и ставка?

– Служу, – говорит, – на складе. Ставка такая-то.

– Ну, – говорю, – мерси и отлично. Вы, – говорю, – мне нравитесь. И разряд ваш симпатичный, и ставка ничего себе. Будем знакомы.

Стали мы с ней кинематографы посещать. Плачу я. Посещали неделю или две – ультиматум ей ставлю: вводите, говорю, в дом.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Ввела в дом. Ну, конечно, в доме старушка мамочка. Папашка – этакий старый революционер. Дочь – невеста, и при ней я – жених вроде бы.

Дальше – больше. Хожу к ним в гости и приглядываюсь. С мамашей на философские темы разговариваю: дескать, как им живется, не туго ли? Не придется ли, оборони Создатель, помогать?

– Нет, – отвечает, – насчет помощи нам не надо. А что до приданого, не совру, – приданого нету. Хотя бельишко и полдюжины ложек можно отсыпать.

– Ах, – говорю, – старушка, божий цветочек! Полдюжины или вся дюжина – там видно будет. Стоит ли об этом говорить раньше времени. Мне, – говорю, – ваша дочка и так нравится – все-таки разряд пятнадцатый, льготы, талоны... Это мне вроде бы приданое.

Ну, старушка, божий цветочек, – в слезы. И папочка, старый революционер, прослезился.

– Что ж, – говорит, – женись, милый, если так.

Ну, обручение. Разговоры. Вздохи.

А старушка, божий цветочек, насчет церкви намекает. Не плохо бы, дескать, в церкви окрутиться.

А я говорю:

– Окрутимся и так. Я, – говорю, – старый революционер. Не дожидаясь чистки, ушел из партии. Не могу идти против своей совести. Не настаивайте.

Поплакала старушка. И папаша, старый революционер, прослезился. Однако соглашаются.

Женились мы.

По утрам молодая, красивая супруга отбывает на службу, а в четыре – назад возвращается. А в руках у ей сверток.

Ну, конечно, снова нежные речи – дескать, вставай, Гриша, пролежни пролежишь.

И опять слезы от счастья и медовый месяц.

И вот длится эта дискуссия два месяца по новому стилю.

Но только однажды приходит молодая, красивая супруга без свертка и вроде – рыдает.

– О чем, – говорю, – рыдаете, не потеряли ли свертка, оборони Создатель?

– Да нет, – говорит, – что значит сверток? Уволили меня по сокращению.

– Да что вы, – говорю, – помилуйте!

– Да, – говорит.

– Позвольте, – говорю, – я от вас приданого не требую, но, – говорю, – я на службу ориентировался.

А молодая супруга неутешна.

– Да, – говорит, – уволили, как замужнюю.

– Помилуйте, – говорю, – да я сам на вашу службу пойду, объяснюсь. Это немислимо.

И вот надел я поскорее штаны и вышел.

Прихожу. Заведующий – этакий старый революционер с бородкой.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Я ему, подлецу, объясняю всю подноготную, а он уперся и говорит: ничего не знаю. Я ему про приданое, а он говорит – в семейные дела не касаюсь.

Я говорю:

– Я тоже старый революционер, с пятого года.

А он из помещения просит чество.

Попрощался с ним и – домой. Прихожу. Супруга сидит и не плачет.

– Что ж, – говорю, – плакать перестали! Я, – говорю, – на вас женился, а вы сокращаетесь?

Беру ее за руку, и идем к мамаше.

– Спасибо, – говорю, – за одолжение. Думаете, дюжину ложек дали, и баста?

Ну, старушка, божий цветочек, – в слезы. И папаша, старый революционер, прослезился.

– Все, – говорит, – от Бога. Может, – говорит, – и так проживете.

Хотел я папашке за это по роже съездить, да воздержался. Еще, думаю, в суд, стерва, подаст.

Плюнул я другу в жилетку и вышел...

А теперь я развелся и ищу невесту...

1923

Неизвестный друг

Жил такой человек, Петр Петрович, с супругой своей, Катериной Васильевной. Жил он на Малой Охте. И жил хорошо. Богато. Хозяйство, и гардероб, и сундуки, полные добра... Было у него даже два самовара. А утюгов и не счесть – штук пятнадцать.

Но при всем таком богатстве жил человек скучновато. Сидел на своем добре, смотрел на свою супругу и никуда не показывался. Боялся из дома выходить, в смысле кражи. Даже в кинематограф не ходил. А то, думает, в его отсутствие разворуют вещички.

Ну а однажды получил Петр Петрович письмо по почте. Письмо секретное. Без подписи. Пишет кто-то:

«Эх, ты, – пишет, – старый хрен, степа – валеный сапог. Живешь ты с молодой супругой и не видишь, чего вокруг делается. Жена-то твоя, дурень старый, крутит с одним обывателем. Как я есть твой неизвестный друг и все такое, то сообщаю: ежели ты, старый хрен, придешь в Сад трудящихся в семь часов вечера в субботу, двадцать девятого июля, то глазами удостоверись, какая есть твоя супруга гуляющая бабочка. Протри глаза, старый хрен.

С глубоким почтением

Неизвестный друг».

Прочел это письмо Петр Петрович и обомлел. Стал вспоминать как и что. И вспомнил: получила Катерина Васильевна два письма, а от кого – не сказала. И вообще вела себя подозрительно: к мамаше зачастила и денег требовала на мелкие расходы.

«Ну клюква! – подумал Петр Петрович. – Пригрел я змею... Но ничего, не позволю над собой насмеяться. Выслежу, морду набью – и разговор весь».

В субботу, двадцать девятого июля, Петр Петрович сказался больным. Лег на диван и следит за супругой. А та – ничего, хозяйством занимается. Но к вечеру говорит:

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
– Мне, – говорит, – Петр Петрович, нужно к мамаше сходить. У меня, – говорит, – мамаша опасно захворала.

И сама нос пудрой, шляпку на затылок и пошла.

Петр Петрович поскорей оделся, взял в левую руку палку, надел калоши – и следом за женой.

Пришел в Сад трудящихся, воротничок поднял, чтоб не узнали, и ходит по дорожкам. Вдруг видит – у фонтана супруга сидит и в даль всматривается. Подошел.

– А, – говорит, – здравствуйте. Любовника ожидаете? Так-с, вам, – говорит, – Катерина Васильевна, морду набить мало...

Та в слезы.

– Ах, – говорит, – Петр Петрович, Петр Петрович! Не подумайте худого... Не хотела я вам говорить, но приходится...

И с этими словами вынимает она из рукава письмо.

А в письме, в печальных тонах, написано о том, что она, Катерина Васильевна, одна может спасти человека, который погибает и находится в жизни на краю пропасти. И этот человек умоляет прийти Катерину Васильевну в Сад трудящихся в субботу, двадцать девятого июля.

– Странно, – говорит. – Кто же пишет?

– Я не знаю, – отвечает Катерина Васильевна. – Я пожалела и пришла. А какой это человек – я не знаю.

– Так-с, – говорит Петр Петрович, – пришла. А ежели пришла, так и сиди и не двигайся. Я, – говорит, – за фонтан спрячусь. Посмотрю, что за фигура. Я, – говорит, – намну ему бока.

Спрятался Петр Петрович за фонтан и сидит. А супруга напротив – бледная и еле дышит. Час проходит – никого. Еще час – опять никого. Вылезает тогда Петр Петрович из-за фонтана.

– Ну, – говорит, – не хнычьте, Катерина Васильевна. Тут, безусловно, кто-нибудь подшутил над нами. Идемте домой, что ли... Нагулялись... Не ваш ли братец-подлец подшутил?

Покачала головой Катерина Васильевна.

– Нет, – говорит, – тут что-нибудь серьезное. Может, неизвестный человек испугался вас и не подошел.

Плюнул Петр Петрович, взял жену под руку и пошел.

И вот приезжают супруги домой. А дома – разгром. Сундуки и комоды разворочены, утюги раскиданы, самоваров нет – грабеж. А на стене булавкой припилена записка:

«Вас, чертей собачьих, иначе никаким каком из дома не вытащишь. Сидят, как сычи... А костюмчики твои, старый хрен, не по росту мне. Рост у тебя, старый хрен, паршивый и низенький. Это довольно подло с твоей стороны. А супруге твоей – наше нижайшее с кисточкой и с огурцом пятнадцать».

Прочли супруги записку, охнули, сели на пол и ревут, как маленькие.

1923

Агитатор

Сторож авиационной школы Григорий Косоносов поехал в отпуск в деревню.

– Ну что ж, товарищ Косоносов, – говорили ему приятели перед отъездом, – поедете, так уж вы, того, поагитируйте в деревне-то. Скажите мужичкам: вот, мол,

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
авиация развивается... Может, мужички на аэроплан сложатся.

– Это будьте уверены, – говорил Косоносов, – поагитирую. Что другое, а уж про авиацию, не беспокойтесь, скажу.

В деревню приехал Косоносов осенью и в первый же день приезда отправился в Совет.

– Вот, – сказал он, – желаю поагитировать. Как я есть приехавши из города, так нельзя ли собрание собрать?

– Что ж, – сказал председатель, – валяйте, завтра соберу мужичков.

На другой день председатель собрал мужичков у пожарного сарая.

Косоносов вышел к ним, поклонился и, с непривычки робея, начал говорить дрожащим голосом:

– Так вот, этого... – сказал Косоносов, – авиация, товарищи крестьяне... Как вы есть народ, конечно, темный, то, этого, про политику скажу... Тут, скажем, Германия, а тут Китай. Тут Россия, а тут... вообще...

– Это ты про что, милый? – не поняли мужички.

– Про что? – обиделся Косоносов. – Про авиацию я. Развивается, этого, авиация... Тут Россия, а тут Китай.

Мужички слушали мрачно.

– Не задерживай! – крикнул кто-то сзади.

– Я не задерживаю, – сказал Косоносов. – Я про авиацию... Развивается, товарищи крестьяне. Ничего не скажу против. Что есть, то есть. Не спорю...

– Непонятно! – крикнул председатель. – Вы, товарищ, ближе к массам...

Косоносов подошел ближе к толпе и, свернув козыю ножку, снова начал:

– Так вот, этого, товарищи крестьяне... Строят еропланы и летают после. По воздуху то есть. Ну, иной, конечно, не удержится – бабахнет вниз. Как это летчик товарищ Ермилкин. Взлететь взлетел, а там как бабахнет, аж кишки врозь...

– Не птица ведь, – сказали мужики.

– Я же и говорю, – обрадовался Косоносов поддержке, – известно – не птица. Птица – та упадет, ей хоть бы хрен – отряхнулась и дальше... А тут накось, выкуси... Другой тоже летчик, товарищ Михаил Иванович Попков. Полетел, все честь честью, бац – в моторе порча... Как бабахнет...

– Ну? – спросили мужики.

– Ей-богу... А то один на деревья свержился. И висит, что маленький. Испужался, блажит, умора... Разные бывают случаи... А то раз у нас корова под пропеллер сунулась. Раз-раз, чик-чик – и на кусочки. Где роги, а где вообще брюхо – разобрать невозможно... Собаки тоже, бывает, попадают.

– И лошади? – спросили мужики. – Неужто и лошади, родимый, попадают?

– И лошади, – сказал Косоносов. – Очень просто.

– Ишь черти, вред им в ухо, – сказал кто-то. – До чего додумались! Лошадей крошить... И что ж, милый, развивается это?

– Я же и говорю, – сказал Косоносов, – развивается, товарищи крестьяне... Вы, этого, соберитесь миром и жертвуйте.

– Это на что же, милый, жертвовать? – спросили мужики.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
– На ероплан, – сказал Косоносов.

Мужики, мрачно посмеиваясь, стали расходиться.

1923

Баба

Судья пристально смотрит на обвиняемых. Их двое – муж и жена. Самогонщики.

– Так как же, – спрашивает судья, – значит, вы, обвиняемый, не признаете себя виноватым?

– Нету, – говорит подсудимый, – не признаю.. Она во всем виновата. Она пуцай и расплачивается. Я ничего не знаю про это..

– Позвольте, – удивляется судья, – как же так? Вы живете с женой в одной квартире и ничего не знаете. Не знаете даже, чем занимается ваша жена.

– Не знаю, гражданин судья.. Она во всем..

– Странно, – говорит судья. – Подсудимая, что вы скажете?

– Верно уж, начальник судья, верно.. Я во всем виновата.. Меня и казните.. Он не касается..

– Гражданка, – говорит судья, – если вы хотите выгородить своего мужа, то напрасно. Суд все равно разберет.. Вы только задерживаете дело.. Вы сами посудите: не могу же я вам поверить, что муж живет в одной квартире и ничего не знает.. Что, вы не живете с ним, что ли?

Подсудимая молчит. Муж радостно кивает головой.

– Не живу я с ней, – говорит он, – вот именно: не живу. Некоторые думают, что я живу, а я нет.. Она во всем виновата..

– Верно это? – спрашивает судья у подсудимой.

– Уж верно.. Меня одну казните, он не причастен.

– Вот как? – говорит судья. – Не живете.. Что ж вы, характером не сошлись?

Подсудимый кивает головой.

– Характером, гражданин судья, и вообще.. Она и старше меня, и..

– То есть как это старше? – спрашивает подсудимая. – Ровесники мы с ним, гражданин судья.. На месяц-то всего я и старше.

– Это верно, – говорит подсудимый, – на месяц только.. Это она правильно, гражданин судья.. Ну, а для бабы каждый месяц, что год.. В сорок-то лет..

– И нету сорока. Врет он, гражданин судья.

– Ну хоть и нету, а для бабы и тридцать девять – возраст. И волос все-таки седой к сорока-то, и вообще..

– Что вообще? – возмущается подсудимая. – Ты договаривай! Нечего меня перед народом страмить. Что вообще?

Судья улыбается.

– Ничего, Марусечка.. Я только так. Я говорю – вообще.. и кожа уж не та, и морщинки, ежели, скажем, в сорок-то лет.. Не живу я с ней, гражданин судья..

– Ах, вот как! – кричит подсудимая. – Кожа тебе не по вкусу? Морщинки тебе, морда собачья, не ндравятся? Перед народом меня страмить выдумал.. Врет он, граждане судьи! Живет он со мной, сукин сын. Живет. И самогонный аппарат сам

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru покупал... Я ж для него, для сукиного сына, кровь порчу, спасаю его, а он вот что. Страмить... Пуцай вместе казнят...

Подсудимая плачет, громко сморкаясь в платок. Подсудимый оторопело смотрит на жену. Потом с отчаянием машет рукой.

– Баба, баба и есть, чертова баба... Пуцай уж, гражданин судья... Я тоже... И я виновный. Пуцай уж... У-у, стерва...

Судья совещается с заседателями.

1923

Любовь

Вечеринка кончилась поздно.

Вася Чесноков, утомленный и вспотевший, с распорядительским бантом на гимнастерке, стоял перед Машенькой и говорил умоляющим тоном:

– Обождите, радость моя... Обождите первого трамвая. Куда же вы, ей-богу, в самом деле... Тут и посидеть-то можно, и обождать, и все такое, а вы идете... Обождите первого трамвая, ей-богу. А то и вы, например, вспотевши, и я вспотевши... Так ведь и захворать можно по морозу...

– Нет, – сказала Машенька, надевая калоши. – И какой вы кавалер, который даму не может по морозу проводить?

– Так я вспотевши же, – говорил Вася, чуть не плача.

– Ну, одевайтесь!

Вася Чесноков покорно надел шубу и вышел с Машенькой на улицу, крепко взяв ее под руку.

Было холодно. Светила луна. И под ногами скрипел снег.

– Ах, какая вы беспокойная дамочка, – сказал Вася Чесноков, с восхищением рассматривая Машенькин профиль. – Не будь вы, а другая – ни за что бы не пошел провожать. Вот, ей-богу, в самом деле. Только из-за любви и пошел.

Машенька засмеялась.

– Вот вы смеетесь и зубки скалите, – сказал Вася, – а я действительно, Марья Васильевна, горячо вас обожаю и люблю. Вот скажите: лягте, Вася Чесноков, на трамвайный путь, на рельсы и лежите до первого трамвая – и лягу. Ей-богу...

– Да бросьте вы, – сказала Машенька, – посмотрите лучше, какая чудная красота вокруг, когда луна светит. Какой красивый город по ночам! Какая чудная красота!

– Да, замечательная красота, – сказал Вася, глядя с некоторым изумлением на облупленную штукатурку дома. – Действительно, очень красота... Вот и красота тоже, Марья Васильевна, действует, ежели действительно питаешь чувства... Вот многие ученые и партийные люди отрицают чувства любви, а я, Марья Васильевна, не отрицаю. Я могу питать к вам чувства до самой моей смерти и до самопожертвования. Ей-богу... Вот скажите: ударюсь, Вася Чесноков, затылком об тую стенку – ударюсь.

– Ну, поехали, – сказала Машенька не без удовольствия.

– Ей-богу, ударюсь. Желаете?

Парочка вышла на Крюков канал.

– Ей-богу, – снова сказал Вася, – хотите вот – брошусь в канал? А, Марья Васильевна? Вы мне не верите, а я могу доказать...

Вася Чесноков взялся за перила и сделал вид, что лезет.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Ах! – закричала Машенька. – Вася! Что вы!

Какая-то мрачная фигура вынырнула вдруг из-за угла и остановилась у фонаря.

– Что разорались? – тихо сказала фигура, подробно осматривая парочку.

Машенька в ужасе вскрикнула и прижалась к решетке. Человек подошел ближе и потянул Васю Чеснокова за рукав.

– Ну, ты, мырра, – сказал человек глухим голосом. – Скидавай пальто. Да живо. А пикнешь – стукну по балде, и нету тебя. Понял, сволочь? Скидавай!

– Па-па-па, – сказал Вася, желая этим сказать: позвольте, как же так?

– Ну! – Человек потянул за борт шубы.

Вася дрожащими руками расстегнул шубу и снял.

– И сапоги тоже сьмай! – сказал человек. – Мне и сапоги требуются.

– Па-па-па, – сказал Вася, – позвольте... мороз...

– Ну!

– Даму не трогаете, а меня – сапоги снимай, – проговорил Вася обидчивым тоном, – у ей и шуба и калоши, а я сапоги снимай.

Человек спокойно посмотрел на Машеньку и сказал:

– С ее снимешь, понесешь узлом – и засыпался. Знаю, что делаю. Снял?

Машенька в ужасе глядела на человека и не двигалась. Вася Чесноков присел на снег и стал расшнуровывать ботинки.

– У ей и шуба, – снова сказал Вася, – и калоши, а я отдувайся за всех...

Человек напялил на себя Васину шубу, сунул ботинки в карманы и сказал:

– Сиди и не двигайся и зубами не колоти. А ежели крикнешь или двинешься – пропал. Понял, сволочь? И ты, дамочка...

Человек поспешно запахнул шубу и вдруг исчез. Вася обмяк, скис и кулем сидел на снегу, с недоверием посматривая на свои ноги в белых носках.

– Дождались, – сказал он, со злобой взглянув на Машеньку. – Я же ее провожай, я и имущества лишайся. Да?

Когда шаги грабителя стали совершенно неслышны, Вася Чесноков заерзал вдруг ногами по снегу и закричал тонким, пронзительным голосом:

– Караул! Грабят!

Потом сорвался с места и побежал по снегу, в ужасе подпрыгивая и дергая ногами. Машенька осталась у решетки.

1924

Жених

На днях женился Егорка Басов. Взял он бабу себе здоровую, мордастую, пудов на пять весом. Вообще повезло человеку.

Перед тем Егорка Басов три года ходил вдовцом – никто не шел за него. А сватался Егорка чуть не к каждой. Даже к хромой солдатке из Местечка. Да дело расстроилось из-за пустяков.

Об этом сватовстве Егорка Басов любил поговорить. При этом врал он неимоверно,

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
всякий раз сообщая все новые и удивительные подробности.

Все мужики наизусть знали эту историю, но при всяком удобном случае упрашивали Егорку рассказать сначала, заранее давась от смеха.

– Так как же ты, Егорка, сватался-то? – спрашивали мужики, подмигивая.

– Да так уж, – говорил Егорка, – обмишурился.

– Заторопился, что ли?

– Заторопился, – говорил Егорка. – Время было, конечно, горячее – тут и косить, тут и носить, и хлеб собирать. А тут, братцы мои, помирает моя баба. Сегодня она, скажем, свалилась, а завтра ей хуже. Мечется, и бредит, и с печки падает.

– Ну, – говорю я ей, – спасибо, Катерина Васильевна, без ножа вы меня режете. Не вовремя помирать решили. Потерпите, – говорю, – до осени, а осенью помирайте.

А она отмахивается.

Ну, позвал я, конечно, лекаря. За пуд овса. Лекарь пересыпал овес в свой мешок и говорит:

– Медицина, – говорит, – бессильна что-либо предпринять. Не иначе, как помирает ваша бабочка.

– От какой же, – спрашиваю, – болезни? Извините за нескромный вопрос.

– Это, – говорит, – медицине опять-таки неизвестно.

Дал все-таки лекарь порошки и уехал.

Положили мы порошки за образа – не помогает. Брендит баба, и мечется, и с печки падает. И к ночи помирает.

Взвыл я, конечно. Время, думаю, горячее – тут и носить, тут и косить, а без бабы невысказано. Чего делать – неизвестно. А ежели, например, жениться, то опять-таки на ком это жениться? Которая, может, и пошла бы, да неловко ей наспех. А мне требуется наспех.

Заложил я лошадь, надел новые штаны, ноги вымыл и поехал.

Приезжаю в Местечко. Хожу по знакомым.

– Время, – говорю, – горячее, разговаривать много не приходится, нет ли, – говорю, – среди вас какой ни на есть захудалой бабочки, хотя бы слепенькой. Интересуюсь, – говорю, – женитьбой.

– Есть, – говорят, – конечно, но время горячее, браком никто не интересуется. Сходите, – говорят, – к Анисье, к солдатке, может, ту обломаете.

Вот я и пошел.

Прихожу. Смотрю – сидит на сундуке баба и ногу чешет.

– Здравствуйте, – говорю. – Перестаньте, – говорю, – чесать ногу – дело есть.

– Это, – отвечает, – одно другому не мешает.

– Ну, – говорю, – время горячее, спорить с вами много не приходится, вы да я – нас двое, третьего не требуется, окрутимся, – говорю, – и завтра выходите на работу снопы вязать.

– Можно, – говорит, – если вы мной интересуетесь.

Посмотрел я на нее. Вижу – бабочка ничего, что надо, плотная и работать может.

– Да, – говорю, – интересуюсь, конечно. Но, – говорю, – ответьте мне, все равно

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru как на анкеты, сколько вам лет от роду?

– А лет, – отвечает, – не так много, как кажется. Лета мои не считаны. А год рождения, сказать – не соврать, одна тыща восемьсот восемьдесят шестой.

– Ну, – говорю, – время горячее, долго считать не приходится. Ежели не врете, то ладно.

– Нет, – говорит, – не вру, за вранье Бог накажет. Собирайтесь, что ли?

– Да, – говорю, – собирайтесь. А много ли имеете вещичек?

– Вещичек, – говорит, – не так много: дыра в кармане да вошь на аркане. Сундучок да перина.

Взяли мы сундучок и перину на телегу. Прихватил я еще горшок и два полена, и поехали.

Я гоню лошадь, тороплюсь, а бабочка моя на сундучке трясется и планы решает – как жить будет да чего ей стряпать, да не мешало бы, дескать, в баньку сходить – три года не хожено.

Наконец приехали.

– Вылезайте, – говорю.

Вылезает бабочка с телеги. Да смотрю, как-то неинтересно вылезает – боком и вроде бы хромает на обе ноги. Фу-ты, думаю, глупость какая!

– Что вы, – говорю, – бабочка, вроде бы хромаете?

– Да нет, – говорит, – это я так, кокетничаю.

– Да как же, помилуйте, так? Дело это серьезное, ежели хромаете. Мне, – говорю, – в хозяйстве хромать не требуется.

– Да нет, – говорит, – это маленько на левую ногу. Полвершка, – говорит, – всего и нехватка.

– Пол, – говорю, – вершка или вершок, – это, – говорю, – не речь. Время, – говорю, – горячее – мерить не приходится. Но, – говорю, – это немисливо. Это и воду понесете – расплескаете. Извините, – говорю, – обмишурился.

– Нет, – говорит, – дело заматано.

– Нет, – говорю, – не могу. Все, – говорю, – подходит: и мордovorот ваш мне нравится, и лета – одна тыща восемьсот восемьдесят шесть, но не могу. Извините – промигал ногу.

Стала тут бабочка кричать и чертыхаться, драться, конечно, полезла, не без того. А я тем временем выношу полегоньку имущество на двор.

Съездила она мне раз или два по морде – не считал, а после и говорит:

– Ну, – говорит, – стручок, твое счастье, что заметил. Вези, – говорит, – назад.

Сели мы в телегу и поехали.

Только не доехали, может, семи верст, как взяла меня ужасная злоба.

«Время, – думаю, – горячее, разговаривать много не приходится, а тут извольте развозить невест по домам».

Скинул я с телеги ейное имущество и гляжу, что будет. А бабочка не усидела и за имуществом прыгнула. А я повернул кобылку – и к лесу.

А на этом дело кончилось.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Как она дошла домой с сундуком и с периной, мне неизвестно. А только дошла. И через год замуж вышла. И теперь на сносях.

1924

Счастье

Иной раз хочется подойти к незнакомому человеку и спросить: ну, как, братишка, живешь? Доволен ли ты своей жизнью? Было ли в твоей жизни счастье? Ну-ка, окинь взглядом все прожитое.

С тех пор как открылся у меня катар желудка, я у многих об этом спрашиваю.

Иные шуточкой на это отделяются – дескать, живу – хлеб жую. Иные врать начинают – дескать, живу роскошно, лучше не надо, получаю по шестому разряду, семьей доволен.

И только один человек ответил мне на этот вопрос серьезно и обстоятельно. А ответил мне дорогой мой приятель, Иван Фомич Тестов. По профессии он стекольщик. Человек сам немудреный. И с бородой.

– Счастье-то? – спросил он меня. – А как же, обязательно счастье было.

– Ну, и что же, – спросил я, – большое счастье было?

– Да уж большое оно или оно маленькое – неизвестно, а только оно на всю жизнь запомнилось.

Иван Фомич выкурил две папиросы, собрался с мыслями, подмигнул мне для чего-то и стал рассказывать.

– А было это, дорогой товарищ, лет, может, двадцать или двадцать пять назад. И был я тогда красивый и молодой, усики носил стоячие и нравился себе. И все, знаете ли, ждал, когда мне счастье привалит. А года между тем шли своим чередом, и ничего такого не происходило. Не заметил я, как и женился, и как на свадьбе с жениными родственниками подрался, и как жена после того дите родила. И как жена в свое время скончалась. И как дите тоже скончалось. Все шло тихо и гладко. И особенного счастья в этом не было.

Ну, а раз, 27 ноября, вышел я на работу, а после работы под вечер зашел в трактир и спросил себе чаю. Сижу и пью с блюдечка. И думаю: вот, дескать, года идут своим чередом, а счастья-то и незаметно.

И только я так подумал – слышу разные возгласы. Оборачиваюсь – хозяин машет рукой, и половой мальчишка машет рукой, а перед ними царский солдат стоит и пытается к столику присесть. А его хозяин из-за столика выбивает и не позволяет сесть.

– Нету, – кричит, – вашему брату солдату не дозволено в трактирах за столики присаживать. Мне за его штраф плати. Ступай себе, милый.

А солдат пьяный и все присаживается. А хозяин его выбивает. А солдат родителей вспоминает.

– Я, – кричит, – такой же, как и вы. Желая за столик присесть.

Ну, посетители помогли – выперли солдата. А солдат схватил бульжник с мостовой и как брызнет в зеркальное стекло. И теку.

А стекло зеркальное – четыре на три, и цены ему нету.

У хозяина руки и ноги подкосились. Присел он на корячки, головой мотает и пугается на окно взглянуть.

– Что ж это, – кричит, – граждане! Разорил меня солдат. Сегодня суббота, завтра воскресенье – два дня без стекла. Стекольщика враз не найти, и без стекла посетители обижаются.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

А посетители, действительно, обижаются:

– Дует, – говорят, – из пробитого отверстия. Мы пришли в тепле посидеть, а тут эвон дыра какая.

Вдруг я кладу блюдечко на стол, закрываю шапкою чайник, чтоб он не простыл, и равнодушно подхожу к хозяину.

– Я, – говорю, – любезный коммерсант, стекольщик.

Ну, обрадовался он, пересчитал в кассе деньги и спрашивает:

– А сколько эта музыка стоит? Нельзя ли из кусочков сладить?

– Нету, – говорю, – любезный коммерсант, из кусочков ничего не выйдет. Требуется полное стекло четыре на три. А цена тому зеркальному стеклу будет семьдесят пять целковых и бой мне. Цена, любезный коммерсант, вне конкуренции и без запроса.

– Что ты, – говорит хозяин, – объелся? Садись, – говорит, – обратно за столик и пей чай. За такую, – говорит, – сумму я лучше периной заткну отверстие.

И велит он хозяйке моментально бежать на квартиру и принести перину.

И вот приносят перину и затыкают. Но перина вываливается то наружу, то вовнутрь и вызывает смех. А некоторые посетители даже обижаются – дескать, темно и некрасиво чай пить.

А один, спасибо, встает и говорит:

– Я, – говорит, – на перину и дома могу глядеть, на что мне ваша перина?

Ну, хозяин снова подходит ко мне и умоляет моментально бежать за стеклом и дает деньги.

Чаю я не стал допивать, зажал деньги в руку и побежал.

Прибегаю в стекольный магазин – магазин закрывается. Умоляю и прошу – впустили.

И все, как я и думал, и даже лучше: стекло четыре на три тридцать пять рублей, за переноску – пять, итого сорок.

И вот стекло вставлено.

Допиваю я чай с сахаром, спрашиваю рыбную селянку, после – рататуй. Съедаю все и, шатаясь, выхожу из чайной. А в руке чистых тридцать рублей. Хочешь – на них пей, хочешь – на что хочешь.

Эх, и пил же я тогда. Два месяца пил. И покупки, кроме того, сделал: серебряное кольцо и теплые стельки. Еще хотел купить брюки с брюзой, но не хватило денег.

Вот, дорогой товарищ, как видите, и в моей жизни было счастьешко. Но только раз. А вся остальная жизнь текла ровно, и большого счастья не было.

Иван Фомич замолчал и снова, неизвестно для чего, подмигнул мне.

Я с завистью посмотрел на своего дорогого приятеля. В моей жизни такого счастья не было.

Впрочем, может, я не заметил.

1924

Не надо иметь родственников

Два дня Тимофей Васильевич разыскивал своего племянника, Серегу Власова. А на третий день, перед самым отъездом, нашел. В трамвае встретил.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Сел Тимофей Васильевич в трамвай, вынул гривенник, хотел подать кондуктору, только глядит – что такое? Личность кондуктора будто очень знакомая. Посмотрел Тимофей Васильевич – да! Так и есть – Серега Власов собственной персоной в трамвайных кондукторах.

– Ну! – закричал Тимофей Васильевич. – Серега! Ты ли это, друг ситный?

Кондуктор сконфузился, поправил, без всякой видимой нужды, катушки с билетиками и сказал:

– Сейчас, дядя... билеты додам только.

– Ладно! Можно, – радостно сказал дядя. – Я обожду.

Тимофей Васильевич засмеялся и стал объяснять пассажирам:

– Это он мне родной родственник, Серега Власов. Брата Петра сын... Я его семь лет не видел... сукинова сына...

Тимофей Васильевич с радостью посмотрел на племянника и закричал ему:

– А я тебя, Серега, друг ситный, два дня ищу. По городу роюсь. А ты вон где! Кондуктором. А я и по адресу ходил. На Разночинную улицу. Нету, отвечают. Мол, выбыл с адреса. Куда, отвечаю, выбыл, ответьте, говорю, мне. Я его родной родственник. Не знаем, говорят... А ты вон где – кондуктором, что ли?

– Кондуктором, – тихо ответил племянник.

Пассажиры стали с любопытством рассматривать родственника. Дядя счастливо смеялся и с любовью смотрел на племянника, а племянник явно сконфузился и, чувствуя себя при исполнении служебных обязанностей, не знал, что ему говорить и как вести себя с дядей.

– Так, – снова сказал дядя, – кондуктором, значит. На трамвайной линии?

– Кондуктором...

– Скажи какой случай! А я, Серега, друг ситный, сел в трамвай, гляжу – что такое? Обличность будто у кондуктора чересчур знакомая. А это ты. Ах, твою семь-восемь!.. Ну, я же рад... Ну, я же доволен...

Кондуктор потоптался на месте и вдруг сказал:

– Платить, дядя, нужно. Билет взять... Далеко ли вам?

Дядя счастливо засмеялся и хлопнул по кондукторской сумке.

– Заплатил бы! Ей-богу! Сядь я на другой номер или, может быть, вагон пропусти – и баста – заплатил бы. Плакали бы мои денежки. Ах, твою семь-восемь!.. А я еду, Серега, друг ситный, до вокзала.

– Две станции, – уныло сказал кондуктор, глядя в сторону.

– Нет, ты это что? – удивился Тимофей Васильевич. – Ты это чего, ты правду?

– Платить, дядя, надо, – тихо сказал кондуктор. – Две станции... Потому как нельзя дарма, без билетов, ехать...

Тимофей Васильевич обиженно сжал губы и сурово посмотрел на племянника.

– Ты это что же – с родного дяди? Дядю грабишь?

Кондуктор тоскливо посмотрел в окно.

– Мародерствуешь, – сердито сказал дядя. – Я тебя, сукинова сына, семь лет не видел, а ты чего это? Деньги требуешь за проезд. С родного дяди? Ты не махай на меня руками. Хотя ты мне и родной родственник, но я твоих рук не испужался. Не махай, не делай ветру перед пассажирами.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Тимофей Васильевич повертел гривенник в руке и сунул его в карман.

– Что же это, братцы, такое? – обратился Тимофей Васильевич к публике. – С родного дядю требует. Две, говорит, станции... А?

– Платить надо, – чуть не плача сказал племянник. – Вы, товарищ дядя, не сердитесь. Потому как не мой здесь трамвай. А государственный трамвай. Народный.

– Народный, – сказал дядя, – меня это не касается. Мог бы ты, сукин сын, родного дядю уважить. Мол, спрячьте, дядя, ваш трудовой гривенник. Езжайте на здоровье. И не развалится от того трамвай. Я в поезде давеча ехал... Не родной кондуктор, а и тот говорит: пожалуйста, говорит, Тимофей Васильевич, что за счеты... Так садитесь... И доvez... не родной... Только земляк знакомый. А ты это что – родного дядю... Не будет тебе денег.

Кондуктор вытер лоб рукавом и вдруг позвонил.

– Сойдите, товарищ дядя, – официально сказал племянник.

Видя, что дело принимает серьезный оборот, Тимофей Васильевич всплеснул руками, снова вынул гривенник, потом опять спрятал.

– Нет, – сказал, – не могу! Не могу тебе, сопляку, заплатить. Лучше пушай сойду.

Тимофей Васильевич торжественно и возмущенно встал и направился к выходу. Потом обернулся.

– Дядю... родного дядю гонишь, – с яростью сказал Тимофей Васильевич. – Да я тебя, сопляка... Я тебя, сукинова сына... Я тебя расстрелять за это могу. У меня много концов...

Тимофей Васильевич уничтожающе посмотрел на племянника и сошел с трамвая.

1924

Крестьянский самородок

Фамилию этого самородка и крестьянского поэта я в точности не запомнил. Кажется – Овчинников. А имя у него было простое – Иван Филиппович.

Приходил Иван Филиппович ко мне три раза в неделю. Потом стал ходить ежедневно.

Дела у него были ко мне несложные. Он тихим, как у таракана, голосом читал свои крестьянские стишки и просил, по возможности скорей, пристроить их по знакомству в какой-нибудь журнал или газетку.

– Хотя бы одну штукину напечатали, – говорил Иван Филиппович. – Охота посмотреть, как это выглядит в печати.

Иногда Иван Филиппович присаживался на кровать и говорил, вздыхая:

– К поэзии, уважаемый товарищ, я имею склонность, прямо скажу, сыздетства. Сыздетства чувствую красоту и природу... Бывало, другие ребята хохочут, или рыбку удют, или в пяточок играют, а я увижу, например, бычка или тучку и переживаю... Очень я эту красоту сильно понимал. Тучку понимал, ветерок, бычка... Это все я, уважаемый товарищ, очень сильно понимал.

Несмотря на понимание бычков и тучек, стишки у Ивана Филипповича были весьма плохие. Надо бы хуже, да не бывает. Единственно подкупало в них полное отсутствие всяких рифм.

– С рифмами я стихотворения не пишу, – признавался Иван Филиппович. – Потому с рифмами с этими одна путаница выходит. И пишется меньше. А плата все равно – один черт, что с рифмой, что и без рифмы.

Первое время я честно ходил по редакциям и предлагал стишки, но после и ходить бросил – не брали...

Иван Филиппович приходил ко мне рано утром, садился на кровать и спрашивал:

– Ну как? Не берут?

– Не берут, Иван Филиппович.

– Чего же они говорят? Может, они, как бы сказать, в происхождении моем сомневаются? То пуцай не сомневаются – чистый крестьянин. Можете редакторам так и сказать: от сохи, дескать. Потому кругом крестьянин. И дед крестьянин, и отец, и которые прадеды были – все насквозь крестьяне. И женились Овчинниковы всегда на крестьянках. Ей-богу. Бывало, даже смех кругом стоит: «Да чего вы, – говорят, – Овчинниковы, все на крестьянках женитесь? Женитесь, говорят, на других...» – «Нет, – говорим, – знаем, что делаем». Ей-богу, уважаемый товарищ. Пуцай не сомневаются...

– Да не в том дело, Иван Филиппович. Так не берут. Не созвучно, говорят, эпохе.

– Ну, это уж они тово, – возмущался Иван Филиппович. – Это-то не созвучные стихотворения? Ну, это они объелись... Как это не созвучные, раз я сыздетства природу чувствовал? И тучку понимал, бычка... За что же, уважаемый товарищ, не берут-то? Пуцай скажут. Нельзя же голословно оскорблять личности! Пуцай хотя одну штуковину возьмут.

Натиск поэта я стойко выдерживал два месяца.

Два месяца я, нервный и больной человек, отравленный газами в германскую войну, терпел нашествия Ивана Филипповича из уважения к его происхождению. Но через два месяца я стал сдавать.

И наконец, когда Иван Филиппович принес мне большую поэму или балладу, черт ее разберет, я окончательно сдал.

– Ага, – сказал я, – поэмку принесли?

– Поэмку принес, – добродушно подтвердил Иван Филиппович, – очень сильная поэмка вышла... Два дня писал... Как прорвало. Удержу нет...

– С чего бы это?

– Да уж не знаю, уважаемый товарищ. Творчество нашло. Пишешь и пишешь. Руку будто кто водит за локоть. Вдохновенье...

– Вдохновенье! – сказал я. – Стишки пишешь... Работать нужно, товарищ, вот что! Дать бы тебе камни на солнцепеке колоть, небось бы...

Иван Филиппович оживился и просиял:

– Дайте, – сказал он. – Если есть, дайте. Прошу и умоляю. Потому до крайности дошло. Второй год без работы пухну. Хотя бы какую работишку найти...

– То есть как? – удивился я. – А поэзия?

– Какая поэзия, – сказал Иван Филиппович тараканьим голосом. – Жрать надо... Поэзия!.. Не только поэзия, я, уважаемый товарищ, черт знает на что могу пойти... Поэзия...

Иван Филиппович решительным тоном занял у меня трешку и ушел.

А через неделю я устроил Ивана Филипповича курьером в одну из редакций. Стишки он писать бросил.

Нынче, хотя безработицы нету, ходит ко мне бывший делопроизводитель табачной фабрики – поэт от станка. Он откровенно говорит: «Хочу, знаете, к своему скромному канцелярскому заработку немножко подработать на этой самой поэзии».

Честный гражданин
(письмо в милицию)

Состоя, конечно, на платформе, сообщаю, что квартира № 10 подозрительна в смысле самогона, который, вероятно, варит гражданка Гусева и дерет окромя того с трудящихся три шкуры. А когда, например, нетути денег или вообще нехватка хушь бы одной копейки, то в долг нипочем не доверяет и еще, не считаясь, что ты есть свободный обыватель, пихает в спину.

А еще сообщаю, как я есть честный гражданин, что квартира № 8 тоже, без сомнения, подозрительна по самогону, в какой-то вкладывают для скусу, что ли, опенки или, может быть, пельсинные корки, отчего блюешь сверх нормы. А в долг, конечно, тоже не доверяют. Хушь плачь!

А сама вредная гражданка заставляет ждать потребителя на кухне и в помещение, чисто ли варят, не впускает, а в кухне ихняя собачонка, системы пудель, набрасывается на потребителя и рвет ноги. Эта пудель, холера ей в бок, и мене ухватила за ноги. А когда я размахнулся посудой, чтоб эту пудель, конечно, ударить, то хозяйка тую посуду вырвала у меня из рук и кричит:

– На, – говорит, – идол, обратно деньги. Не будет тебе товару, ежели ты бессловесную животную посудой мучаешь.

А я, если на то пошло, эту пудель не мучил, а размахивался посудой.

– Что вы, – говорю, – вредная гражданка! Я, – говорю, – не трогал вашу пудель. Возьмите свои слова обратно. – Я говорю: – Недопустимо, чтоб пудель рвал ноги. За что боролись?

А гражданка выкинула мне деньги взад, каковые и упали у плите. Деньги лежат у плите, а ихняя пудель насуслила их и не подпускает. Хушь плачь.

Тогда я, действительно, не отрицаю, пихнул животную ногой и схватил деньги, среди каковых один рубль насуслил и противно взять в руки, а с другого – обьеден номер, и госбанк не принимает. Хушь плачь.

Тогда я обратно, не отрицаю, пихнул пудель в грудку и поскорее вышел.

А теперича эта вредная гражданка меня в квартиру к себе не впускает и дверь все время, и когда не сунься, на цепке содержит. И еще, стерва, плюется через отверстие, если я, например, подошедши. А когда я на плевки ихние размахнулся, чтоб тоже по роже съездить или по чем попало, то она, с перепугу, что ли, дверь поскорее хлопнула и руку мне прищемила по локоть.

Я ору благим матом и кручусь перед дверью, а ихняя пудель заливается изнутри. Даже до слез обидно. О чем имею врачебную записку и, окромя того, кровь и теперя текеть, если, например, ежедневно сдирать болячки.

А еще, окромя этих подозрительных квартир, сообщаю, что трактир «Веселая Долина» тоже, без сомнения, подозрителен. Там меня ударили по морде и запятели в угол.

– Плати, – говорят, – собачье жало, за разбитую стопку.

А я ихнюю стопку не бил, и вообще очень-то нужно мне бить ихние стопки.

– Я, – говорю, – не бил стопку. Допустите, – говорю, – докушать бутерброть, граждане.

А они мене тащат и тащат и к бутербротю не подпускают. Дотащили до дверей и кинули. А бутерброть лежит на столе. Хушь плачь.

А еще, как честный гражданин, сообщаю, что девица Варька Петрова есть подозрительная и гулящая. А когда я к Варьке подошедши, так она мной гнушается.

Каковых вышеуказанных лиц можете арестовать или как хотите.

Теперича еще сообщаю, что заявление мной проверено, как я есть на платформе и против долой дурман, хоша и уволен по сокращению за правду.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

А еще прошу, чтоб трактир «Веселую Долину» пока чтоб не закрывали. Как я есть еще больной и не могу двинуться. А вскоре, без сомнения, поправлюсь и двинусь. Бутерброть тоже денег стоит.

1924

Игра природы

Конечно, не всем жить в столицах. Некоторые, например, людишки запросто живут на станции «Рыбацкий поселок».

Удобств на этой станции, конечно, меньше будет, чем в столице. Там, скажем, проспектов нету. А вышел со станции и при по шпалам. А не хочешь по шпалам – сиди всю жизнь на вокзале.

Один наш знакомый, коренной житель «Рыбацкого поселка», не выдержал однажды и пошел прогуляться. А дело было еще весной.

Так вышел он с вокзала и идет по шпалам. Весной было дело. В апреле. Перед самой Пасхой.

Идет он по шпалам. А дорога, сами знаете, какая – шпалы. А тут еще весенняя слякоть, лужи. В сторону сойти, прямо скажем, нехорошо – утонуть можно. Потому весна. Природа тает. Распускается.

Так вот идет наш знакомый вдоль линии. Идет и о чем-то размышлялся. А дело, я говорю, весной было. После Пасхи. В конце апреля. Птички порхают. Чирикание такое раздается. Воздух этакий сумасшедший.

Вот идет, знаете, наш знакомый и думает, дескать, птичкам-то хорошо сверху чирикать, а пусти птичку по шпалам, небось заглохнет.

Так вот он подумал и в эту минуту оступился в сторону. А дело, надо сказать, еще весной было. На Пасху. Мокро.

Оступился он в сторону, и попал ногой в яму, и окунулся по колени в воду.

Вынул ногу наш знакомый. Побледнел.

«Хорошо еще, – думает, – что я без барышни иду. А нуте, пусти меня с барышней – срамота. Нога, сволочь, мокрая. Капает, подштанники развязались. Штрипки висят. Сапоги второй год не чищены. Морда жуткая. Срамота!»

Очень рассердился наш знакомый.

«Ах так! – думает. – Колдобины с водой? На путях государственного строительства. Пуцай, значит, шпалы гниют? И народ пуцай окунается? Так и запишем».

Пришел наш знакомый домой. Разулся. И, разувшись, стал писать.

И написал небольшую обличительную заметку. И послал ее в «Красную газету». Дескать, проходя и так далее, окунулся на путях строительства, и, может быть, гниют шпалы...

Эта заметка была напечатана в конце апреля.

Вот тут-то и развернулись главные события со всей ужасной быстротой.

Пока заметку эту читали, да пока в правлении обсуждали, да пока комиссию снаряжали – прошло четырнадцать лет.

Оно, конечно, прошло меньше. Но время сейчас бурное, переходное. Каждый день за год сосчитать можно.

Одним словом, в начале июля комиссия выехала на станцию «Рыбацкий поселок» обследовать пути.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Приехали. Видят – явная ложь. Никакой воды. Напротив того – пыльно. Жара. И сухо, как в Сахаре.

Горько так комиссия про себя усмехнулась – дескать, до чего складно врут люди, и отбыла.

В начале июля появилось в газете опровержение. Дескать, явная ложь и выдумка. И вообще, дескать, никакой воды на станции не оказалось. Даже в графине.

А в правлении и сейчас думают, что наш знакомый наврал.

Пуцай думают. В правоте жить легче.

1924

Пациентка

В сельскую больницу Анисья приехала за тридцать верст.

Выехала на рассвете и в полдень остановилась у белого одноэтажного дома.

– Хирург-то принимает? – спросила она мужика, сидевшего на крыльце.

– Хирург-то? – с интересом спросил мужик. – А ты не больна ли будешь?

– Больна, – ответила Анисья.

– Я, милая, тоже больной, – сказал мужик. – Пшеном объелся... Седьмым записан.

Анисья привязала лошадь к плетню и вошла в больницу.

Больных принимал фельдшер Иван Кузьмич. Был он маленький, старенький и ужасно знаменитый. Все вокруг знали его, хвалили и называли без причины хирургом.

Анисья вошла к нему в комнату, низко поклонилась и присела на край стула.

– Больна, что ли? – спросил Иван Кузьмич.

– Больна я, – сказала Анисья. – То есть вся насквозь больная. Каждая косточка ноет и трясется. Сердце гниет заживо.

– С чего бы это? – равнодушно спросил фельдшер. – С каких пор?

– С осени, Иван Кузьмич. С самой осени. Осенью я заболела. Как, знаете ли, супруг Димитрий Наумыч приехал из города, так я и заболела. Я стою, например, возле стола и лепешки в муке валяю. Димитрий Наумыч любил эти самые лепешки. Где-то, думаю, он теперь, Димитрий Наумыч-то? В городе он советский депутат...

– Позволь, бабонька, – сказал фельдшер, – ври, да не завирайся. Чем больна-то?

– Да я ж и говорю, – сказала Анисья, – стою возле стола, кручу лепешки... Вдруг тетка Агафья, что баран, прибегает и рукой машет. «Иди, – кричит, – Анисьюшка, иди поскорей. Твой-то никак приехал из города и идет будто по улице с мешком и с палкой». Зашлось у меня сердце. Подкосились ноги. Стою дурой и лепешки мну... Бросила после лепешки, выбежала во двор. А во дворе солнце играет, играет. Воздух легкий. А налево, этак у хлева, желтый теленок стоит и хвостиком мух пугает. Взглянула я на теленка – слезы каплют. Вот, думаю, Димитрий Наумыч-то обрадуется этому самому желтому теленку...

– Позволь, – хмуро сказал фельдшер, – ты дело говори.

– Я ж и говорю, батюшка Иван Кузьмич. Не сердись только. Дело я говорю... Выбежала я за ворота. Гляжу этак, знаете ли, – налево церковь, коза ходит, петух ножкой ворошит, а направо, по самой серединке, гляжу – Димитрий Наумыч идет. Глянула я на него. Сердце закатилось, икота подступает. Ой, думаю, мать честная, Пресвятая Богородица! Ой, думаю, тошненько!

А он-то идет серьезным, мелким шагом. Борода по воздуху треплется. И платье

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru городское на нем. И в штиблетах... Как увидела я штиблеты, будто что оторвалось у меня внутри. Ой, думаю, куда ж я такая-то, необразованная, гожусь ему в пару, если он, может, первый человек и депутат советский... Встала я дурой у плетня и ногами не могу идти. Перебираю пальцами плетень и стою. А он-то, Димитрий Наумыч, депутат советский, доходит до меня мелким ходом и здоровается.

«Здравствуйте, – говорит, – Анисья Васильевна. Сколько, – говорит, – лет, сколько зим не виделись с вами...»

Мне бы, дуре, мешок у Димитрия Наумыча схватить, а я гляжу на штиблеты и не двигаюсь. Ой, думаю, отвык от меня мужик. Штиблеты носит. С городскими, может, с комсомолками разговаривает.

А Димитрий Наумыч отвечает басом: «Ох, – говорит, – какая ты есть. Темная, – говорит, – ты у меня, Анисья Васильевна. Про что, – говорит, – я с тобой теперь разговаривать буду? Я, – говорит, – человек просвещенный и депутат советский. Я, – говорит, – может, четыре правила арифметики знаю. Дробь, – говорит, – умею.. А ты, – говорит, – вон какая! Небось, – говорит, – и фамилию не можешь подписывать на бумаге? Другой бы очень просто бросил бы тебя за темноту и необразованность».

А я стою у плетня и лепечу слова: дескать, конечно, Димитрий Наумыч, бросьте меня такую-то, что вам стоит. А он берет меня за ручку и отвечает: «Я шутку пошутил, Анисья Васильевна. Оставьте думать. Я, – говорит, – это так. Что вы...»

Снова закатилось у меня сердце, икота подступает. «Я, – говорю, – Димитрий Наумыч, будьте спокойны, тоже, конечно, могу дробь узнать и четыре правила. Или фамилию на бумаге подписывать. Я, – говорю, – не осрамлю вас, образованного...»

Фельдшер Иван Кузьмич встал со стула и прошелся по комнате.

– Ну-ну, – сказал он, – хватит, завралась... Чем болеешь-то?

– Болею-то? Да теперь ничего, Иван Кузьмич. Полегче будто стало теперь. На здоровье не могу пожаловаться... А он-то, Димитрий Наумыч, говорит: «Пошутил, – говорит, – я». Вроде как, значит, шутку он выразил.

– Ну да, пошутил, – сказал фельдшер. – Конечно, пошутил... Порошков, может, тебе дать?

– А не надо, – сказала Анисья. – Спасибо тебе, Иван Кузьмич, за советы. Мне, конечно, теперь сильно полегчало. Чувствительно спасибо. Досвиданьице.

И Анисья, оставив на столе кулек с зерном, пошла к двери. Потом вернулась.

– Дробь-то мне, Иван Кузьмич... Где мне про эту самую дробь-то теперь узнать? К учителю, что ли, мне ехать?

– К учителю, – сказал фельдшер, вздыхая, – конечно, к учителю. Медицины это не касается.

Анисья низко поклонилась и вышла на улицу.

1924

Баня
Говорят, граждане, в Америке бани отличные.

Туда, например, гражданин придет, скинет белье в особый ящик и пойдет себе мыться. Беспokoиться даже не будет – мол, кража или пропажа, номерка даже не возьмет.

Ну, может, иной беспокойный американец и скажет банщику:

– Гут бай, дескать, присмотри.

Только и всего.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Помоется этот американец, назад придет, а ему чистое белье подают – стираное и глаженое. Портянки, небось, белее снега. Подштанники зашиты, заплатаны. Житьишко!

А у нас бани тоже ничего. Но хуже. Хотя тоже мыться можно.

У нас только с номерками беда. Прошлую субботу я пошел в баню (не ехать же, думаю, в Америку) – дают два номерка. Один за белье, другой за пальто с шапкой.

А голому человеку куда номерки деть? Прямо сказать – некуда. Карманов нету. Кругом – живот да ноги. Грех один с номерками. К бороде не привяжешь.

Ну, привязал я к ногам по номерку, чтоб не враз потерять. Вошел в баню.

Номерки теперича по ногам хлопают. Ходить скучно. А ходить надо. Потому шайку надо. Без шайки какое же мытье? Грех один.

Ищу шайку. Гляжу, один гражданин в трех шайках моется. В одной стоит, в другой башку мылит, а третью левой рукой придерживает, чтоб не сперли.

Потянул я третью шайку, хотел, между прочим, ее себе взять, а гражданин не выпускает.

– Ты что ж это, – говорит, – чужие шайки воруюшь? Как ляпну, – говорит, – тебе шайкой между глаз – не зарадуешься.

Я говорю:

– Не царский, – говорю, – режим шайками ляпать. Эгоизм, – говорю, – какой. Надо же, – говорю, – и другим помыться. Не в театре, – говорю.

А он задом повернулся и моется.

«Не стоять же, – думаю, – над его душой. Теперича, – думаю, – он нарочно три дня будет мыться».

Пошел дальше.

Через час гляжу, какой-то дядя зазевался, выпустил из рук шайку. За мылом нагнулся или замечтался – не знаю. А только тую шайку я взял себе.

Теперича и шайка есть, а сесть негде. А стоя мыться – какое же мытье? Грех один.

Хорошо. Стою стоя, держу шайку в руке, моюсь.

А кругом-то, батюшки-светы, стирка самосильно идет. Один штаны моет, другой подштанники трет, третий еще что-то крутит. Только, скажем, вымылся – опять грязный. Брызжут, дьяволы. И шум такой стоит от стирки – мыться неохота. Не слышишь, куда мыло трешь. Грех один.

«Ну их, – думаю, – в болото. Дома домоюсь».

Иду в предбанник. Выдают на номер белье. Гляжу – все мое, штаны не мои.

– Граждане, – говорю. – На моих тут дырка была. А на этих эвон где.

А банщик говорит:

– Мы, – говорит, – за дырками не приставлены. Не в театре, – говорит.

Хорошо. Надеваю эти штаны, иду за пальто. Пальто не выдают – номерок требуют. А номерок на ноге забытый. Раздеваться надо. Снял штаны, ищу номерок – нету номерка. Веревка тут, на ноге, а бумажки нет. Смылась бумажка.

Подаю банщику веревку – не хочет.

– По веревке, – говорит, – не выдаю. Это, – говорит, – каждый гражданин настрижет веревок – польт не напасешься. Обожди, – говорит, – когда публика

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
разойдется – выдам, какое останется.

Я говорю:

– Братишечка, а вдруг да дрянь останется? Не в театре же, – говорю. – Выдай, – говорю, – по приметам. Один, – говорю, – карман рваный, другого нету. Что касасемо пуговиц, то, – говорю, – верхняя есть, нижних же не предвидится.

Все-таки выдал. И веревки не взял.

Оделся я, вышел на улицу. Вдруг вспомнил: мыло забыл.

Вернулся снова. В пальто не впускают.

– Раздевайтесь, – говорят.

Я говорю:

– Я, граждане, не могу в третий раз раздеваться. Не в театре, – говорю. – Выдайте тогда хоть стоимость мыла.

Не дают.

Не дают – не надо. Пошел без мыла.

Конечно, читатель может полюбопытствовать: какая, дескать, это баня? Где она? Адрес?

Какая баня? Обыкновенная. Которая в гривенник.

1924

Нервные люди

Недавно в нашей коммунальной квартире драка произошла. И не то что драка, а целый бой. На углу Глазовой и Боровой.

Дрались, конечно, от чистого сердца. Инвалиду Гаврилову последнюю башку чуть не оттяпали.

Главная причина – народ очень уж нервный. Расстраивается по мелким пустякам. Горячится. И через это дерется грубо, как в тумане.

Оно, конечно, после гражданской войны нервы, говорят, у народа завсегда расшатываются. Может, оно и так, а только у инвалида Гаврилова от этой идеологии башка поскорее не зарастет.

А приходит, например, одна жиличка, Марья Васильевна Щипцова, в девять часов вечера на кухню и разжигает примус. Она всегда, знаете, об это время разжигает примус. Чай пьет и компрессы ставит.

Так приходит она на кухню. Ставит примус перед собой и разжигает. А он, провались совсем, не разжигается.

Она думает: «С чего бы он, дьявол, не разжигается? Не закоптел ли, провались совсем!»

И берет она в левую руку ежик и хочет чистить.

Хочет она чистить, берет в левую руку ежик, а другая жиличка, Дарья Петровна Кобылина, чей ежик, посмотрела, чего взято, и отвечает:

– Ежик-то, уважаемая Марья Васильевна, промежду прочим, назад положьте.

Щипцова, конечно, вспыхнула от этих слов и отвечает:

– Пожалуйста, – отвечает, – подавитесь, Дарья Петровна, своим ежиком. Мне, – говорит, – до вашего ежика дотронуться противно, не то что его в руку взять.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Тут, конечно, вспыхнула от этих слов Дарья Петровна Кобылина. Стали они между собой разговаривать. Шум у них поднялся, грохот, треск.

Муж, Иван Степаныч Кобылин, чей ежик, на шум является. Здоровый такой мужчина, пузатый даже, но, в свою очередь, нервный.

Так является этот Иван Степаныч и говорит:

– Я, – говорит, – ну, ровно слон работаю за тридцать два рубля с копейками в кооперации, улыбаюсь, – говорит, – покупателям и колбасу им отвешиваю, и из этого, – говорит, – на трудовые гроши ежики себе покупаю, и нипочем то есть не разрешу постороннему чужому персоналу этими ежиками воспользоваться.

Тут снова шум, и дискуссия поднялась вокруг ежика. Все жильцы, конечно, поднаперли в кухню. Хлопочут. Инвалид Гаврилыч тоже является.

– Что это, – говорит, – за шум, а драки нету?

Тут сразу после этих слов и подтвердилась драка. Началось.

А кухонька, знаете, узкая. Драться неспособно. Тесно. Кругом кастрюли и примуса. Повернуться негде. А тут двенадцать человек вперлось. Хочешь, например, одного по харе смазать – троих кроешь. И, конечное дело, на все натыкаешься, падаешь. Не то что, знаете, безногому инвалиду – с тремя ногами устоять на полу нет никакой возможности.

А инвалид, чертова перечница, несмотря на это, в самую гущу вперся. Иван Степаныч, чей ежик, кричит ему:

– Уходи, Гаврилыч, от греха. Гляди, последнюю ногу оборвут.

Гаврилыч говорит:

– Пушай, – говорит, – нога пропадает! А только, – говорит, – не могу я теперича уйти. Мне, – говорит, – сейчас всю амбицию в кровь разбили.

А ему, действительно, в эту минуту кто-то по морде съездил. Ну, и не уходит, накидывается. Тут в это время кто-то и ударяет инвалида кастрюлькой по кумполу.

Инвалид – брык на пол и лежит. Скучает.

Тут какой-то паразит за милицией кинулся.

Является мильтон. Кричит:

– Запасайтесь, дьяволы, гробами, сейчас стрелять буду!

Только после этих роковых слов народ маленько очухался.

Бросился по своим комнатам.

«Вот те, – думают, – клюква, с чего ж это мы, уважаемые граждане, разодрались?»

Бросился народ по своим комнатам, один только инвалид Гаврилыч не бросился. Лежит, знаете, на полу скучный. И из башки кровь каплет.

Через две недели после этого факта суд состоялся.

А нарсудья тоже нервный такой мужчина попался – прописал ижицу.

1924

Хозрасчет

На праздниках бухгалтер Горюшкин устроил у себя званый обед. Приглашенных было немного.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Хозяин с каким-то радостным воплем встречал гостей в прихожей, помогал снимать шубы и волочил приглашенных в гостиную.

– Вот, – говорил он, представляя гостя своей жене, – вот мой лучший друг и сослуживец.

Потом, показывая на своего сына, говорил:

– А это, обратите внимание, балбес мой... Лешка. Развитая бестия, я вам доложу.

Лешка высовывал свой язык, и гость, слегка сконфуженный, присаживался к столу.

Когда собрались все, хозяин, с несколько торжественным видом, пригласил к столу.

– Присаживайтесь, – говорил он радушно. – Присаживайтесь. Кушайте на здоровье... Очень рад... Угощайтесь.

Гости дружно застучали ложками.

– Да-с, – после некоторого молчания сказал хозяин, – все, знаете ли, дорогонько стало. За что ни возьмись – кусается. Червонец скачет, цены скачут.

– Приступу нет, – сказала жена, печально глотая суп.

– Ей-богу, – сказал хозяин, – прямо-таки нету приступу. Вот возьмите такой пустяк – суп. Дрянь. Ерунда. Вода вроде бы. А нуте-ка, прикиньте, чего эта водица стоит?

– М-да, – неопределенно сказали гости.

– В самом деле, – сказал хозяин. – Возьмите другое – соль. Дрянь продукт, ерунда сущая, пустяковина, а нуте-ка, опять прикиньте, чего это стоит.

– Да-а, – сказал балбес Лешка, гримасничая, – другой гость как начнет солить, тык тока держись.

Молодой человек в пенсне, перед тем посоливший суп, испуганно отодвинул солонку от своего прибора.

– Солите, солите, батюшка, – сказала хозяйка, придвигая солонку.

Гости напряженно молчали. Хозяин со вкусом ел суп, добродушно поглядывая на своих гостей.

– А вот и второе подали, – объявил он оживленно. – Вот, господа, возьмите второе – мясо. А теперь позвольте спросить, какая цена этому мясу? Нуте-ка? Сколько тут фунтов?

– Четыре пять осьмых, – грустно сообщила жена.

– Будем считать пять для ровного счету, – сказал хозяин. – Нуте-ка, по полтиннику золотом? Это, это на человека придется... сколько нас человек?...

– Восемь, – подсчитал Лешка.

– Восемь, – сказал хозяин. – По полфунта... По четвертаку с носа минимум.

– Да-а, – обиженно сказал Лешка, – другой гость мясо с горчицей жрет.

– В самом деле, – вскричал хозяин, добродушно засмеявшись, – я и забыл – горчица... Нуте-ка, прикиньте к общему счету горчицу, то, другое, третье. По рублю и набезит...

– Да-а, по рублю, – сказал Лешка, – а небось, когда Пал Елисеевич локтем стеклице выпер, тык небось набезало...

– Ах да! – вскричал хозяин. – Приходят, представьте себе, к нам раз гости, а один, разумеется нечаянно, выбивает зеркальное стекло. Обошелся нам тогда обед.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Мы нарочно подсчитали.

Хозяин углубился в воспоминания.

– А впрочем, – сказал он, – и этот обед вскочит в копеечку. Да это можно подсчитать.

Он взял карандаш и принялся высчитывать, подробно перечисляя все съеденное. Гости сидели тихо, не двигаясь, только молодой человек, неосторожно посоливший суп, поминутно снимал запотевшее пенсне и обтирал его салфеткой.

– Да-с, – сказал наконец хозяин, – рублей по пяти с хвостиком...

– А электричество? – возмущенно сказала хозяйка. – А отопление? А Марье за услуги?

Хозяин всплеснул руками и, хлопнув себя по лбу, засмеялся.

– В самом деле, – сказал он, – электричество, отопление, услуги... А помещение? Позвольте, господа, в самом деле, помещение! Нуте-ка – восемь человек, четыре квадратные сажени... По девяносто копеек за сажень... В день, значит, три копейки... Гм... Это нужно на бумаге...

Молодой человек в пенсне заерзал на стуле и вдруг пошел в прихожую.

– Куда же вы? – закричал хозяин. – Куда же вы, голубчик, Иван Семенович?

Гость ничего не сказал и, надев чьи-то чужие калоши, вышел не прощаясь. Вслед за ним стали расходиться и остальные.

Хозяин долго еще сидел за столом с карандашом в руках, потом объявил:

– По одной пятой копейки золотом с носа.

Объявил он это жене и лешке – гостей не было.

1924

Паутина

Вот говорят, что деньги сильнее всего на свете. Вздор. Ерунда.

Капиталисты для самообольщения все это выдумали. Есть на свете кое-что покрепче денег.

Двумя словами об этом не рассказать. Тут целый рассказ требуется.

Извольте рассказ.

Высокой квалификации токарь по металлу, Иван Борисович Левонидов, рассказал мне его.

– Да, дорогой товарищ, – сказал Левонидов, – такие дела на свете делаются, что только в книгу записывай.

Появился у нас на заводе любимчик – Егорка Драпов. Человек он арапистый. Усишки белокурые. Взгляд этакий вредный. И нос вроде перламутровой пуговицы.

А карьеру между тем делает. По службе повышается, на легкую работу назначается и жалованье получает по высшему разряду.

Мастер с ним за ручку. А раз даже, проходя мимо Егорки Драпова, мастер пощекотал его пальцами и с уважением таким ему улыбнулся.

Стали рабочие думать что и почему. И за какие личные качества повышается человек.

Думали, гадали, но не разгадали и пошли к инженеру Фирсу.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

– Вот, – говорим, – любезный отец, просим покорнейше одернуть зарвавшегося мастера. Пуцай не повышает своего любимца Егорку Драпова. И пальцем пуцай не щекотит, проходя мимо.

Сначала инженер, конечно, испугался – думал, что его хотят выводить на свежую воду, но после обрадовался.

– Будьте, – говорит, – товарищи, благонадежны. Зарвавшегося мастера одерну, а Егорку Драпова в другое отделение переведу.

Проходит между тем месяц. Погода стоит отличная. Ветры дуют южные. И наводнения не предвидится. А любимчик – Егорка Драпов – карьеру между тем делает все более заманчивую.

И не только теперь мастер, а и сам любимый спец с ним похохатывает и ручку ему жмет.

Ахнули рабочие. И я ахнул.

«Неужели же, – думаем, – правды на земле нету? Ведь за какие же это данные повышается человек и пальцами щекотится мастером?»

Пошли мы небольшой группой к красному директору Ивану Павловичу.

– Вы, – говорим, – который этот и тому подобное. Да за что же, – говорим, – такая несообразность?

А красный директор, нахмурившись, отвечает:

– Я, – говорит, – который этот и тому подобное. Я, – говорит, – мастера и спеца возьму под ногу, а Егорку Драпова распушу, как собачий хвост. Идите себе, братцы, не понижайте производительность.

И проходит месяц – Егорка Драпов цветет, как маков цвет или, скажем, хризантема в саду. Балуют его и милуют и ручку со всех сторон наперерыв ему жмут. И директор жмет, и спец жмет, и сам мастер, проходя мимо, щекотит Егорку Драпова.

Взвыли тут рабочие, пошли всей гурьбой к рабкору Настину. Плачутся:

– Рабкор ты наш, золото, драгоценная головушка. Ругали мы тебя, и матюкали, и язвой называли: мол, жалобы зачем в газету пишешь. А теперича, извините и простите... Выводите Егорку Драпова на свежую воду.

– Ладно, – сказал Настин. – Это мы можем, сейчас поможем. Дайте только маленько сроку, погляжу, что и как и почему человек повышается. Хвост ему накручу – будьте покойны.

И проходит месяц. Ветры дуют южные. И наводнения не предвидится. Птички по воздуху порхают, и бабочки крутятся.

А Егорка Драпов цветет жасмином и даже пестрой астрой распушается.

И даже рабкор Настин, проходя однажды мимо, пощекотал Егорку и дружески ему так улынулся.

Собрались тут рабочие обсуждать. Говорили, говорили – языки распухли, а к результату не пришли.

И тут я, конечно, встречаю в разговор.

– Братцы, – говорю, – я, – говорю, – первый гадюку открыл, я ее и закопаю. Дайте срок.

И вдруг на другой день захожу я в Егоркино отделение и незаметно становлюсь за дверь. И вижу. Мастер домой собирается, а Егорка Драпов крутится перед ним мелким бесом и вроде как тужурку подает.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
– Не застудитесь, – говорит, – Иван Саввич. Погодка-то, – говорит, – страсть неблагоприятная.

А мастер Егорку по плечу стучает и хохочет.

– А и любишь, – говорит, – ты меня, Егорка, сукин сын.

А Егорка Драпов почтительно докладывает:

– Вы, – говорит, – мне, Иван Саввич, вроде как отец родной. И мастер, – говорит, – вы отличный. И личностью, – говорит, – очень, – говорит, – вы мне покойную мамашу напоминаете, только что у ей усиков не было.

А мастер пожал Егоркину ручку и пошел себе. Только я хотел из-за двери выйти, шаг шагнул – рабкор Настин прется.

– А, – говорит, – Егорушка, друг ситный! Я, – говорит, – знаешь ли, такую давеча заметку написал – ай-люли.

А Егорка Драпов смеется.

– Да уж, – говорит, – ты богато пишешь. Пушкин, – говорит, – и Гоголь дерьмо против тебя.

– Ну спасибо, – говорит рабкор, – век тебе не забуду. Хочешь, тую заметку прочту?

– Да чего ее читать, – говорит Егорка, – я, – говорит, – и так, без чтения в восхищении.

Пожали они друг другу ручки и вышли вместе. А я следом.

Навстречу красный директор прется.

– А, – говорит, – Егорка Драпов, наше вам... Ну-ка, – говорит, – погляди теперича, какие у меня мускулы.

И директор рукав свой засучил и показывает Егорке мускулы.

Нажал Егорка пальцем на мускулы.

– Ого, – говорит, – прибавилось.

– Ну спасибо, – говорит директор, – спасибо тебе, Егорка.

Тут оба-два – директор и рабкор – попрощались с Егоркой и разошлись.

Догоняю я Егорку на улице, беру его, подлеца, за руку и отвечаю:

– Так, – говорю, – любезный. Вот, – говорю, – какие паутины вы строите.

А Егорка Драпов берет меня под руку и хохочет.

– Да брось, – говорит, – милый... Охота тебе... Лучше расскажи, как живешь и как сынишка процветает.

– Дочка, – говорю, – у меня, Егорка. Не сын. Отличная, – говорю, – дочка. Бегает...

– Люблю дочек, – говорит Егорка. – Завсегда, – говорит, – люблюсь на них и игрушки им жертвую...

И проходит месяц. Ветры дуют южные. И наводнения не предвидится. А Егорка Драпов цветет, как маков цвет или, скажем, хризантема в саду.

А вчера, проходя мимо, пощекотал я Егорку Драпова. Черт с ним. Хоть, думаю, и подлец, а приятный человек. Полюбил я Егорку Драпова.

1924

Альфонс

– Папаша мой, надо сказать, был торговцем, – сказал Иван Иванович Гусев. – При царском режиме папаша торговали в Дерябинском рынке... Ну а теперича через эту папашу мне форменная труба получается. Потому не приткнуться. Не берут в государственную службу. Что касается свободных профессий или там какого отхожего промысла, то этого тоже не горазд много.

Мне вот случилась на днях работишка, вроде отхожий промысел, – не сумел воспользоваться.

А промысел этот предложила девица одна. Кет – заглавие. Соседка. Рядом жили.

Так – ее комната, а так – моя. А перегородка тоненькая. И насквозь все слышно: и как девица домой к утру является, и как волосики свои на щипцах завивает, и как пиво пьет, и как с кавалерами на денежные темы беседует. Все насквозь слышно, только что выражения лица не видать.

А раз утром девица встала и стучит кулаком в стенку.

– Эй, – говорит, – мон шер, нет ли у вас спичек?

– Как же-с, – отвечаю через стенку, – есть. Я, – говорю, – хотя и безработный и питаюсь не ахти как, но, – говорю, – спички есть. Взойдите.

Является. В пенюаре, в безбелье, и туфельки кокетливо надеты на босу ногу.

– Здравствуйте, – говорит. – Мне завиться нужно, а спичек-то и нет. Я, – говорит, – сейчас верну вам ваши спички.

– Да уж, – говорю, – пожалуйста. Я, – говорю, – человек безработный, без образования, мне, – говорю, – не по карману спичками швыряться.

Слово за слово – разговорились.

– На какие шиши, – спрашиваю, – живете и почем за квадратную сажень вносите?

А она на прямой вопрос не отвечает и говорит двусмысленно:

– Раз, – говорит, – вы человек безработный и голодуете, то, – говорит, – могу вам от чистого сердца работишку предоставить.

– Какую же, – спрашиваю, – работишку?

– Да, – говорит, – альфонсом.

– Можно, – говорю, – объяснитесь, – говорю, – короче.

– А очень, – говорит, – просто. Ежели, – говорит, – я в ресторан одна явлюсь – мне одна цена, а ежели я с мужчиной и мужчина вроде родственника, то цена мне другая и повышается. Вот, – говорит, – мы и будем вместе ходить. Вместе придем, посидим, а после вы вроде заторопитесь: ах, дескать, Кет, у меня, может, мамаша больна, мне идти нужно. А через час придете. Ах, дескать, Кет, вот и я, не пора ли нам, Кет, домой тронуться?

– Только и всего? – спрашиваю.

– Да, – говорит. – Принарядитесь только получше. Пенсне на нос наденьте, если есть. Сегодня мы и пойдем.

– Можно, – говорю, – работа не горазд трудная.

И вот к вечеру оделся я. Пиджак надел, свитер. Пенсне на нос прилепил – откуда-то она достала. И пошли.

Входим в ресторанное зало. Присаживаемся к столику. Я говорю:

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Дозвольте очки снять. Ни черта, с непривычки, не вижу и могу со стула упасть.

А она говорит:

– Нет. Потерпите.

Сидим. Терпим. Жрать нестерпимо хочется, а вокруг жареных курей носят, даже в носу щекотно.

А она мне шепчет в ухо:

– Пора, – говорит, – уходите.

Я встаю, двигаю нарочно стулом.

– Ах, – говорю, – Кет, я тороплюсь, вуаль-вуалья, у меня, – говорю, – может, родная мама захворала. Вы тут посидите. Я за вами приду.

А она головой кивает, дескать, ладно, катитесь.

Снял я очки и вышел на улицу.

Полчаса походил по улице, замерз как собака, губа на губу не попадает.

Возвращаюсь назад. Гляжу: сидит моя девица за столиком, палец-мизинец отодвинула и жрет что-то. А рядом буржуй к ней наклонился и шепчет в ушную раковину.

Подхожу.

– Ах, – говорю, – вот и я. Не пора ли, – говорю, – Кет, нам с вами домой тронуться?

А она:

– Нет, – говорит, – Пьер, я, – говорит, – еще посижу немного со знакомой личностью. А вы идите домой.

– Ну, – говорю, – как хотите. Я и один пойду.

Потоптался я, потоптался, а уходить неохота. И жрать к тому же хочется это ужасно как.

– Вот, – говорю, – я сейчас пойду, только, – говорю, – присяду на минуточку по-родственному и как альфонс. Замерз как собака.

Она мне глазами мигает, а мне ни к чему.

Посижу, думаю, и уйду. Не просижу, думаю, ихние стулья.

Сел и сижу. А буржуй сконфузился и перестал шептать.

Я говорю:

– Вы не стесняйтесь... Я ейный родственник, шепчитесь себе на здоровье.

А он:

– Помилуйте, – говорит, – не желаете ли портеру выкушать?

– Можно, – говорю. – Отчего, – говорю, – родственнику портеру не выпить.

Выпил я портеру и захмелел вдруг – с голоду, что ли. Принялся чью-то котлету есть.

– Не будь, – говорю, – я родственником, не стал бы я эту котлетину есть. Ну а родственнику отчего не съесть? Родственнику глаз да глаз нужен.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
– Помилуйте, – говорит буржуй. – Это что за намеки вы строите?

– Да нет, – говорю, – какие же намеки? Тоже, – говорю, – ихнее дамское дело, каждый обмануть норовит. Глаз да глаз нужен.

– То есть, – говорит, – как обмануть? Как понимать ваши слова?

– Да уж, – говорю, – понимайте как хотите. Мне, – говорю, – некогда объясняться. Мне торопиться надо. А уж вы, будьте любезны, расплатитесь по-настоящему с ней, без обману.

Надел я пенсне на нос, поклонился всем вежливо и вышел.

А теперича девица Кет в морду лезет.

Этак на каждый промысел и морды не напасешься.

1924

Актер

Рассказ этот – истинное происшествие. Случилось в Астрахани. Рассказал мне об этом актер-любитель. Вот что он рассказал.

«Вот вы меня, граждане, спрашиваете, был ли я актером? Ну, был. В театре играл. Прикасался к этому искусству. А только ерунда. Ничего в этом нет выдающего.

Конечно, если подумать глубже, то в этом искусстве много хорошего.

Скажем, выйдешь на сцену, а публика смотрит. А среди публики – знакомые, родственники со стороны жены, граждане с дому. Глядишь – подмигивают с партеру – дескать, не робей, Вася, дуй до горы. А ты, значит, им знаки делаешь – дескать, оставьте беспокоиться, граждане. Знаем. Сами с усами.

Но если подумать глубже, то ничего в этой профессии нету хорошего. Крови больше испортишь.

Вот раз ставили мы пьесу „кто виноват?“. Из прежней жизни. Очень это сильная пьеса. Там, значит, в одном акте грабители купца грабят на глазах у публики. Очень натурально выходит. Купец, значит, кричит, ногами отбивается. А его грабят. Жуткая пьеса.

Так вот поставили эту пьесу.

А перед самым спектаклем один любитель, который купца играл, выпил. И в жаре до того его, бродягу, растрясло, что, видим, не может роль купца вести. И, как выйдет к рампе, так нарочно электрические лампочки ногой давит.

Режиссер Иван Палыч мне говорит:

– Не придется, – говорит, – во втором акте его выпускать. Передавит, сукин сын, все лампочки. Может, – говорит, – ты вместо его сыграешь? Публика дура – не поймет.

Я говорю:

– Я, граждане, не могу, – говорю, – к рампе выйти. Не просите. Я, – говорю, – сейчас два арбуза съел. Неважно соображаю.

А он говорит:

– Выручай, браток. Хоть на одно действие. Может, тот артист после очухается. Не срывай, – говорит, – просветительной работы.

Все-таки упросили. Вышел я к рампе.

И вышел по ходу пьесы, как есть, в своем пиджаке, в брюках. Только что бороденку чужую приклеил. И вышел. А публика хотя и дура, а враз узнала меня.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– А, – говорят, – Вася вышедши! Не робей, дескать, дуй до горы..

Я говорю:

– Робеть, граждане, не приходится – раз, – говорю, – критический момент. Артист, – говорю, – сильно под мухой и не может к рампе выйтить. Блюет.

Начали действие.

Играю я в действии купца. Кричу, значит, ногами от грабителей отбиваюсь. И чувствую, будто кто-то из любителей действительно мне в карман лезет.

Запахнул я пиджачок. В сторону от артистов.

Отбиваюсь от них. Прямо по роже бью. Ей-богу!

– Не подходите, – говорю, – сволочи, честью прошу.

А те по ходу пьесы это наседают и наседают. Вынули у меня бумажник (восемнадцать червонцев) и к часам прутся.

Я кричу не своим голосом:

– Караул, дескать, граждане, всерьез грабят.

А от этого полный эффект получается. Публика-дура ввосхищении в ладоши бьет. Кричит:

– Давай, Вася, давай. Отбивайся, милый. Крой их, дьяволов, по башкам.

Я кричу:

– Не помогает, братцы!

И сам стегаю прямо по головам.

Вижу – один любитель кровью исходит, а другие, подлецы, в раж вошли и наседают.

– Братцы, – кричу, – да что ж это? За какое самое это страдать-то приходится?

Режиссер тут с кулис высовывается.

– Молодец, – говорит, – Вася. Чудно, – говорит, – рольку ведешь. Давай дальше.

Вижу – крики не помогают. Потому, чего ни крикнешь – все прямо по ходу пьесы ложится.

Встал я на колени.

– Братцы, – говорю. – Режиссер, – говорю, – Иван Палыч. Не могу больше! Спускайте занавеску. Последнее, – говорю, – сбереженье всерьез прут!

Тут многие театральные спецы – видят, не по пьесе слова – из кулис выходят. Суфлер, спасибо, из будки наружу вылезает.

– Кажись, – говорит, – граждане, действительно у купца бумажник свистнули.

Дали занавес. Воды мне в ковшике принесли. Напоили.

– Братцы, – говорю. – Режиссер, – говорю, – Иван Палыч. Да что ж это, – говорю. – По ходу, – говорю, – пьесы ктой-то бумажник у меня вынул.

Ну, устроили обыск у любителей. А только денег не нашли. А пустой бумажник кто-то в кулисы кинул. Деньги так и сгинули. Как сгорели.

Вы говорите – искусство? Знаем! Играли!»

1925

Кризис

Давеча, граждане, воз кирпичей по улице провезли. Ей-богу!

У меня, знаете, аж сердце затрепетало от радости. Потому строимся же, граждане. Кирпич-то ведь не зря же везут. Домишко, значит, где-нибудь строится. Началось – тьфу, тьфу, не сглазить!

Лет, может, через двадцать, а то и меньше, у каждого гражданина, небось, по цельной комнате будет. А ежели население шибко не увеличится и, например, всем аборты разрешат – то и по две. А то и по три на рыло. С ванной.

Вот заживем-то когда, граждане! В одной комнате, скажем, спать, в другой гостей принимать, в третьей еще чего-нибудь... Мало ли! Делов-то найдется при такой свободной жизни.

Ну, а пока что трудновато насчет квадратной площади. Скуповато получается ввиду кризиса.

Я вот, братцы, в Москве жил. Недавно только оттуда вернулся. Испытал на себе этот кризис.

Приехал я, знаете, в Москву. Хожу с вещами по улицам. И то есть ни в какую. Не то что остановиться негде – вещей положить некуда.

Две недели, знаете, проходил по улицам с вещами – оброс бороденкой и вещи порастерял. Так, знаете, налегке и хожу без вещей. Подыскиваю помещение.

Наконец в одном доме какой-то человечек по лестнице спускается.

– За тридцать рублей, – говорит, – могу вас устроить в ванной комнате. Квартирка, – говорит, – барская... Три уборных... Ванна... В ванной, – говорит, – и живите себе. Окон, – говорит, – хотя и нету, но зато дверь имеется. И вода под рукой. Хотите, – говорит, – напустите полную ванну воды и ныряйте себе хоть цельный день.

Я говорю:

– Я, дорогой товарищ, не рыба. Я, – говорю, – не нуждаюсь нырять. Мне бы, – говорю, – на суше пожить. Сбавьте, – говорю, – немного за мокроту.

Он говорит:

– Не могу, товарищ. Рад бы, да не могу. Не от меня целиком зависит. Квартирка коммунальная. И цена у нас на ванну выработана твердая.

– Ну, что ж, – говорю, – делать? Ладно. Рвите, – говорю, – с меня тридцать и допустите, – говорю, – скорее. Три недели, – говорю, – по панели хожу. Боюсь, – говорю, – устать.

Ну, ладно. Пустили. Стал жить.

А ванна, действительно, барская. Всюду, куда ни ступишь – мраморная ванна, колонка и крантики. А сесть, между прочим, негде. Разве что на бортик сядешь, и то вниз валишься, в аккурат в мраморную ванну.

Устроил тогда настил из досок, живу.

Через месяц, между прочим, женился.

Такая, знаете, молоденькая, добродушная супруга попалась. Без комнаты.

Я думал, через эту ванну она от меня откажется, и не увижу я семейного счастья и уюта, но она ничего, не отказывается. Только маленько нахмурилась и отвечает:

– Что ж, – говорит, – и в ванне живут добрые люди. А в крайнем, – говорит, –

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
случае, перегородить можно. Тут, – говорит, – к примеру, будуар, а тут столовая...

Я говорю:

– Перегородить, гражданка, можно. Да жильцы, – говорю, – дьяволы, не позволяют. Они и то говорят: никаких переделок.

Ну, ладно. Живем как есть.

Меньше чем через год у нас с супругой небольшой ребеночек рождается.

Назвали его Володькой и живем дальше. Тут же в ванне его купаем – и живем.

И даже, знаете, довольно отлично получается. Ребенок то есть ежедневно купается и совершенно не простуживается.

Одно только неудобство – по вечерам коммунальные жильцы лезут в ванную мыться.

На это время всей семьей приходится в коридор подаваться.

Я уж и то жильцов просил:

– Граждане, – говорю, – купайтесь по субботам. Нельзя же, – говорю, – ежедневно купаться. Когда же, – говорю, – жить-то? Войдите в положение.

А их, подлецов, тридцать два человека. И все ругаются. И, в случае чего, морду грозят набить.

Ну, что ж делать – ничего не поделаешь. Живем как есть.

Через некоторое время мамаша супруги моей из провинции прибывает в ванну. За колонкой устраивается.

– Я, – говорит, – давно мечтала внука качать. Вы, – говорит, – не можете мне отказать в этом развлечении.

Я говорю:

– Я и не отказываю. Валяйте, – говорю, – старушка, качайте. Пес с вами. Можете, – говорю, – воды в ванную напустить – и ныряйте с внуком.

А жене говорю:

– Может, гражданка, к вам еще родственники приедут, так уж вы говорите сразу, не томите.

Она говорит:

– Разве что братишка на рождественские каникулы...

Не дождавись братишки, я из Москвы выбыл. Деньги семье высылаю по почте.

1925

Бедность

Нынче, братцы мои, какое самое модное слово, а? Нынче самое что ни на есть модное слово, конечно, электрификация.

Дело это, не спорю, громадной важности – Советскую Россию светом осветить. Но и в этом есть пока что свои неважные стороны. Я не говорю, товарищи, что платить дорого. Платить недорого. Не дороже денег. Я не об этом говорю.

А вот про что.

Жил я, товарищи, в громадном доме. Дом весь шел под керосином. У кого коптилка, у кого небольшая лампочка, у кого и нет ничего – поповской свечкой светится. Беда прямо!

А тут проводить свет стали.

Первым провел уполномоченный. Ну, провел и провел. Мужчина он тихий, вида не показывает. Но ходит все-таки странно и все время задумчиво сморкается.

Но вида еще не показывает.

А тут дорогая наша хозяйюшка Елизавета Игнатьевна Прохорова приходит раз и предлагает квартиру осветить.

– Все, – говорит, – проводят. И сам, – говорит, – уполномоченный провел.

Что ж! Стали и мы проводить.

Провели, осветили – батюшки-светы! Кругом гниль и гнусь.

То, бывало, утром на работу уйдешь, вечером явишься, чай попьешь и спать. И ничего такого при керосине не видно было. А теперича зажгли, смотрим, тут туфля чья-то рваная валяется, тут обои отодраны и клочком торчат, тут клоп рысью бежит – от света спасается, тут тряпица неизвестно какая, тут плевок, тут окурок, тут блоха резвится...

Батюшки-светы! Хоть караул кричи. Смотреть на такое зрелище грустно.

Канаве, например, такое в нашей комнате стояло. Я думал, ничего себе канаве – хорошее канаве. Сидел часто на нем по вечерам. А теперича зажег электричество – батюшки-светы! Ну и ну! Ну и канаве! Все торчит, все висит, все изнутри лезет. Не могу сесть на такое канаве – душа протестует.

Ну, думаю, не богато я живу. Противно на все глядеть. Работа из рук падает.

Вижу, и хозяйюшка Елизавета Игнатьевна ходит грустная, шуршит у себя на кухне, прибирается.

– Чего, – спрашиваю, – возитесь, хозяйюшка?

А она рукой машет.

– Я, – говорит, – милый человек, и не думала, что так бедновато живу.

Взглянул я на хозяйкино барахлишко – действительно, думаю, не густо: гниль и гнусь, и тряпицы разные. И все это светлым светом залито и в глаза бросается.

Стал я приходить домой вроде как скучный.

Приду, свет зажгу, полюбуюсь на лампочку и ткнусь в койку.

После раздумал, получку получил, купил мелу, развел и приступил к работе. Обои отодрал, клопов выбил, паутинки смел, канаве убрал, выкрасил, раздраконил – душа поет и радуется.

Но хоть и получилось хорошо, да не дуже. Зря и напрасно я, братишечки, деньги ухлопал – отрезала хозяйка провода.

– Больно, – говорит, – бедновато выходит при свете-то. Чего, – говорит, – этакую бедность освещать клопам на смех.

Я уж и просил, и доводы приводил – никак.

– Съезжай, – говорит, – с квартиры. Не желаю, – говорит, – я со светом жить. Нет у меня денег ремонты ремонтировать.

А легко ли съезжать, товарищи, если я на ремонт уйму денег ухлопал? Так и покорился.

Эх, братцы, и свет хорошо, да и со светом плохо.

1925

Административный восторг

Хочется рассказать про одного начальника. Очень уж глубоко интересная личность.

Оно, конечно, жалко – не помню, в каком городе эта личность существует. В свое время читал об этом начальнике небольшую заметку в харьковской газете. А насчет города – позабыл. Память дырявая. В общем, где-то около Харькова.

Ну, да это не суть важно. Пуцай население само разбирается в своих героях. Небось, узнают – фамилия Дрожкин.

Так вот, извольте видеть, было это в небольшом городе. Даже, по совести говоря, не в городе, а в местечке. И было это в воскресенье.

Представьте себе – весна, весеннее солнышко играет. Природа, так сказать, пробуждается. Травка, возможно, что зеленеть начинает.

Население, конечно, высыпало на улицу. Панели шлифует.

И тут же среди населения гуляет собственной персоной помощник начальника местной милиции товарищ Дрожкин. С супругой. Прелестный ситцевый туалет. Шляпа. Зонтик. Калоши.

И гуляют они, ну, прямо, как простые смертные. Не гнушаются. Прямо так и прут под ручку по общему тротуару.

Доперли они до угла бывшей Казначейской улицы. Вдруг стоп. Среди, можно сказать, общего пешеходного тротуара – свинья мотается. Такая довольно крупная свинья, пудов, может быть, на семь.

И пес ее знает, откуда она забрела. Но факт, что забрела и явно нарушает общественный беспорядок.

А тут, как на грех, – товарищ Дрожкин с супругой.

Господи, твоя воля! Да, может, товарищу Дрожкину неприятно на свинью глядеть? Может, ему во внеслужбное время охота на какую-нибудь благородную часть природы поглядеть? А тут свинья. Господи, твоя воля, какие неосторожные поступки со стороны свиньи! И кто такую дрянь выпустил наружу? Это же прямо невозможно!

А главное – товарищ Дрожкин вспыльчивый был. Он сразу вскипел.

– Это, – кричит, – чья свинья? Будьте любезны ее ликвидировать.

Прохожие, известно, растерялись. Молчат.

Начальник говорит:

– Это что ж делается среди бела дня! Свиньи прохожих затирают. Шагу не дают шагнуть. Вот я ее сейчас из револьверу тяпну.

Вынимает, конечно, товарищ Дрожкин револьвер. Тут среди местной публики замешательство происходит. Некоторые, более опытные прохожие, с большим, так сказать, военным стажем, в сторону сиганули в рассуждении пули.

Только хотел начальник свинку угробить – жена вмешалась. Супруга.

– Петя, – говорит, – не надо ее из револьверу бить. Сейчас, может быть, она под ворота удалится.

Муж говорит:

– Не твое гражданское дело. Замри на короткое время. Не вмешивайся в действия милиции.

В это время из-под ворот такая небольшая старушка выплывает.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Выплывает такая небольшая старушка и что-то ищет.

– Ахти, – говорит, – Господи! Да вот он где, мой кабан. Не надо его, товарищ начальник, из пистолета пужать. Сейчас я его уберу.

Товарищ Дрожкин обратно вспылит. Может, ему хотелось на природу любоваться, а тут, извиняюсь, неуклюжая старуха со свиньей.

– Ага, – говорит, – твоя свинья! Вот я ее сейчас из револьверу трахну. А тебя в отделение отправлю. Будешь свиней распуцать.

Тут опять жена вмешалась.

– Петя, – говорит, – пойдем, за ради Бога. Опоздаем же на обед.

И, конечно, по глупости своей супруга за рукав потянула, – дескать, пойдем.

Ужасно побледнел начальник милиции.

– Ах так, – говорит, – вмешиваться в действия и в распоряжения милиции! За рукав хватать! Вот я тебя сейчас арестую.

Свистнул товарищ Дрожкин постового.

– Взять, – говорит, – эту гражданку. Отправить в отделение. Вмешивалась в действия милиции.

Взял постовой неосторожную супругу за руку и повел в отделение.

Народ безмолвствовал.

А сколько жена просидела в милиции и каковы были последствия семейной неурядицы – нам неизвестно. Об этом, к сожалению, в газете ничего не говорится.

1925

Обезьяний язык

Трудный этот русский язык, дорогие граждане! Беда, какой трудный.

Главная причина в том, что иностранных слов в нем до черта. Ну, взять французскую речь. Все хорошо и понятно. Кескесе, мерси, комси – все, обратите ваше внимание, чисто французские, натуральные, понятные слова.

А нуте-ка, сунься теперь с русской фразой – беда. Вся речь пересыпана словами с иностранным, туманным значением.

От этого затрудняется речь, нарушается дыхание и треплются нервы.

Я вот на днях слышал разговор. На собрании было. Соседи мои разговорились.

Очень умный и интеллигентный разговор был, но я, человек без высшего образования, понимал ихний разговор с трудом и хлопал ушами.

Началось дело с пустяков.

Мой сосед, не старый еще мужчина, с бородой, наклонился к своему соседу слева и вежливо спросил:

– А что, товарищ, это заседание пленарное будет али как?

– Пленарное, – небрежно ответил сосед.

– Ишь ты, – удивился первый, – то-то я и гляжу, что такое? Как будто оно и пленарное.

– Да уж будьте покойны, – строго ответил второй. – Сегодня сильно пленарное и

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
кворум такой подобрался – только держись.

– Да ну? – спросил сосед. – Неужели и кворум подобрался?

– Ей-богу, – сказал второй.

– И что же он, кворум-то этот?

– Да ничего, – ответил сосед, несколько растерявшись. – Подобрался, и все тут.

– Скажи на милость, – с огорчением покачал головой первый сосед. – С чего бы это он, а?

Второй сосед развел руками и строго посмотрел на собеседника, потом добавил с мягкой улыбкой:

– Вот вы, товарищ, небось, не одобряете эти пленарные заседания... А мне как-то они ближе. Все как-то, знаете ли, выходит в них минимально по существу дня... Хотя я, прямо скажу, последнее время отношусь довольно перманентно к этим собраниям. Так, знаете ли, индустрия из пустого в порожнее.

– Не всегда это, – возразил первый. – Если, конечно, посмотреть с точки зрения. Вступить, так сказать, на точку зрения и отсюда, с точки зрения, то да – индустрия конкретно.

– Конкретно фактически, – строго поправил второй.

– Пожалуй, – согласился собеседник. – Это я тоже допускаю. Конкретно фактически. Хотя как когда...

– Всегда, – коротко отрезал второй. – Всегда, уважаемый товарищ. Особенно если после речей подсекция заварится минимально. Дискуссии и крику тогда не оберешься...

На трибуну взошел человек и махнул рукой. Все смолкло. Только соседи мои, несколько разгоряченные спором, не сразу замолчали. Первый сосед никак не мог помириться с тем, что подсекция заваривается минимально. Ему казалось, что подсекция заваривается несколько иначе.

На соседей моих зашикали. Соседи пожалы плечами и смолкли. Потом первый сосед снова наклонился ко второму и тихо спросил:

– Это кто ж там такой вышелши?

– Это? Да это президиум вышелши. Очень острый мужчина. И оратор первейший. Завсегда остро говорит по существу дня.

Оратор простер руку вперед и начал речь.

И когда он произносил надменные слова с иностранным, туманным значением, соседи мои сурово кивали головами. Причем второй сосед строго поглядывал на первого, желая показать, что он все же был прав в только что законченном споре.

Трудно, товарищи, говорить по-русски!

1925

Лимонад

Я, конечно, человек непьющий. Ежели другой раз и выпью, то мало – так, приличия ради или славную компанию поддержать.

Больше как две бутылки мне враз нипочем не употребить. Здоровье не позволяет. Один раз, помню, в день своего бывшего ангела, я четверть выкушал.

Но это было в молодые, крепкие годы, когда сердце отчаянно в груди билось и в голове мелькали разные мысли.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
А теперь старею.

Знакомый ветеринарный фельдшер, товарищ Птицын, давеча осматривал меня и даже, знаете, испугался. Задрожал.

– У вас, – говорит, – полная девальвация. Где, – говорит, – печень, где мочевой пузырь, распознать, – говорит, – нет никакой возможности. Очень, – говорит, – вы сносились.

Хотел я этого фельдшера побить, но после остыл к нему.

«Дай, – думаю, – сперва к хорошему врачу схожу, удостоверюсь».

Врач никакой девальвации не нашел.

– Органы, – говорит, – у вас довольно в аккуратном виде. И пузырь, – говорит, – вполне порядочный и не протекает. Что касается сердца, то оно очень еще отличное, даже, – говорит, – шире, чем надо. Но, – говорит, – пить вы перестаньте, иначе очень просто смерть может приключиться.

А помирать, конечно, мне неохота. Я жить люблю. Я человек еще молодой. Мне только-только в начале нэпа сорок три года стукнуло. Можно сказать, в полном расцвете сил и здоровья. И сердце в груди широкое. И пузырь, главное, не протекает. С таким пузырем жить да радоваться. «Надо, – думаю, – в самом деле пить бросить». Взял и бросил.

Не пью и не пью. Час не пью, два не пью. В пять часов вечера пошел, конечно, обедать в столовую.

Покушал суп. Начал вареное мясо кушать – охота выпить. «Заместо, – думаю, – острых напитков попрошу чего-нибудь помягче – нарзану или же лимонаду». Зову.

– Эй, – говорю, – который тут мне порции подавал, неси мне, куриная твоя голова, лимонаду.

Приносят, конечно, мне лимонаду на интеллигентном подносе. В графине. Наливаю в стопку.

Пью я эту стопку, чувствую: кажись, водка. Налил еще. Ей-богу, водка. Что за черт! Налил остатки – самая настоящая водка.

– Неси, – кричу, – еще!

«Вот, – думаю, – поперло-то!»

Приносит еще.

Попробовал еще. Никакого сомнения не осталось – самая натуральная.

После, когда деньги заплатил, замечание все-таки сделал.

– Я, – говорю, – лимонаду просил, а ты чего носишь, куриная твоя голова?

Тот говорит:

– Так что это у нас завсегда лимонадом зовется. Вполне законное слово. Еще с прежних времен... А натурального лимонаду, извиняюсь, не держим – потребителя нету.

– Неси, – говорю, – еще последнюю.

Так и не бросил. А желание было горячее. Только вот обстоятельства помешали. Как говорится – жизнь диктует свои законы. Надо подчиняться.

1925

Диктофон

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Ах, до чего все-таки американцы народ острый! Сколько удивительных открытий, сколько великих изобретений они сделали! Пар, безопасные бритвы Жиллет, вращение Земли вокруг своей оси – все это открыто и придумано американцами и отчасти англичанами.

А теперь извольте: снова осчастливлено человечество – подарили американцы миру особую машину – диктофон.

Конечно, может, эта машина несколько и раньше придумана, но нам-то прислали ее только что.

Это был торжественный и замечательный день, когда прислали эту машинку.

Масса народу собралась посмотреть на эту диковинку.

Многоуважаемый всеми Константин Иванович Деревяшкин снял с машины чехол и благоговейно обтер ее тряпочкой. И в ту минуту мы воочию убедились, какой это великий гений изобрел ее. Действительно: масса винтиков, валиков и хитроумных загугуленок бросилась нам в лицо. Было даже удивительно подумать, как эта машинка, столь нежная и хрупкая на вид, может работать и соответствовать своему назначению.

Ах, Америка, Америка, – какая это великая страна!

Когда машина была осмотрена, многоуважаемый всеми товарищ Деревяшкин, похвально отозвавшись об американцах, сказал несколько вступительных слов о пользе гениальных изобретений. Потом было приступлено к практическим опытам.

– Кто из вас, – сказал Константин Иванович, – желает сказать несколько слов в этот гениальный аппарат?

Тут выступил уважаемый товарищ Тыкин, Василий. Худой такой, длинный, по шестому разряду получающий жалованье плюс за сверхурочные.

– Дозвольте, – говорит, – мне испробовать.

Разрешили ему.

Подошел он к машинке не без некоторого волнения, долго думал, чего бы ему такое сказать, но, ничего не придумав и махнув рукой, отошел от машины, искренне горя о своей малограмотности.

Затем подошел другой. Этот, не долго думая, крикнул в открытый рупор:

– Эй, ты, чертова дура!

Тотчас открыли крышку, вынули валик, вставили его куда следует, и что же? – доподлинно и точно валик передал всем присутствующим вышеуказанные слова.

Тогда восхищенные зрители наперерыв протискивались к трубе, пробуя говорить то одну, то другую фразу или лозунг. Машинка послушно записывала все в точности.

Тут снова выступил Василий Тыкин, получающий жалованье по шестому разряду плюс сверхурочные, и предложил кому-нибудь из общества неприлично заругаться в трубу.

Многоуважаемый Константин Иванович Деревяшкин сначала категорически воспретил ругаться в рупор и даже топнул ногой, но потом, после некоторого колебания, увлеченный этой идеей, велел позвать из соседнего дома бывшего черноморца – отчаянного ругателя и буяна.

Черноморец не заставил себя долго ждать – явился.

– Куда, – спрашивает, – ругаться? В какое отверстие?

Ну, указали ему, конечно. А он как загнет – аж сам многоуважаемый Деревяшкин руками развел, – дескать, здорово пущено, это вам не Америка.

Засим, еле оторвав черноморца от трубы, поставили валик. И действительно,

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru аппарат опять в точности и неуклонно произвел запись.

Тогда все снова стали подходить, пробуя ругаться в отверстие на все лады и наречия. Потом стали изображать различные звуки: хлопали в ладоши, делали ногами чечетку, щелкали языком – машинка действовала безотлагательно.

Тут, действительно, все увидели, насколько велико и гениально это изобретение.

Единственно только жаль, что эта машинка оказалась несколько хрупкая и не приспособленная к резким звукам. Так, например, Константин Иванович выстрелил из нагана, и, конечно, не в трубу, а, так сказать, сбоку, чтобы для истории запечатлеть на валик звук выстрела – и что же? – оказалось, что машинка испортилась, сдала.

С этой стороны лавры американских изобретателей и спекулянтов несколько меркнут и понижаются.

Впрочем, заслуга ихняя все же велика и значительна перед лицом человечества.

1925

Столичная штучка

В селе Усачи, Калужской губернии, на днях состоялись перевыборы председателя.

Городской товарищ Ведерников, посланный ячейкой в подшефное село, стоял на свежеструганых бревнах и говорил собранию:

– Международное положение, граждане, яснее ясного. Задерживаться на этом, к сожалению, не приходится. Перейдем поэтому к текущему моменту дня, к выбору председателя заместо Костылева Ивана. Этот паразит не может быть облечен всей полнотой государственной власти, а потому сменяется...

Представитель сельской бедноты, мужик Бобров, Михайло Васильевич, стоял на бревнах подле городского товарища и, крайне беспокоясь, что городские слова мало доступны пониманию крестьян, тут же, по доброй своей охоте, разъяснил неясный смысл речи.

– Одним словом, – сказал Михайло Бобров, – этот паразит, распроязви его душу – Костылев, Иван Максимович, – не может быть облегчен и потому сменяется...

– И заместо указанного Ивана Костылева, – продолжал городской оратор, – предлагается избрать человека, потому как нам паразитов не надобно.

– И заместо паразита, – пояснил Бобров, – и этого, язви его душу, самогонщика, хоша он мне и родственник со стороны жены, предлагается изменить и наметить.

– Предлагается, – сказал городской товарищ, – выставить кандидатуру лиц.

Михайло Бобров скинул с себя от полноты чувств шапку и сделал жест, приглашая немедленно выставить кандидатуру лиц.

Общество молчало.

– Разве Быкина, что ли? Или Еремея Ивановича Секина, а? – несмело спросил кто-то.

– Так, – сказал городской товарищ, – Быкина... Запишем.

– Чичас запишем, – пояснил Бобров.

Толпа, молчавшая до сего времени, принялась страшным образом галдеть и выкрикивать имена, требуя немедленно возводить своих кандидатов в должность председателя.

– Быкина Васю! Еремея Ивановича Секина! Николаева...

Городской товарищ Ведерников записывал эти имена на своем мандате.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Братцы! – закричал кто-то. – Это не выбор – Секин и Николаев... Надоть передовых товарищей выбирать... Которые настоящие в полной мере... Которые, может, в городе поднаторели – вот каких надоть... Чтоб все насквозь знали...

– Верно! – закричали в толпе. – Передовых надоть... Кругом так выбирают.

– Тенденция правильная, – сказал городской товарищ. – Намечайте имена.

В обществе произошла заминка.

– Разве Коновалова Лешку? – несмело сказал кто-то. – Он и есть только один приехавши с городу. Он это столичная штучка.

– Лешку! – закричали в толпе. – Выходи, Леша. Говори обществу.

Лешка Коновалов протиснулся через толпу, вышел к бревнам и, польщенный всеобщим вниманием, поклонился по-городскому, прижимая руку к сердцу.

– Говори, Лешка! – закричали в толпе.

– Что ж, – несколько конфузясь, сказал Лешка. – Меня выбирать можно. Секин или там Николаев – разве это выбор? Это же деревня, гольтепа. А я, может, два года в городе терся. Меня можно выбирать...

– Говори, Лешка! Докладывай обществу! – снова закричала толпа.

– Говорить можно, – сказал Лешка. – Отчего это не говорить, когда я все знаю.. Декрет знаю или какое там распоряжение и примечание. Или, например, кодекс... Все это я знаю. Два года, может, терся... Бывало, сижу в камере, а к тебе бегут. Разъясни, дескать, Леша, какое это есть примечание и декрет.

– Какая камера-то? – спросили в толпе.

– Камера-то? – сказал Лешка. – Да четырнадцатая камера. В Крестах мы сидели...

– Ну! – удивилось общество. – За что же ты, парень, в тюрьмах-то сидел?

Лешка смутился и растерянно взглянул на толпу.

– Самая малость, – неопределенно сказал Лешка.

– Политика или что слямзил?

– Политика, – сказал Лешка. – Слямзил малость...

Лешка махнул рукой и сконфуженно смылся в толпу. Городской товарищ Ведерников, поговорив о новых тенденциях избирать поднаторевших в городе товарищей, предложил голосовать за Еремея Секина.

Михайло Бобров, представитель бедняцкого элемента, разъяснил смысл этих слов, и Еремей Секин был единогласно избран при одном воздержавшемся.

Воздержавшийся был Лешка Коновалов. Ему не по душе была деревенская гольтепа.

1925

Шипы и розы

На лестнице раздался резкий звонок.

Я бросился открывать дверь.

Открыл. И вдруг в прихожую стремительно ворвался человек. Он явно был не в себе. Рот у него был открыт, усы висели книзу, глаза блуждали, и слюна тонкой струйкой текла по подбородку. Пиджак был порван и надет в один рукав.

– Счетчик?! – дико захрипел человек. – Скорей! Где?

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Я ахнул с испугу и ткнул пальцем под потолок. Человек вскочил на столик, раздавил ногой отличную дамскую шляпу и принялся за счетчик.

– Товарищ, – испуганно спросил я, – вы кто же, извиняюсь, будете? Контролер, что ли?

– Контролер, – хрипло сказал человек. – Ччас проверим, и дальше бежать надо...

Контролер спрыгнул на пол, зашиб ногу об угол сундука и, охая, бросился к выходной двери.

– Товарищ... Братишечка, – сказал я, – вы бы присели отдохнуть... на вас лица нет...

Контролер остановился, перевел дух и сказал:

– Фу... Действительно... Запарившись я сегодня... Сто квартир все-таки... Раньше мы шестьдесят проверяли, а теперича восемьдесят надо... А если больше, твое счастье – премия теперь идет... Вот догоню сегодня, ну, до полутораста, и будет... Мне много не надо. Я не жадный.

– Ну и ничего, поспеваете? – осторожно спросил я, поправляя помятую шляпу.

– Поспеваем, – ответил контролер. – Только что публика, конечно, не привыкли еще к повышению производительности. Пугается быстроте... Давеча вот в седьмой номер вбегаю – думали налетчик. Крик подняли. В девятом номере столик небольшой такой сломал – опять крики и недовольство. В соседнем доме по нечаянности счетчик сорвал – квартирант в морду полез. Не нравится ему, видите ли, что счетчик висит неинтересно. Некрасиво, говорит... Ах, гражданин, до чего публика не привыкли еще! Только что в вашей квартире тихо и благородно... Шляпенция-то еще держится... Раздавил я ее, что ли?

– Раздавили, – деликатно сказал я, подвязывая на шляпе сломанные перья.

– Да, уж эти дамские моды, – неопределенно сказал контролер, укоризненно покачивая головой.

Контролер потоптался у дверей и добавил:

– Беда с этим повышением. Всей душой рвешься, стараешься, а публика некультурная, обижается быстроте... фу... Бежать надо. Прощайте вам...

Контролер сорвался с места, ударил себя по коленям, гикнул и одним прыжком ринулся на лестницу.

Производительность повышалась.

1925

Утонувший домик

Шел я раз по Васильевскому острову. Домик, гляжу, небольшой такой.

Крыша да два этажа. Да трубенка еще сверху торчит. Вот вам и весь домик.

Маленький, вообще, домишко. До второго этажа, если на плечи управдому встать, то и рукой дотянуться можно.

На этот домик я бы и вниманья своего не обратил, да какая-то каналья со второго этажа дрянью в меня плеснула.

Я хотел выразиться покрепче, поднял кверху голову – нет никого.

«Спрятался, подлец», – думаю.

Стал я шарить глазами по дому. Гляжу, у второго этажа досочка какая-то прибила. На досочке надпись: «Уровень воды 23 сентября 1924 г.». «Ого, – думаю, – водица-то где была в наводнение. И куда же, – думаю, – несчастные жильцы

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru спасались, раз вода в самом верхнем этаже ощущалась? Не иначе, – думаю, – на крыше спасались...»

Тут стали мне всякие ужасные картины рисоваться. Как вода первый этаж покрыла и ко второму прется. А жильцы небось в испуге вещички свои побросали и на крышу с отчаяния лезут. И к трубе, пожалуй что, канатами себя привязывают, чтобы вихорь в пучину не скинул.

И до того я стал жильцам сочувствовать в ихней прошлой беде, что и забыл про свою обиду.

Вдруг открывается окно и какая-то вредная старушенция подает свой голос:

– Чего, – говорит, – тебе, батюшка? Из соцстраха ты или, может, агент?

– Нету, – говорю, – мамаша, ни то и ни это, а гляжу вот и ужасаюсь уровнем. Вода-то, – говорю, – больно высока была. Небось, – говорю, – мамаша, тебя канатом к трубе подвязывали?

А старушка посмотрела на меня дико и окошко поскорей закрыла.

И вдруг выходит из ворот какой-то плотный мужчина в жилетке и с беспокойством спрашивает:

– Вам чего, гражданин, надо?

Я говорю:

– Чего вы все ко мне пристали? Уж и на дом не посмотри. Вот, – говорю, – гляжу на уровень. Высоко больно.

А мужчина усмехнулся и говорит:

– Да нет, – говорит, – это так. В нашем районе, – говорит, – хулиганы сильно балуют. Завсегда срывали фактический уровень. Вот мы его повыше и приспособили. Ничего, благодаря Бога, теперь не трогают. И лампочку не трогают. Высоко потому... А касаясь воды – тут мельче колена было. Кура могла вброд пройти.

А мне как-то обидно вдруг стало вообще за уровни.

– Вы бы, – говорю, – на трубу еще уровень свой прибили.

А он говорит:

– Ежели этот уровень отобьют, так мы и на трубу – очень просто.

– Ну, – говорю, – и черт с вами. Тоните.

1925

Папаша

Недавно Володьке Гусеву припаяли на суде. Его признали отцом младенца с обязательным отчислением третьей части жалованья. Горе молодого счастливого отца не поддается описанию. Очень он грустит по этому поводу.

«Мне, – говорит, – на младенцев завсегда противно было глядеть. Ножками дрыгают, орут, чихают. Толстовку тоже, очень просто, могут запачкать. Прямо житья нет от этих младенцев.

А тут еще этакой мелкоте деньги отваливай. Третью часть жалованья ему подавай. Так вот – здорово живешь. Да от этого прямо можно захворать. Я народному судье так и сказал:

– Смешно, – говорю, – народный судья. Прямо, – говорю, – смешно, какие ненормальности. Этакая, – говорю, – мелкая крошка, а ему третью часть. Да на что, – говорю, – ему третья часть? Младенец, – говорю, – не пьет, не курит и в карты не играет, а ему выкладывает ежемесячно. Это, – говорю, – захворать можно

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru от таких ненормальностей.

А судья говорит:

– А вы как насчет младенца? Признаете себя, ай нет?

Я говорю:

– Странные ваши слова, народный судья. Прямо, – говорю, – до чего обидные слова. Я, – говорю, – захворать могу от таких слов. Естественно, – говорю, – это не мой младенец. А только, – говорю, – я знаю, чьи это интриги. Это, – говорю, – Маруська Коврова насчет моих денег расстраивается. А я, – говорю, – сам тридцать два рубля получаю. Десять семьдесят пять отдай, – что ж это будет? Я, – говорю, – значит, в рваных портках ходи. А тут, – говорю, – параллельно с этим Маруська рожали будет покупать и батистовые подвязки на мои деньги. Тьфу, – говорю, – провались, какие неприятности!

А судья говорит:

– Может, и ваш. Вы, – говорит, – припомните.

Я говорю:

– Мне припоминать нечего. Я, – говорю, – от этих припоминаний захворать могу... А насчет Маруськи была раз на квартиру пришедши. И на трамвае, – говорю, – раз ездили. Я платил. А только, – говорю, – не могу я за это всю жизнь ежемесячно вносить. Не просите...

Судья говорит:

– Раз вы сомневаетесь насчет младенца, то мы сейчас его осмотрим и пушай увидим, какие у него наличные признаки.

А Маруська тут же рядом стоит и младенца своего разворачивает.

Судья посмотрел на младенца и говорит:

– Носик форменно на вас похож.

Я говорю:

– Я, – говорю, – извиняюсь, от носика не отказываюсь. Носик, действительно, на меня похож! За носик, – говорю, – я всегда способен три рубля или три с полтиной вносить. А зато, – говорю, – остатный организм весь не мой. Я, – говорю, – жгучий брюнет, а тут, – говорю, – извиняюсь, как дверь белое. За такое белое – рупь или два с полтиной могу только вносить. На что, – говорю, – больше, раз оно в союзе даже не состоит.

Судья говорит:

– Сходство, действительно, растяжимое. Хотя, – говорит, – носик весь в папашу.

Я говорю:

– Носик не основание. Носик, – говорю, – будто бы и мой, да дырочки в носике будто бы и не мои – махонькие очень дырочки. За такие, – говорю, – дырочки не могу больше рубля вносить. Разрешите, – говорю, – народный судья, идти и не задерживаться.

А судья говорит:

– Погоди маленько. Сейчас приговор вынесем.

И выносят – третью часть с меня жалованья.

Я говорю:

– Тьфу на всех. От таких, – говорю, – дел захворать можно».

1925

Пассажир

И зачем только позволяют пассажирам на третьих полках в Москву ездить? Ведь это же полки багажные. На багажных полках и пушай багажи ездят, а не публика.

А говорят – культура и просвещение! Ишь, скажем, тепловоз теперь к поездам прикрепляют и ездят после. А между прочим – такая дикая серость в вагонах допускается.

Ведь это же башку отломить можно. Упасть если. Вниз упадешь, не вверх.

А может, мне в Москву и не надо было ехать. Может, это Васька Бочков, сукин сын, втравил меня в поездку.

– На, – говорит, – дармовую провизионку. Поезжай в Москву, если тебе охота.

– Братишечка, – говорю, – да на что мне в Москву-то ехать? Мне, – говорю, – просто неохота ехать в Москву. У меня, – говорю, – в Москве ни кола ни двора. Мне, – говорю, – братишечка, даже и остановиться негде в Москве этой.

А он говорит:

– Да ты для потехи поезжай. Даром все-таки. Раз, – говорит, – в жизни счастье привалило, а ты, дура-голова, отпихиваешься.

С субботы на воскресенье я и поехал.

Вхожу в вагон. Присаживаюсь сбоку. Еду. Три версты отъехал – жрать сильно захотелось, а жрать нечего.

«Эх, – думаю, – Васька Бочков, сукин сын, в какую длинную поездку втравил. Лучше бы мне, – думаю, – сидеть теперь на суше в пивной где-нибудь, чем взад и вперед ездить».

А народу между тем многовато поднабралось. Тут у окна, например, дяденька с бородкой. Тут же рядом и старушечку Бог послал. И какая это вредная, ядовитая старушечка попалась – все локтем пихается.

– Расселся, – говорит, – дьявол. Ни охнуть ни вздохнуть.

Я говорю:

– Вы, старушечка, божий одуванчик, не пихайтесь. Я, – говорю, – не своей охотой еду. Меня, – говорю, – Васька Бочков втравил.

Не сочувствует.

А вечер между тем надвигается. Искры с тепловозу дождем сыплются. Красота кругом и природа. А только мне неохота на природу глядеть. Мне бы, думаю, лечь да прикрыться.

А лечь, гляжу, некуда. Все места насквозь заняты.

Обращаюсь к пассажирам:

– Граждане, – говорю, – допустите хотя в серединку сесть. Я, – говорю, – сбоку свалиться могу. Мне в Москву ехать.

– Тут, – отвечают, – кругом все в Москву едут. Поезд не плацкартный все-таки. Сиди, где сидел.

Сижу. Еду. Еще три версты отъехал – нога зачумела. Встал. И гляжу – третья полка виднеется. А на ней корзина едет.

– Граждане, – говорю, – да что ж это? Человек, – говорю, – скрючившись должен

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru сидеть, и ноги у него чумеют, а тут вещи... Человек, – говорю, – все-таки важней, чем вещи... Уберите, – говорю, – корзину, чья она.

Старушечка кряхтя подымается. За корзиной лезет.

– Нет, – говорит, – от вас, дьяволов, покою ни днем ни ночью. На, – говорит, – идол, полезай на такую верхотуру. Даст, – говорит, – Бог, башку-то и отломишь на ночь глядя.

Я и полез.

Полез, три версты отъехал и задремал сладко.

Вдруг как пихнет меня в сторону, как кувыркнет вниз. Гляжу – падаю. Спросонья-то, думаю, каково падать.

И как шваркнет меня в бок, об башку, об желудок, об руку... Упал.

И, спасибо, ногой при падении за вторую полку зацепился – удар все-таки мягкий вышел.

Сижу на полу и башку щупаю – тут ли. Тут.

А в вагоне шум такой происходит. Это пассажиры шумят, не сперли бы, думают, ихние вещи в переполохе.

На шум бригада с фонарем сходится.

Обер спрашивает:

– кто упал?

Я говорю:

– я упал. С багажной полки. Я, – говорю, – в Москву еду. Васька Бочков, – говорю, – сукин сын, втравил меня в поездочку.

Обер говорит:

– У Бологое завсегда пассажиры вниз сваливаются. Дюже резкая остановка.

Я говорю:

– Довольно обидно упавшему человеку про это слышать. Пушай бы, – говорю, – лучше бригада не допускала на верхних полках ездить. А если лезет пассажир, пушай спихивают его или урезонируют – дескать, не лезьте, гражданин, скатиться можно.

Тут и старушка крик поднимает:

– Корзину, – говорит, – башкой смял.

Я говорю:

– Человек важнее корзинки. Корзинку, – говорю, – купить можно. Башка же, говорю, бесплатно все-таки.

Покричали, поохали, перевязали мне башку тряпкой и, не останавливая поезда, поехали дальше.

Доехал до Москвы. Вылез. Посидел на вокзале.

Выпил четыре кружки воды из бака. И назад.

А башка до чего ноет, гудит. И мысли все скабрезные идут. Э-э, думаю, попался бы мне сейчас Васька Бочков – я бы ему пересчитал ребра. Втравил, думаю, подлец, в какую поездку.

Доехал до Ленинграда. Вылез. Выпил из бака кружку воды и пошел, покачиваясь.

1926

Муж

Да что ж это, граждане, происходит на семейном фронте? Мужьям-то ведь форменная труба выходит. Особенно тем, у которых, знаете, жена передовыми вопросами занята.

Давеча, знаете, какая скучная история. Прихожу домой. Вхожу в квартиру. Стучусь, например, в собственную свою дверь – не открывают.

– Манюся, – говорю своей супруге, – да это же я, Вася, пришедши.

Молчит. Притаилась.

Вдруг за дверью голос Мишки Бочкова раздается. А Мишка Бочков – сослуживец, знаете ли, супругин.

– Ах, – говорит, – это вы, Василь Иванович. Сей минуту, – говорит, – мы тебе отопрем. Обожди, друг, чуточку.

Тут меня, знаете, как поленом по башке ударило.

«Да что ж это, – думаю, – граждане, происходит-то на семейном фронте, – мужей впускать перестали».

Прошу честью:

– Открой, – говорю, – курицын сын. Не бойся, драться я с тобой не буду.

А я, знаете, действительно, не могу драться. Рост у меня, извините, мелкий, телосложение хлипкое. То есть не могу я драться. К тому же, знаете ли, у меня в желудке постоянно что-то там булькает при быстром движении. Фельдшер говорит: «Это у вас пища играет». А мне, знаете, не легче, что она играет. Игрушки какие у ей нашлись! Только, одним словом, через это не могу драться.

Стучусь в дверь.

– Открывай, – говорю, – бродяга такая.

Он говорит:

– Не тряси дверь, дьявол. Сейчас открою.

– Граждане, – говорю, – да что ж это будет такое? Он, – говорю, – с супругой закрывшись, а я ему и дверь не тряси и не шевели. Открывай, – говорю, – сию минуту, или я тебе сейчас шум устрою.

Он говорит:

– Василь Иванович, да обожди немного. Посиди, – говорит, – в коридоре на сундучке. Да коптилку, – говорит, – только не оброни. Я тебе нарочно ее для света поставил.

– Братцы, – говорю, – милые товарищи. Да как же, – говорю, – он может, подлая его личность, в такое время мужу про коптилку говорить спокойным голосом?! Да что ж это происходит!

А он, знаете, урезонирует через дверь:

– Эх, дескать, Василь Иванович, завсегда ты был беспартийным мещанином. Беспартийным мещанином и скончаешься.

– Пуцай, – говорю, – я беспартийный мещанин, а только сию минуту я за милицией сбегая.

Бегу, конечно, вниз, к постовому.

Постовой говорит:

– Предпринять, товарищ, ничего не можем. Ежели, – говорит, – вас убивать начнут или, например, из окна кинут при общих семейных неприятностях, то тогда предпринять можно... А так, – говорит, – ничего особенного у вас не происходит... Все нормально и досконально... Да вы, – говорит, – побегите еще раз. Может, они и пустят.

Бегу назад – действительно, через полчаса Мишка Бочков открывает дверь.

– Входите, – говорит. – Теперь можно.

Вхожу побыстрее в комнату, батюшки-светы, – накурено, наляпано, набросано, разбросано. А за столом, между прочим, семь человек сидят – три бабы и два мужика. Пишут. Или заседают. Пес их разберет.

Посмотрели они на меня и хохочут.

А передовой ихний товарищ, Мишка Бочков, нагнулся над столом и тоже, знаете, заметно трясется от хохоту.

– Извиняюсь, – говорит, – пардон, что над вами подшутили. Охота нам было знать, что это мужья в таких случаях теперь делают.

А я ядовито говорю:

– Смеяться, – говорю, – не приходится. Раз, – говорю, – заседание, то так и объявлять надо. Или, – говорю, – записки на дверях вывешивать. И вообще, – говорю, – когда курят, то проветривать надо.

А они посидели-посидели – и разошлись. Я их не задерживал.

1926

Рабочий костюм

Вот, граждане, до чего дожили! Рабочий человек и в ресторан не пойдет – не впускают. На рабочий костюм косятся. Грязный, дескать, очень для обстановки.

На этом самом Василий Степаныч Конопатов пострадал. Собственной персоной. Выперли, братцы, его из ресторана. Вот до чего дожили.

Главное, Василий Степаныч, как только в дверь вошел, так сразу почувствовал, будто что-то не то, будто швейцар как-то косо поглядел на его костюмчик. А костюмчик известно какой – рабочий, дрянь костюмчик, вроде прозодежды. Да не в этом сила. Уж очень Василию Степанычу до слез обидным показалось отношение.

Он говорит швейцару:

– Что, – говорит, – косишься? Костюмчик не по вкусу? К манишечкам, небось, привыкши?

А швейцар Василия Степаныча цоп за локоть и не пущает.

Василий Степаныч в сторону.

– Ах так! – кричит. – Рабочего человека в ресторан не пущать? Костюм неинтересный?

Тут публика, конечно, собралась. Смотрит. Василий Степаныч кричит:

– Да, – говорит, – действительно, граждане, манишечки у меня нету, и галстуки, – говорит, – не болтаются... И, может быть, – говорит, – я шею три месяца не мыл. Но, – говорит, – я, может, на производстве прею и потею. И, может, некогда мне костюмчики взад и вперед переодевать.

Тут пищевики наседать стали на Василия Степаныча. Под руки выводят. Швейцар,

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
собака, прямо коленкой поднажимает, чтобы в дверях без задержки было.

Василий Степаныч Конопатов прямо в бешенство пришел. Прямо рыдает человек.

– Товарищи, – говорит, – молочные братья! Да что ж это происходит в рабоче-крестьянском строительстве? Без манишечки, – говорит, – человеку пожать не позволяют.

Тут поднялась катавасия. Потому народ видит – идеология нарушена. Стали пищевиков оттеснять в сторону. Кто бутылкой машет, кто стулом...

Хозяин кричит в три горла, – дескать, теперь ведь заведение закрыть могут за допущение разврата.

Тут кто-то с оркестра за милицией сбегал.

Является милиция. Берет родного голубчика, Василия Степаныча Конопатова, и сажает его на извозчика.

Василий Степаныч и тут не утих.

– Братцы, – кричит, – да что ж это? Уж, – говорит, – раз милиция держит руку хозяйчика и за костюм человека выпирает, то, – говорит, – лучше мне к буржуям в Америку плыть, чем, – говорит, – такое действие выносить.

И привезли Васю Конопатова в милицию, и сунули в каталажку.

Всю ночь родной голубчик, Вася Конопатов, глаз не смыкал. Под утро только всхрапнул часочек. А утром его будят и ведут к начальнику.

Начальник говорит:

– Идите, – говорит, – товарищ, домой и остерегайтесь подобные факты делать.

Вася говорит:

– Личность оскорбили, а теперь – идите... Рабочий, – говорит, – костюмчик не по вкусу? Я, – говорит, – может, сейчас сяду и поеду в Малый Совнарком жаловаться на ваши действия.

Начальник милиции говорит:

– Брось, товарищ, трепаться. Пьяных, – говорит, – у нас правило – в ресторан не допускать. А ты, – говорит, – даже на лестнице наблевал.

– Как это? – спрашивает Конопатов. – Значит, меня не за костюм выперли?

Тут будто что осенило Василия Степаныча.

– А я, – говорит, – думал, что за костюмчик. А раз, – говорит, – по пьяной лавочке, то это я действительно понимаю. Сочувствую этому. Не спорю.

Пожал Вася Конопатов ручку начальнику, извинился за причиненное беспокойство и отбыл.

1926

Тормоз Вестингауза

Главная причина, что Володька Боков маленько окосевши был. Иначе, конечно, не пошел бы он на такое преступление. Он выпивши был.

Если хотите знать, Володька Боков перед самым поездом скляночку эриванской выпил да пивком добавил. А насчет еды – он съел охотничью сосиску. Разве ж это еда? Ну, и развезло парнишку. Потому состав сильно едкий получается. И башку от этого крутит, и в груди всякие идеи назревают, и поколбаситься перед уважаемой публикой охота.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Вот Володя сел в поезд и начал маленько проявлять себя. Дескать, он это такой человек, что все ему можно.

И даже народный суд, в случае ежели чего, завсегда за него заступится. Потому у него, – пущай публика знает, – происхождение очень отличное. И родной дед его был коровьим пастухом, и мамаша его была наипростая баба...

И вот мелет Володька языком, – струя на него такая нашла, – погордиться захотел. А тут какой-то напротив Володьки гражданин обнаруживается. Вата у него в ухе, и одет чисто, не без комфорта. И говорит он:

– А ты, – говорит, – потреплись еще, так тебя и заметут на первом полустанке.

Володька говорит:

– Ты мое самосознание не задевай. Не могут меня замести в силу происхождения. Пущай я чего хочешь сделаю – во всем мне будет льгота.

Ну, струя на него такая напала. Пьяный же.

А публика начала выражать свое недовольство по этому поводу. А которые наиболее ядовитые, те подначивать начали. А какой-то в синем картузе, подлая его душа, говорит:

– А ты, – говорит, – милый, стукани вот вдребезги по окну, а мы, – говорит, – пущай посмотрим, – заметут тебя, или тебе ничего не будет. Или, – говорит, – еще того чище, – стекла ты не тронь, а останови поезд за эту ручку... Это тормоз...

Володька говорит:

– За какую за эту ручку? Ты, – говорит, – паразит, точнее выразишься.

Который в синем картузе отвечает:

– Да вот за эту. Это тормоз Вестингауза. Дергани его слева в эту сторону.

Публика и гражданин, у которого вата в ухе, начали, конечно, останавливать поднатчика. Дескать, довольно стыдно трезвые идеи внушать окосевшему человеку.

А Володька Боков встал и слева как дерганет ручку.

Тут все и онемели сразу. Молчание сразу среди пассажиров наступило. Только слышно, как колесья чукают. И ничего больше. Который в синем картузе, тот ахнул.

– Ах, – говорит, – холера, остановил ведь...

Тут многие с места повскакали. Который в синем картузе – на площадку пытался выйти от греха. Пассажиры не пустили.

У которого вата в ухе, тот говорит:

– Это хулиганство. Сейчас ведь поезд остановится... Транспорт от этого изнашивается. Задержка, кроме того.

Володька Боков сам испугался малость.

– Держите, – говорит, – этого, который в синем картузе. Пущай вместе сядем. Он меня подначил.

А поезд между тем враз не остановился.

Публика говорит:

– Враз и не может поезд останавливаться. Хотя и дачный поезд, а ему после тормоза разбег полагается – двадцать пять саженой. А по мокрым рельсам и того больше.

А поезд между тем идет и идет себе.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Версту проехали – незаметно остановки.

У которого вата в ухе – говорит:

– Тормоз-то, – говорит, – кажись, тово... неисправный.

Володька говорит:

– Я ж и говорю: ни хрена мне не будет. Выкусили?

И сел. А на остановке вышел на площадку, освежился малость и домой прибыл трезвый, что стеклышко.

1926

Медик

Нынче, граждане, в народных судах все больше медиков судят. Один, видите ли, операцию погаными руками произвел, другой – с носа очки обронил в кишки и найти не может, третий – ланцет потерял во внутренностях или же не то отрезал, чего следует, какой-нибудь неопытной дамочке.

Все это не по-европейски. Все это круглое невежество. И судить таких врачей надо.

Но вот за что, товарищи, судить будут медика Егорыча? Конечно, высшего образования у него нету. Но и вины особой нету.

А заболел тут один мужичок. Фамилия – Рябов, профессия – ломовой извозчик. Лет от роду – тридцать семь. Беспартийный.

Мужик хороший – слов нету. Хотя и беспартийный, но в союзе состоит и ставку по третьему разряду получает.

Ну, заболел. Слег. Подумаешь, беда какая. Пухнет, видите ли, у него живот и дышать трудно. Ну, потерпи! Ну, бутылку с горячей водой приложил к брюху – так нет. Испугался очень. Задрожал. И велит бабе своей, не жалеючи никаких денег, пригласить наилучшего знаменитого врача. А баба что? Баба всплакнула насчет денег, но спорить с больным не стала. Пригласила врача.

Является этакий долговязый медик с высшим образованием. Фамилия Воробейчик. Беспартийный.

Ну, осмотрел он живот. Пощупал чего следует и говорит:

– Ерунда, – говорит. – Зря, – говорит, – знаменитых врачей понапрасну беспокоите. Маленько объелся мужик через меру. Пушай, – говорит, – клистир ставит и курей кушает.

Сказал и ушел. Счастливо оставаться.

А мужик загрустил.

«Эх, – думает, – так его за ногу! Какие дамские рецепты ставит. Отец, – думает, – мой не знал легкие средства, и я знать не желаю. А курей пушай кушает международная буржуазия».

И вот погрузил мужик до вечера. А вечером велит бабе своей, не жалея никаких денег, пригласить знаменитого Егорыча с Малой Охты.

Баба, конечно, взгрустнула насчет денег, но спорить с больным не стала – поехала. Приглашает.

Тот, конечно, покобенился.

– Чего, – говорит, – я после знаменитых медиков туда и обратно ездить буду? Я человек без высшего образования, писать знаю плохо. Чего мне взад-вперед ездить?

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Ну, покобенился, выговорил себе всякие льготы: сколько хлебом и сколько деньгами – и поехал.

Приехали. Здравствуйте.

Щупать руками желудок не стал.

– Наружный, – говорит, – желудок тут ни при чем. Все, – говорит, – дело во внутреннем. А внутренний щупай – болезнь от того не ослабнет. Только разбередить можно.

Расспросил он только, что первый медик прописал и какие рецепты поставил, горько про себя усмехнулся и велит больному писать записку – дескать, я здоров, и папаша покойный здоров, во имя Отца и Святого Духа.

И эту записку велит проглотить.

Выслушал мужик, намотал на ус.

«Ох, – думает, – так его за ногу! Ученье свет – неученье тьма. Говорило государство: учись – не учился. А как бы пригодилась теперь наука».

Покачал мужик бороденкой и говорит через зубы:

– Нету, – говорит, – не могу писать. Не обучен. Знаю только фамилие подписывать. Может, хватит.

– Нету, – отвечает Егорыч, нахмурившись и теребя усишки. – Нету. Одно фамилие не хватит. фамилие, – говорит, – подписывать от грыжи хорошо, а от внутренней полная записка нужна.

– Чего же, – спрашивает мужик, – делать? Может, вы за меня напишете, потрудитесь?

– Я бы, – говорит Егорыч, – написал, да, – говорит, – очки на рояли забыл. Пущай кто-нибудь из родных и знакомых пишет.

Ладно. Позвали дворника Андрона.

А дворник даром что беспартийный, а спец: писать и подписывать может.

Пришел Андрон. Выговорил себе цену, попросил карандаш, сам сбегал за бумагой и стал писать.

Час или два писал, вспотел, но написал:

«Я здоров, и папаша покойный здоров, во имя Отца и Святого Духа.

Дворник дома № 6

Андрон».

Написал. Подал мужику. Мужик глотал, глотал – проглотил.

А Егорыч тем временем попрощался со всеми любезно и отбыл, заявив, что за исход он не ручается – не сам больной писал.

А мужик повеселел, покушал даже, но к ночи все-таки помер.

А перед смертью рвало его сильно, и в животе резало.

Ну, помер – рой землю, покупай гроб, – так нет. Пожалела баба денег – пошла в союз жаловаться: дескать, нельзя ли с Егорыча деньги вернуть.

Денег с Егорыча не вернули – не таковский, но дело всплыло.

Разрезали мужика. И бумажку нашли. Развернули, прочитали, ахнули: дескать, подпись не та, дескать, подпись Андропова – и дело в суд. И суду доложили:

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
подпись не та, бумажка обойная и размером для желудка велика – разбирайтесь!

А Егорыч заявил на следствии: «Я, братцы, ни при чем, не я писал, не я глотал и не я бумажку доставал. А что дворник Андрон подпись свою поставил, а не больного – недосмотрел я. Судите меня за недосмотр».

А Андрон доложил: «Я, – говорит, – два часа писал и запарился. И, запарившись, свою фамилию написал. Я, – говорит, – и есть убийца. Прошу снисхождения».

Теперь Егорыча с Андроном судить будут. Неужели же засудят?

1926

Четыре дня

Германская война и разные там окопчики – все это теперь, граждане, на нас сказывается. Все мы через это нездоровые и больные.

У кого нервы расшатаны, у кого брюхо как-нибудь сводит, у кого сердце не так аритмично бьется, как это хотелось бы. Все это результаты.

На свое здоровье, конечно, пожаловаться я не могу. Здоров. И жру ничего. И сон невредный. Однако каждую минуту остерегаюсь, что эти окопчики и на мне скажутся.

Тоже вот не очень давно встал я с постели. И надеваю, как сейчас помню, сапог. А супруга мне говорит:

– Что-то, – говорит, – ты, Ваня, сегодня с лица будто такой серый. Нездоровый, – говорит, – такой у тебя цвет бордо.

Поглядел я в зеркало. Действительно, – цвет лица отчаянный бордо, и морда кирпичика просит.

Вот-те, думаю, клюква! Сказываются окопчики. Может, у меня сердце или там еще какой-нибудь орган не так хорошо бьется. Оттого, может, я и серею.

Пощупал пульс – тихо, но работает. Однако какие-то боли изнутри пошли. И ноет что-то.

Грустный такой я оделся и, не покушав чаю, вышел на работу.

Вышел на работу. Думаю – ежели какой черт скажет мне насчет моего вида или цвета лица – схожу обязательно к доктору. Мало ли – живет, живет человек и вдруг хлоп – помирает. Сколько угодно.

Без пяти одиннадцать, как сейчас помню, подходит до меня старший мастер Житков и говорит:

– Иван Федорович, голубчик, да что с тобой? Вид, – говорит, – у тебя сегодня чересчур отчаянный. Нездоровый, – говорит, – у тебя, землистый вид.

Эти слова будто мне по сердцу полоснули. Пошатнулось, думаю, мать честная, здоровье. Допрыгался, думаю.

И снова стало ныть у меня внутри, мутить. Еле, знаете, до дому дополз. Хотел даже скорую помощь вызвать.

Дополз до дому. Свалился на постель. Лежу. Жена ревет, горюет. Соседи приходят, охают.

– Ну, – говорят, – и видик у тебя, Иван Федорович. Ничего не скажешь. Не личность, а форменное бордо.

Эти слова еще больше меня растрavляют. Лежу плоской и спать не могу.

Утром встаю разбитый, как сукин сын. И велю поскорей врача пригласить.

Приходит коммунальный врач и говорит: симуляция.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Чуть я за эти самые слова врача не побил.

– Я, – говорю, – покажу, какая симуляция. Я, – говорю, – сейчас, может быть, разорюсь на трояк и к самому профессору сяду и поеду.

Стал я собираться к профессору. Надел чистое белье. Стал бриться. Провел бритвой по щеке, мыло стер – гляжу – щека белая, здоровая, и румянец на ней играет.

Стал поскорей физию тряпочкой тереть – гляжу, начисто сходит серый цвет бордо.

Жена приходит, говорит:

– Да ты, небось, Ваня, неделю рожу не полоскал?

Я говорю:

– Неделю, этого быть не может, – тожехватила, дуракакая. Но, – говорю, – дня четыре, это, пожалуй, действительно верно.

А главное, на кухне у нас холодно и неуютно. Прямо мыться вот как неохота. А когда стали охать да ахать – тут уж и совсем, знаете ли, не до мытья. Только бы до кровати доползти.

Сию минуту помылся я, побрился, галстук прицепил и пошел свеженький, как огурчик, к своему приятелю.

И боли сразу будто ослабли. И сердце ничего себе бьется. И здоровье стало прямо выдающееся.

1926

Прискорбный случай

Как хотите, товарищи, а Николаю Ивановичу я очень сочувствую. Пострадал этот милый человек на все шесть гривен и ничего такого особенно выдающегося за эти деньги не видел.

Только что характер у него оказался мягкий и уступчивый. Другой бы на его месте все кино, может, разбросал и публику из залы выкурил. Потому шесть гривен ежедневно на полу не валяются. Понимать надо.

А в субботу голубчик наш, Николай Иванович, немножко, конечно, выпил. После полочки.

А был этот человек в высшей степени сознательный. Другой бы выпивший человек начал бузить и расстраиваться, а Николай Иванович чинно и благородно прошелся по проспекту. Спел что-то там такое. Вдруг глядит – перед ним кино.

«Дай, – думает, – все равно – зайду в кино. Человек, – думает, – я культурный, полуинтеллигентный, чего мне зря по панелям в пьяном виде трепаться и прохожих задевать? Дай, – думает, – я ленту в пьяном виде посмотрю. Никогда ничего подобного не видел».

Купил он за свои пречистые билет. И сел в переднем ряду. Сел в переднем ряду и чинно-благородно смотрит.

Только, может, посмотрел он на одну надпись, вдруг в Ригу поехал. Потому очень тепло в зале, публика дышит, и темнота на психику благоприятно действует.

Поехал в Ригу наш Николай Иванович, все чинно-благородно – никого не трогает, экран руками не хватает, лампочек не выкручивает, а сидит себе и тихонько в Ригу едет.

Вдруг стала трезвая публика выражать недовольствие по поводу, значит, Риги.

– Могли бы, – говорят, – товарищ, для этой цели в фойе пройтись, только, – говорят, – смотрящих драму отвлекаете на другие идеи.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Николай Иванович – человек культурный, сознательный – не стал, конечно, зря спорить и горячиться. А встал себе и пошел тихонько.

«Чего, – думает, – с трезвыми связываться? От них скандалу не оберешься».

Пошел он к выходу. Обращается в кассу.

– Только что, – говорит, – дамочка, куплен у вас билет, прошу вернуть назад деньги. Потому как не могу картину глядеть – меня в темноте развозит.

Кассирша говорит:

– Деньги мы назад выдавать не можем, ежели вас развозит – идите тихонько спать.

Поднялся тут шум и перебранка. Другой бы на месте Николая Ивановича за волосы бы выволок кассиршу из кассы и вернул бы свои пречистые. А Николай Иванович человек тихий и культурный, только, может, раз и пихнул кассиршу.

– Ты, – говорит, – пойми, зараза, не смотрел я еще на твою ленту. Отдай, говорят, мои пречистые.

И все так чинно-благородно, без скандалу, – просит вообще вернуть свои же деньги.

Тут заведующий прибегает.

– Мы, – говорит, – деньги назад не вертаем, раз, – говорит, – взято, будьте любезны досмотреть ленту.

Другой бы на месте Николая Ивановича плюнул бы в зава и пошел бы досматривать за свои пречистые. А Николай Ивановичу очень грустно стало насчет денег, начал он горячо объясняться и обратно в Ригу поехал.

Тут, конечно, схватили Николая Ивановича, как собаку, поволокли в милицию. До утра продержали. А утром взяли с него трешку штрафа и выпустили.

Очень мне теперь жалко Николая Ивановича. Такой, знаете, прискорбный случай: человек, можно сказать, и ленты не глядел, только что за билет подержался – и, пожалуйста, гоните за это мелкое удовольствие три шесть гривен. И за что, спрашивается, три шесть гривен?

1926

Кинодрама

Театр я не хаю. Но кино все-таки лучше. Оно выгодней театра. Раздеваться, например, не надо – гривенники от этого все время экономишь. Бриться опять же не обязательно – в потемках личности не видать.

В кино только в самую залу входить худо. Трудновато входить. Свободно могут затискать до смерти.

А так все остальное очень благородно. Легко смотрится.

В именины моей супруги поперли мы с ней кинодраму глядеть. Купили билеты. Начали ждать.

А народу многонько скопившись. И все у дверей мнутя.

Вдруг открывается дверь, и барышня говорит: «Валяйте».

В первую минуту началась небольшая давка. Потому каждому охота поинтересней место занять.

Ринулся народ к дверям. А в дверях образовавшись пробка.

Задние поднажимают, а передние никуда не могут. А меня вдруг стиснуло, как

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
севрюгу, и понесло вправо. «Батюшки, – думаю, – дверь бы не расшибить».

– Граждане, – кричу, – легче, за ради Бога. Дверь, – говорю, – человеком расколоть можно.

А тут такая струя образовавшись – прут без удержу. А сзади еще военный на меня некультурно нажимает. Прямо, сукин сын, сверлит в спину.

Я этого черта военного ногой лягаю.

– Оставьте, – говорю, – гражданин, свои арапские штучки.

Вдруг меня чуть приподняло и об дверь мордой.

Так, думаю, двери уж начали публикой крошить.

Хотел я от этих дверей отойти. Начал башкой дорогу пробивать. Не пускают. А тут, вижу, штанами за дверную ручку зацепился. Карманом.

– Граждане, – кричу, – да полегче же, караул! Человека за ручку зацепило.

Мне кричат:

– Отцепляйтесь, товарищ! Задние тоже хотят.

А как отцеплять, ежели волокет без удержу и вообще рукой не двинуть.

– Да стойте же, – кричу, – черти! Погодите штаны сымать-то. Дозвольте же прежде человеку с ручки сняться. Начисто материал рвется.

Разве слушают? Прут...

– Барышня, – говорю, – отвернитесь хоть вы-то, за ради Бога. Совершенно то есть из штанов вынимают против воли.

А барышня сама стоит посиневши и хрипит уже. И вообще смотреть не интересуется.

Вдруг, спасибо, опять легче понесло.

Либо с ручки, думаю, снялся, либо из штанов вынули.

А тут сразу пошире проход обнаружился.

Вдохнул я свободнее. Огляделся. Штаны, гляжу, тут. А одна штанина ручкой на две половинки разодрана и при ходьбе полощется парусом.

Вон, думаю, как зрителей раздевают.

Пошел в таком виде супругу искать. Гляжу, забили ее в самый то есть оркестр. Сидит там и выходить пугается.

Тут, спасибо, свет погасили. Начали ленту пущать.

А какая это была лента – прямо затрудняюсь сказать. Я все время штаны зашпиливал.

Одна булавка, спасибо, у супруги моей нашлась. Да еще какая-то добродушная дама четыре булавки со своего белья сняла. Еще веревочку я на полу нашел. Полсеанса искал.

Подвязал, подшпилил, а тут, спасибо, и драма кончилась. Пошли домой.

1926

Режим экономии

Как в других городах проходит режим экономии, я, товарищи, не знаю.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
А вот в городе Борисове этот режим очень выгодно обернулся.

За одну короткую зиму в одном только нашем учреждении семь сажен еловых дров сэкономлено. Худо ли!

Десять лет такой экономии – это десять кубов все-таки. А за сто лет очень свободно три барки сэкономить можно. Через тысячу лет вообще дровами торговать можно будет.

И об чем только народ раньше думал? Отчего такой выгодный режим раньше в обиход не вводил? Вот обидно-то! А начался у нас этот самый режим еще с осени.

Заведующий у нас – свой парень. Про все с нами советуется и говорит как с родными. Папироски даже, сукин сын, стреляет.

Так приходит как-то этот заведующий и объявляет:

– Ну вот, ребяташки, началось... Подтянитесь! Экономьте что-нибудь там такое...

А как и чего экономить – неизвестно. Стали мы разговаривать, чего экономить. Бухгалтеру, что ли, черту седому, не заплатить, или еще как.

Заведующий говорит:

– Бухгалтеру, ребяташки, не заплатишь, так он, черт седой, живо в охрану труда смотается. Этого нельзя будет. Надо еще что-нибудь придумать.

Тут, спасибо, наша уборщица Нюша женский вопрос на рассмотрение вносит.

– Раз, – говорит, – такое международное положение и вообще труба, то, – говорит, – можно, для примеру, уборную не отапливать. Чего там зря поленья перегонять? Не в гостинной!

– Верно, – говорим, – нехай уборная в холоде постоит. Сажен семь сэкономим, может быть. А что прохладно будет, так это отнюдь не худо. По морозцу-то публика задерживаться не будет. От этого даже производительность может актуально повыситься.

Так и сделали. Бросили топить – стали экономию подсчитывать.

Действительно, семь сажен сээкономили. Стали восьмую экономить, да тут весна ударила.

Вот обидно-то!

Если б, думаем, не чертова весна, еще бы полкуба сээкономили.

Подкузьмила, одним словом, нас весна. Ну, да и семь сажен, спасибо, на полу не валяются.

А что труба там какая-то от мороза оказалась лопнувши, так эта труба, выяснилось, еще при царском режиме была поставлена. Такие трубы вообще с корнем выдергивать надо.

Да оно до осени свободно без трубы обойдемся. А осенью какую-нибудь дешевенькую поставим. Не в гостинной!

1926

Бочка

Вот, братцы, и весна наступила. А там, глядишь, и лето скоро. А хорошо, товарищи, летом! Солнце пекет. Жарынь. А ты ходишь этаким чертом без валенок, в одних портках, и дышишь. Тут же где-нибудь птичечки порхают. Букашки куда-нибудь стремятся. Червячки чирикают. Хорошо, братцы, летом.

Хорошо, конечно, летом, да не совсем.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Года два назад работали мы по кооперации. Такая струя в нашей жизни подошла.
Пришлось у прилавка стоять. В двадцать втором году.

Так для кооперации, товарищи, нет, знаете, ничего гаже, когда жарынь. Продукт-то
ведь портится. Тухнет продукт, ай нет? Конечное дело, тухнет. А ежели он тухнет,
есть от этого убытки кооперации? Есть.

А тут, может, наряду с этим лозунг брошен – режим экономии. Ну, как это
совместить, дозвольте вас спросить?

Нельзя же, граждане, с таким полным эгоизмом подходить к явлениям природы и
радоваться и плясать, когда наступает тепло. Надо же, граждане, и об
общественной пользе позаботиться.

А помню, у нас в кооперативе спортилась капуста, стухла, извините за такое
некрасивое сравнение.

И мало того что от этого прямой у нас убыток кооперации, так тут еще накладной
расход. Увозить, оказывается, надо этот спорченный продукт. У тебя же, значит,
испортилось, ты же на это еще и денежки свои докладывай. Вот обидно!

А бочка у нас стухла громадная. Этакая бочища, пудов, может, на восемь. А ежели
на килограммы, так и счету нет. Вот какая бочища!

И такой от нее скучный душок пошел – гроб.

Заведующий наш, Иван Федорович, от этого духа прямо смысл жизни потерял. Ходит и
нюхает.

– Кажись, – говорит, – братцы, разит?

– Не токмо, – говорим, – Иван Федорович, разит, а прямо пахнет.

И запашок, действительно, надо сказать, острый был. Прохожий человек по нашей
стороне ходить даже остерегался. Потому с ног валило.

И надо бы эту бочечку поскорее увезти куда-нибудь к чертовой бабушке, да
заведующий, Иван Федорович, мнется. Все-таки денег ему жалко. Подводу надо
нанимать, пятое, десятое. И везти к черту на рога за весь город. Все-таки
заведующий и говорит:

– Хоть, – говорит, – и жалко, братцы, денег, и процент, – говорит, – у нас от
этого ослабнет, а придется увезти этот бочонок. Дух уж очень тяжелый.

А был у нас такой приказчик, Васька Веревкин. Так он и говорит:

– А на кой пес, товарищи, бочонок этот вывозить и тем самым народные
соки-денежки тратить и проценты себе слабить? Нехай выкатим этот бочонок во
двор. И подождем, что к утру будет.

Выперли мы бочку во двор. Наутро являемся – бочка чистая стоит. Сперли за ночь
капусту.

Очень мы, работники кооперации, от этого факта повеселели. Работа прямо в руках
кипит – такой подъем наблюдается. Заведующий наш, голубчик Иван Федорович, ходит
и ручки свои трет.

– Славно, – говорит, – товарищи, пушай теперь хоть весь товар тухнет, завсегда
так делать будем.

Вскоре стухла еще у нас одна бочечка. И кадушка с огурцами.

Обрадовались мы. Выкатили добро на двор и калиточку приоткрыли малость. Пушай,
дескать, повидней с улицы. И валяйте, граждане!

Только на этот раз мы проштрафилась. Не только у нас капусту уволокли, а и
бочку, черти, укатили. И кадушечку слямзили.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Ну, а в следующие разы спорченный продукт мы на рогожку вываливали. Так с рогожей и выносили.

1926

Пасхальный случай

Вот, братцы мои, и праздник на носу – Пасха православная.

Которые верующие, те, что бараны, потащат свои куличи святить. Пушай тащат! Я не потащу. Будет. Мне, братцы, в прошлую Пасху на кулич ногой наступили!

Главное, что я замешкался и опоздал к началу. Прихожу к церковной ограде, а столы уже заняты. Я прошу православных граждан потесниться, а они не хотят. Ругаются.

– Опоздал, – говорят, – черт такой, так и станови свой кулич на землю. Нечего тут тискаться и пихаться, – куличи посроняешь.

Ну, делать нечего, поставил свой кулич на землю. Которые опоздали, все наземь ставили.

И только поставил, звоны и перезвоны начались.

И вижу, сам батя с кисточкой прется.

Макнет кисточку в ведро и брызжет вокруг. Кому в рожу, кому в кулич – не разбирается.

А позади бати отец дьякон благородно выступает с блюдцем, собирает пожертвования.

– Не скупись, – говорит, – православная публика! Клади монету посередь блюдца.

Проходят они мимо меня, а отец дьякон зазевался на свое блюдо и – хлоп ножицей в мою тарелку.

У меня аж дух захватило.

– Ты что ж, – говорю, – длинногривый, на кулич-то наступаешь?... В пасхальную ночь...

– Извините, – говорит, – нечаянно.

Я говорю:

– Мне с твоего извинения не шубу шить. Пушай мне теперь полную стоимость заплатят. Клади, – говорю, – отец дьякон, деньги на кон!

Прервали шествие. Батя с кисточкой заявился.

– Это, – говорит, – кому тут на кулич наступили?

– Мне, – говорю, – наступили. Дьякон, – говорю, – сукин кот, наступил.

Батя говорит:

– Я, – говорит, – сейчас кулич этой кисточкой покроплю. Можно будет его кушать. Все-таки духовная особа наступила...

– Нету, – говорю, – батя. Хотя все ведерко на его выливай, не согласен. Прошу деньги обратно.

Ну, пря поднялась. Кто за меня, кто против меня. Звонарь Вавилыч с колокольни высовывается, спрашивает:

– Звонить, что ли, или пока перестать?

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Я говорю:

– Обожди, Вавилыч, звонить. А то под звон они меня тут совсем объегорят.

А поп ходит вокруг меня, что больной, и руками разводит.

А дьякон, длинногривый дьявол, прислонился к забору и щепочкой мой кулич с сапога счищает.

После выдают мне небольшую сумму с блюда и просят уйти, потому, дескать, мешаю им криками.

Ну, вышел я за ограду, покричал оттеда на отца дьякона, посрамил его, а после пошел.

А теперь куличи жру такие, несвяченные.

Вкус тот же, а неприятностей куда как меньше.

1926

Сильное средство

Говорят, против алкоголя наилучше действует искусство. Театр, например. Карусель. Или какая-нибудь студия с музыкой.

Все это, говорят, отвлекает человека от выпивки с закуской.

И действительно, граждане, взять для примера хотя бы нашего слесаря Петра Антоновича Коленкова. Человек пропал буквально и персонально. И вообще жил, как последняя курица.

По будням после работы ел и жрал. А по праздникам и по воскресным дням напивался Петр Антонович до крайности. Беспредельно напивался.

И в пьяном виде дрался, вола вертел и вообще пьяные эксцессы устраивал. И домой лежа возвращался.

И уж, конечно, за всю неделю никакой культработы не нес этот Петр Антонович. Разве что в субботу в баньку ходит, пополощется. Вот вам и вся культработа.

Родные Петра Антоновича от такого поведения сильно расстраивались. Стращали даже.

– Петр, – говорят, – Антонович. Человек вы квалифицированный, не первой свежести, ну, мало ли в пьяном виде трюхнетесь об тумбу – разобьетесь же. Пейте несколько полегче. Сделайте такое семейное одолжение.

Не слушает. Пьет по-прежнему и веселится.

Наконец нашелся один добродушный человек с месткома. Он, знаете ли, прямо так и сказал Петру Антоновичу:

– Петр, – говорит, – Антонович, отвлекайтесь, я вам говорю, от алкоголя. Ну, – говорит, – попробуйте вместо того в театр ходить по воскресным дням. Прошу вас честью и билет вам дарма предлагаю.

Петр Антонович говорит:

– Ежели, – говорит, – дарма, то попробовать можно, отчего же. От этого, – говорит, – не разорюсь, ежели то есть дарма.

Упросил, одним словом.

Пошел Петр Антонович в театр. Понравилось. До того понравилось – уходить не хотел. Театр уже, знаете, окончился, а он, голубчик, все сидит и сидит.

– Куда же, – говорит, – я теперича пойду, на ночь глядя? Небось, – говорит, –

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
все портерные закрыты уж. Ишь, – говорит, – дьяволы, в какое предприятие
втавили!

Однако поломался-поломался и пошел домой. И трезвый, знаете ли, пошел. То есть
ни в одном глазу.

На другое воскресенье опять пошел. На третье – сам в местком за билетом сбегал.

И что вы думаете? Увлекся человек театром. То есть первым театралом в районе
стал. Как завидит театральную афишу – дрожит весь. Пить бросил по воскресеньям.
По субботам стал пить. А баню перенес на четверг.

А последнюю субботу, находясь под мухой, разбился Петр Антонович об тумбу и в
воскресенье в театр не пошел. Это был единственный раз за весь сезон, когда Петр
Антонович пропустил спектакль. К следующему воскресенью, небось, поправится и
пойдет. Потому – захватило человека искусство. Понесло...

1926

Бешенство

Натерпелись мы вчера страху. То есть форменный испуг на себе испытали.

Может, член правления Лапушкин до сих пор сидит у себя на квартире, трясется. А
он зря не станет трястись. Я его знаю.

А главное, все эти дни были, сами знаете, какие жаркие. Не только, скажем,
крупное животное, – клоп и то может по такой жаре взбеситься, если, конечно, его
на солнцепеке подержать.

А тут еще в газетах сообщают: по двадцать шесть животных ежедневно бесятся.

Тут действительно сдрейфишь.

А мы, для примеру, у ворот стояли. Разговаривали.

Стоим у ворот, разговариваем насчет бешенства и вдруг видим – по нашей стороне,
задрал хвост, собака дует.

Конечно, она довольно спокойно бежит. По виду нипочем не скажешь, что она
бешеная. Хвостик у ней торчит, и слюны пока не видать. Только что рот у ней
подозрительно закрыт и глаза открыты.

В таком виде и бежит.

Добегла она до члена правления. Член правления, конечно, ее палкой.

Ляпнул ее по башке палкой. Видим – собака форменно бешеная. Хвост у ней после
удара обмяк, книзу висит. И вообще начала она на нас кидаться. Хотя слюны пока
не показывает.

Начала она кидаться, а дворник Володин не растерялся, вооружился камушком и
тяпнул ее по башке.

Тяпнул ее по башке. Глядим – все признаки налицо. Рот раскрыт. Слюна вышибает.
Хвост колбасой. И вообще накидывается.

Член правления кричит:

– Спасайся, робя! Бешеная...

Бросились мы кто куда. А дворник Володин в свисток начал свистеть.

Тут кругом на улице рев поднялся. Крики. Суматоха.

Тут постовой бежит. Револьверы вынимает.

– Где тут, – кричит, – ребяташки, бешеная собака? Сейчас мы ее уконтропим!

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Поднялась тут стрельба. Член правления из окон своей квартиры командует, куда стрелять и куда проходим бежать.

Вскоре, конечно, застрелили собачку.

Только ее застрелили, вдруг хозяин ее бежит. Он в подвале сидел, спасался от выстрелов.

– Да что вы, – говорит, – черти, нормальных собак кончаете? Совершенно, – говорит, – нормальную собаку уконтрапутили.

– Брось, – говорим, – братишка! Какая нормальная, если она кидается.

А он говорит:

– Трех нормальных собак у меня в короткое время прикончили. Это же, – говорит, – прямо немисливо! Нет ли, – говорит, – в таком случае свободной квартирки в вашем доме?

– Нету, – говорим, – дядя.

А он взял свою Жучку на плечи и пошел. Вот чудак-то!

1926

Дамское горе

Перед самыми праздниками зашел я в сливочную – купить себе четвертку масла – разговестись.

Гляжу, в магазине народищу уйма. Прямо не протолкнуться.

Стал я в очередь. Терпеливо жду. Кругом – домашние хозяйки шумят и норовят без очереди протиснуться. Все время приходится одергивать.

И вдруг входит в магазин быстрым шагом какая-то дамочка. Нестарая еще, в небольшой черной шляпке. На шляпке – креп полощется. Вообще, видно, в трауре.

И протискивается эта дамочка к прилавку. И что-то такое говорит приказчику. За шумом не слышать.

Приказчик говорит:

– Да я не знаю, гражданка. Одним словом, как другие – дозвоят, так мое дело пятое.

– А чего такое? – спрашивают в очереди. – Об чем речь?

– Да вот, – говорит приказчик, – у них то есть семейный случай. Ихний супруг застрелившись... Так они просят отпустить им фунт сметаны и два десятка яиц без очереди.

– Конечно дело, отпустить. Обязательно отпустить. Чего там! – заговорили все сразу. – Пуцай идет без очереди.

И все с любопытством стали рассматривать эту гражданку.

Она оправила креп на шляпке и вздохнула.

– Скажите, какое горе! – сказал приказчик, отвешивая сметану. – И с чего бы это, мадам, извиняюсь?

– Меланхолик он у меня был, – сказала гражданка.

– И давно-с? Позвольте вас так спросить.

– Да вот на прошлой неделе сорок дней было.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Скажите, какие несчастные случаи происходят! – снова сказал приказчик. – И разрешите узнать, с револьверу это они, это самое, значит, или с чего другого?

– Из револьверу, – сказала гражданка. – Главное, все на моих глазах произошло. Я сижу в соседней комнате. Хочу, не помню, что-то такое сделать, и вообще ничегошеньки не предполагаю, вдруг ужасный звук происходит. Выстрел, одним словом. Бегу туда – дым, в ушах звон... И все на моих глазах.

– М-да, – сказал кто-то в очереди, – бывает...

– Может быть, и бывает, – ответила гражданка с некоторой обидой в голосе, – но так, чтобы на глазах, это, знаете, действительно...

– Какие ужасные ужасы! – сказал приказчик.

– Вот вы говорите – бывает, – продолжала гражданка. – Действительно, бывает, я не отрицаю. Вот у моих знакомых племянник застрелился. Но там, знаете, ушел человек из дому, пропал вообще... А тут все на глазах...

Приказчик завернул сметану и яйца в пакет и подал гражданке с особой любезностью.

Дама печально кивнула головой и пошла к выходу.

– Ну, хорошо, – сказала какая-то фигура в очереди. – Ну, ихний супруг застрелившись. А почему такая спешка и яйца без очереди? Неправильно!

Дама презрительно оглянулась на фигуру и вышла.

1926

Чудный отдых

Человеку обязательно отдохнуть надо. Человек все-таки не курица. Курица – та может, действительно, в отпусках не нуждаться. А человеку без отпуска немисливо.

А я, например, сорок лет не отдыхал. Как с двухлетнего возраста зарядил, так и пошла работа без отдыха и сроку.

А что касается воскресений или праздничных дней, то какой же это отдых? Сами понимаете: то маленько выпьешь, то гости припрутся, то ножку к дивану приклеить надо. Мало ли делов на свете у среднего человека! Жена тоже вот иной раз начнет претензии выражать. Какой тут отдых?

А в это лето очень отдыхать потянуло. Главная причина – все вокруг отдыхают. Ванюшка Егоров, например, в Крым ездил. Вернулся черный как черт. И в весе сильно прибавился... Петруха Яичкин опять же на Кавказе отдыхал. Миша Бочков в свою деревню смотался. Две недели отлично прожил. Побили его даже там за что-то такое. Вернулся назад – не узнать. Карточку во как раздуло на правую сторону.

Вообще все, вижу, отдыхают, и все поправляются, один я не отдыхаю.

Вот и поехал этим летом. «Не курица, – думаю. – В Крым, – думаю, – неохота ехать. На всякие, – думаю, – трусики разоришься. Поеду куда поближе».

Поехал. В дом отдыха.

Очень все оказалось отлично и симпатично. И отношение внимательное. И пища жирная.

И сразу, как приехал, на весах взвешали. По новой метрической системе. И грудь мерили. И рост.

– Поправляйтесь, – говорят.

– Да уж, – говорю, – маленько бы в весе хотелось бы прибавиться. Рост-то, – говорю, – пес с ним. Пушай прежний рост. А маленько потяжелеть не мешает. Не

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
курица, – говорю, – гражданин фельдшер.

Фельдшер говорит:

– Вес – это можно. Нам весу не жалко. Валяйте!

Начал отдыхать. И сразу, знаете, обнаружилась очень необычная скука. Нечего делать – прямо беда! И пища жирная, и уход внимательный, и на весах вешают, а скука между тем сильная.

Утром, например, встал, рожу всполоснул, пошамал и лежи на боку. А лежать неохота – сиди. Сидеть неохота – ходи. А к чему, скажите, ходить без толку? Нехота ходить без толку. Привычки такой за сорок лет не выработалось.

Один день походил – хотел назад ехать. Да, спасибо, своих же отдыхающих ребят в саду встретил.

Сидят они на лужку и в картишки играют.

– В козла, что ли? – спрашиваю.

– Так точно, – говорят, – в козла. Но, – говорят, – можно и в «очко» перейти. На интерес. Присаживайтесь, уважаемый товарищ! Мы с утра дуемся...

Присел, конечно.

Сыграли до ужина. Там маленько после ужина. Там утречком пораньше. А там и пошло у нас каждый день. Глядишь – и дней не видно. Не только, скажем, скука, а рожу помыть или кофейку выпить некогда.

Две недельки прошли, как сладкий сон. Отдохнул, можно сказать, за все сорок лет и душой и телом.

А что вес маленько убавился, то вес – дело наживное. Вес и на производстве нагулять можно. А рост, спасибо, остался прежний. Чуть маленько только убавился. Фельдшер говорит – от сидячей жизни.

1926

Телефон

Я, граждане, надо сказать, недавно телефон себе поставил. Потому по нынешним торопливым временам без телефона как без рук.

Мало ли – поговорить по телефону или, например, позвонить куда-нибудь.

Оно, конечно, звонить некуда – это действительно верно. Но, с другой стороны, рассуждая материально, сейчас не девятнадцатый год. Это понимать надо.

Это в девятнадцатом году не то что без телефона обходились – не жавши сидели, и то ничего.

А, скажем, теперь – за пять целковых аппараты тебе вешают. Господи твоя воля!

Хочешь – говори по нем, не хочешь – как хочешь. Никто на тебя не в обиде. Только плати денежки.

Оно, конечно, соседи с непривычки обижались.

– Может, – говорят, – оно и ночью звонить будет, так уж это вы – ах, оставьте.

Но только оно не то что ночью, а и днем, знаете, не звонит. Оно, конечно, всем окружающим я дал номера с просьбой позвонить. Но, между прочим, все оказались беспартийные товарищи и к телефону мало прикасаются.

Однако все-таки за аппарат денежки не даром плачены. Пришлось-таки недавно позвонить по очень важному и слишком серьезному делу.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
Воскресенье было.

И сижу я, знаете, у стены. Смотрю, как это оно оригинально висит. Вдруг как оно зазвонит. То не звонило, не звонило, а тут как прорвет. Я, действительно, даже испугался.

«Господи, – думаю, – звону-то сколько за те же деньги!» Снимаю осторожно трубку за свои любезные.

– Алло, – говорю, – откуда это мне звонят?

– Это, – говорят, – звонят вам по телефону.

– А что, – говорю, – такое стряслось и кто, извиняюсь, будет у аппарата?

– Это, – отвечают, – у аппарата будет одно знакомое вам лицо. Приходите, – говорят, – по срочному делу в пивную на угол Посадской.

«Видали, – думаю, – какие удобства! А не будь аппарата – что бы это лицо делало? Пришлось бы этому лицу на трамвае трястись».

– Алло, – говорю, – а что это за такое лицо и какое дело?

Однако в аппарат молчат и на это не отвечают.

«В пивной, – думаю, – конечно, выяснится».

Поскорее сию минуту одеваюсь. Бегу вниз.

Прибегаю в пивную.

Народу, даром что днем, много. И все незнакомые.

– Граждане, – говорю, – кто мне сейчас звонил и по какому, будьте любезны, делу?

Однако посетители молчат и не отвечают.

«Ах, какая, – думаю, – досада. То звонили, звонили, а то нет никого».

Сажусь к столику. Прошу подать пару.

«Посижу, – думаю, – может, и придет кто-нибудь. Странные, – думаю, – какие шутки».

Выпиваю пару, закусываю и иду домой.

Иду домой.

А дома то есть полный кавардак. Обокраден. Нету синего костюма и двух простынь.

Подхожу к аппарату. Звоню срочно.

– Алло, – говорю, – барышня, дайте в ударном порядке уголовный розыск. Обокраден, – говорю, – вчистую. Специально отозвали в пивную для этой цели. По телефону.

Барышня говорит:

– Будьте любезны – занято.

Звоню позже. Барышня говорит:

– Кнопка не работает, будьте любезны.

Одеваюсь. Бегу, конечно, вниз. И на трамвае в уголовный розыск.

Подаю заявление.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
Там говорят:

– Расследуем.

Я говорю:

– Расследуйте и позвоните.

Они говорят:

– Нам, – говорят, – звонить как раз некогда. Мы, – говорят, – и без звонков расследуем, уважаемый товарищ.

Чем все это кончится – не знаю. Больше никто мне не звонил. А аппарат висит.

1926

Часы

Главное – Василий Конопатов с барышней ехал. Поехал бы он один – все обошлось бы славным образом. А тут черт дернул Васю с барышней на трамвае выехать.

И, главное, как сложилось все дефективно! Например, Вася и привычки никогда не имел по трамваям ездить. Всегда пешком перся. То есть случая не было, чтоб парень в трамвай влез и добровольно гривенник кондуктору отдал.

А тут нате вам – манеры показал. Мол, не угодно ли вам, дорогая барышня, в трамвае покатаваться? К чему, дескать, туфлями лужи черпать?

Скажи на милость, какие великосветские манеры!

Так вот, влез Вася Конопатов в трамвай и даму за собой впер. И мало того, что впер, а еще и заплатил за нее без особого скандалу.

Ну, заплатил – и заплатил. Ничего в этом нет особенного. Стой, подлая душа, на месте, не задавайся. Так нет, начал, дьявол, для фасона за кожаные штуки хвататься. За верхние держатели. Ну и дохватался.

Были у парня небольшие часы – сперли.

И только сейчас тут были. А тут вдруг хватился, хотел перед дамой пыль пустить – часов и нету. Заголосил, конечно.

– Да что ж это, – говорит. – Раз в жизни в трамвай вопрешься, и то трогают.

Тут в трамвае началась, конечно, неразбериха. Остановили вагон. Вася, конечно, сразу на даму свою подумал, не она ли вообще увела часы. Дама – в слезы.

– Я, – говорит, – привычки не имею за часы хвататься.

Тут публика стала наседать.

– Это, – говорит, – нахальство на барышню тень наводить.

Барышня отвечает сквозь слезы:

– Василий, – говорит, – Митрофанович, против вас я ничего не имею. Несчастье, – говорит, – каждого человека пригинает. Но, – говорит, – пойдете, прошу вас, в угрозыск. Пуцай там зафиксируют, что часы – пропажа. И, может, они, слава Богу, найдутся.

Василий Митрофанович отвечает:

– Угрозыск тут ни при чем. А что на вас я подумал – будьте любезны, извините. Несчастье, это действительно, человека пригинает.

Тут публика стала выражаться. Мол, как это можно? Если часы – пропажа, то обязательно люди в угрозыск ходят и заявляют.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Василий Митрофанович говорит:

– Да мне, – говорит, – граждане, прямо некогда и, одним словом, неохота в угрозыск идти. Особых делов, – говорит, – у меня там нету. Это, – говорит, – не обязательно идти.

Публика говорит:

– Обязательно. Как это можно, когда часы – пропажа. Идемте, мы свидетели.

Василий Митрофанович отвечает:

– Это насилие над личностью.

Однако все-таки пойти пришлось.

И что бы вы, милые мои, думали? Зашел парень в угрозыск, а оттуда не вышел. Так-таки вот и не вышел. Застрял там. Главное – пришел парень со свидетелями, объясняет. Ему говорят:

– Ладно, найдем. Заполните эту анкету. И объясните, какие часы.

Стал парень объяснять и заполнять – и запутался.

Стали его спрашивать, где он в девятнадцатом году был. Велели показать большой палец. Ну и конченное дело. Приказали остаться и не удивляться. А барышню отпустили.

И подумать, граждане, что творится? Человек в угрозыск не моги зайти. Замечают.

1926

Монтер

Я, братцы мои, зря спорить не буду, кто важней в театре – актер, режиссер или, может быть, театральный плотник. Факты покажут. Факты всегда сами за себя говорят.

Дело это произошло в Саратове или Симбирске, одним словом, где-то недалеко от Туркестана. В городском театре. Играли в этом городском театре оперу. Кроме выдающейся игры артистов, был в этом театре, между прочим, монтер – Иван Кузьмич Мякишев.

На общей группе, когда весь театр в двадцать третьем году снимали на карточку, монтера этого пихнули куда-то сбоку – мол, технический персонал. А в центр, на стул со спинкой, посадили тенора.

Монтер Иван Кузьмин Мякишев ничего на это не сказал, но в душе затаил некоторую грубость. Тем более что на карточку сняли его вдобавок мутно, не в фокусе.

А тут такое подошло. Сегодня, для примеру, играют: «Руслан и Людмила». Музыка Глинки. Дирижер – маэстро Кацман. А без четверти минут восемь являются до этого монтера две знакомые ему барышни. Или он их раньше пригласил, или они сами подошли – неизвестно. Так являются эти две знакомые барышни, отчаянно флиртуют и вообще просят их посадить в общую залу – посмотреть на спектакль. Монтер говорит:

– Да ради Бога, медам. Сейчас я вам пару билетов устрою. Посидите тут, у будки.

И сам, конечно, к управляющему.

Управляющий говорит:

– Сегодня выходной день. Народу пропасть. Каждый стул на учете. Не могу.

Монтер говорит:

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
– Ах так, – говорит. – Ну, так я играть отказываюсь. Отказываюсь, одним словом, освещать ваше производство. Играйте без меня. Посмотрим тогда, кто из нас важнее и кого сбоку сымать, а кого в центр сажать.

И сам обратно в будку. Выключил по всему театру свет, замкнул на все ключи будку и сидит – флиртует со своими знакомыми девицами.

Тут произошла, конечно, форменная неразбериха. Управляющий бегаёт. Публика орёт. Кассир визжит, пугается, как бы у него деньги в потемках не взяли. А бродяга, главный оперный тенор, привыкший всегда сыматься в центре, заявляется до дирекции и говорит своим тенором:

– Я в темноте петь тенором отказываюсь. Раз, – говорит, – темно – я уйду. Мне, – говорит, – голос себе дороже. Пуцай ваш монтер поет.

Монтер говорит:

– Пуцай не поет. Наплевать на него. Раз он в центре сымается, то и пуцай одной рукой поет, другой свет зажигает. Думает – тенор, так ему и свети все время. Теноров нынче нету!

Тут, конечно, монтер схлестнулся с тенором.

Вдруг управляющий является, говорит:

– Где эти чертовы две девицы? Через них наблюдается полная гибель. Сейчас я их куда-нибудь посажу, леший их забодай!

Монтер говорит:

– Вот они, чертовы девицы! Только не через их гибель, а гибель через меня. Сейчас, – говорит, – я свет дам. Мне энергии принципиально не жалко.

Дал он сию минуту свет.

– Начинайте, – говорит.

Сажают тогда его девиц на выдающиеся места и начинают спектакль.

Теперь и разбирайтесь сами, кто важнее в этом сложном театральном механизме.

Конечно, если без горячности разбираться, то тенор тоже для театра – крупная ценность. Иная опера не сможет даже без него пойти. Но и без монтера нет жизни на театральных подмостках.

Так что они оба-два представляют собой одинаковую ценность. И нечего тут задаваться: дескать, я – тенор. Нечего избегать дружеских отношений. И сымать на карточку мутно, не в фокусе!

1927

Прелести культуры

Я всегда симпатизировал центральным убеждениям.

Даже вот когда в эпоху военного коммунизма нэп вводили, я не протестовал. Нэп так нэп. Вам видней.

Но, между прочим, при введении нэпа сердце у меня отчаянно сжималось. Я как бы предчувствовал некоторые резкие перемены.

И, действительно, при военном коммунизме куда как было свободно в отношении культуры и цивилизации. Скажем, в театре можно было свободно даже не раздеваться – сиди, в чем пришел. Это было достижение.

А вопрос культуры – это собачий вопрос. Хотя бы насчет того же раздевания в театре. Конечно, слов нету, без пальто публика выгодней отличается – красивей и элегантней. Но что хорошо в буржуазных странах, то у нас иногда выходит боком.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Товарищ Локтев и его дама Нюша Кошелькова на днях встретили меня на улице. Я гулял или, может быть, шел горло промочить – не помню.

Встречают и уговаривают:

– Горло, – говорят, – Василий Митрофанович, от вас не убежит. Горло завсегда при вас, завсегда его прополоскать успеете. Идемте лучше сегодня в театр. Спектакль – «Грелка».

И, одним словом, уговорили меня пойти в театр – провести культурно вечер.

Пришли мы, конечно, в театр. Взяли, конечно, билеты. Поднялись по лестнице. Вдруг назад кличут. Велят раздеваться.

– Пальта, – говорят, – сымайте.

Локтев, конечно, с дамой моментально скинули пальта. А я, конечно, стою в раздумье. Пальто у меня было в тот вечер прямо на ночную рубашку надето. Пиджака не было. И чувствую, братцы мои, сымать как-то неловко. «Прямо, – думаю, – срамота может произойти». Главное – рубаха нельзя сказать что грязная. Рубаха не особенно грязная. Но, конечно, грубая, ночная. Шинельная пуговица, конечно, на вороте пришита крупная. «Срамота, – думаю, – с такой крупной пуговицей в фойе идти».

Я говорю своим:

– Прямо, – говорю, – товарищи, не знаю, чего и делать. Я сегодня одет неважно. Неловко как-то мне пальто сымать. Все-таки подтяжки там и сорочка опять же грубая.

Товарищ Локтев говорит:

– Ну, покажись.

Расстегнулся я. Показываюсь.

– Да, – говорит, – действительно, видик...

Дама тоже, конечно, посмотрела и говорит:

– Я, – говорит, – лучше домой пойду. Я, – говорит, – не могу, чтоб кавалеры в одних рубахах рядом со мной ходили. Вы бы, – говорит, – еще подштанники поверх штанов пристегнули. Довольно, – говорит, – вам неловко в таком отвлеченном виде в театры ходить.

Я говорю:

– Я не знал, что я в театры иду, – дура какая. Я, может, пиджаки редко надеваю. Может, я их берегу, – что тогда?

Стали мы думать, что делать. Локтев, собака, говорит:

– Вот чего. Я, – говорит, – Василий Митрофанович, сейчас тебе свою жилетку дам. Надевай мою жилетку и ходи в ней, будто тебе все время в пиджаке жарко.

Расстегнул он свой пиджак, стал щупать и шарить внутри себя.

– Ой, – говорит, – мать честная, я, – говорит, – сам сегодня не при жилетке. Я, – говорит, – тебе лучше сейчас галстук дам, все-таки приличней. Привяжи на шею и ходи, будто бы тебе все время жарко.

Дама говорит:

– Лучше, – говорит, – я, ей-богу, домой пойду. Мне, – говорит, – дома как-то спокойней. А то, – говорит, – один кавалер чуть не в подштанниках, а у другого галстук вместо пиджака. Пуцай, – говорит, – Василий Митрофанович в пальто попросит пойти.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Просим и умоляем, показываем союзные книжки – не пуцают.

– Это, – говорят, – не девятнадцатый год – в пальто сидеть.

– Ну, – говорю, – ничего не пропишешь. Кажись, братцы, надо домой ползти.

Но как подумаю, что деньги заплачены, не могу идти – ноги не идут к выходу.

Локтев, собака, говорит:

– Вот чего. Ты, – говорит, – подтяжки отстегни, – пуцай их дама понесет вместо сумочки. А сам валяй как есть: будто у тебя это летняя рубашка «апаш» и тебе, одним словом, в ней все время жарко.

Дама говорит:

– Я подтяжки не понесу, как хотите. Я, – говорит, – не для того в театры хожу, чтоб мужские предметы в руках носить. Пуцай Василий Митрофанович сам несет или в карман себе сунет.

Раздеваю пальто. Стою в рубашке, как сукин сын. А холод довольно собачий. Дрожу и прямо зубами лязгаю. А кругом публика смотрит.

Дама отвечает:

– Скорей вы, подлец этакий, отстегивайте помочи. Народ же кругом ходит. Ой, ей-богу, лучше я домой сейчас пойду.

А мне скоро тоже не отстегнуть. Мне холодно. У меня, может, пальцы не слушаются – сразу отстегивать. Я упражнения руками делаю.

После приводим себя в порядок и садимся на места.

Первый акт проходит хорошо. Только что холодно. Я весь акт гимнастикой занимался.

Вдруг в антракте задние соседи скандал поднимают. Зовут администрацию. Объясняют насчет меня.

– Дамам, – говорят, – противно на ночные рубашки глядеть. Это, – говорят, – их шокирует. Кроме того, – говорят, – он все время вертится, как сукин сын.

Я говорю:

– Я верчусь от холода. Посидите-ка в одной рубахе. А я, – говорю, – братцы, и сам не рад. Что же сделать?

Волокуют меня, конечно, в контору. Записывают все как есть.

После отпускают.

– А теперь, – говорят, – придется вам трешку по суду отдать.

Вот гадость-то! Прямо не угадаешь, откуда неприятности...

1927

Любитель

Лично я, братцы мои, к врачам хожу очень редко. То есть в самых крайних, необходимых случаях. Ну, скажем, возвратный тиф или с лестницы ссыпался.

Тогда, действительно, обращаюсь за медицинской помощью. А так я не любитель лечиться. Природа, по-моему, сама органы регулирует. Ей видней.

Конечно, я иду не против медицины. Эта профессия, я бы сказал, тоже необходимая в общем механизме государственного строительства. Но особенно увлекаться

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
медициной, я скажу, нехорошо.

А таких любителей медицины как раз сейчас много.

Тоже вот мой приятель Сашка Егоров. Форменно залечился. А хороший был человек. Развитой, полунинтеллигентный, не дурак выпить. И вот пятый год лечится.

А сначала у него ничего такого особенного и не было. А просто был худощавый субъект. Ну, сами знаете – во время войны жрали худо, ну и обдергался человек. И начал лечиться.

Начал лечиться. Стал поправляться.

Поправляется и поправляется. И через два года до того его разнесло, что собственные дети начали пугаться его излишней полноты и выраженья глаз.

А выражение было обыкновенно какое – испуганное. Все-таки испугался человек, что его так разносит. Хотел было прекратить лечение, да видит: поздно. Видит: надо от ожиренья лечиться.

Начал лечиться от ожиренья.

Доктор говорит:

– Ожирение – главная причина вашей неподвижной жизни. Или наоборот. Побольше, – говорит, – ходите взад и вперед, может быть, от этого факта похудеете.

Начал ходить мой приятель. Ходит и ходит, как сукин сын. Целый день ходит, а к вечеру до того у него аппетит разыгрывается – удержу нету. И сон такой отличный стал – прямо беда. Одним словом, опять прибавил человек за короткое время больше пуда. И стал теперь весить пудов девять.

Врач говорит:

– Нету, – говорит, – вам ходить вредно. Остановитесь. Вам, наверное, ездить нужно. Поезжайте на курорт.

Теперь мой приятель собирается поехать на курорт. Или в Ессентуки, или в Боржом. Я не знаю. Одним словом, рассчитывает, что польза будет.

Я, со своей стороны, тоже рассчитываю, что курорт принесет ему пользу. Постоит человек за железнодорожным билетом ночки две, потреплется за справками да за получением денег – и спустит как миленький пуда два, если не больше.

Да оно и понятно. Тут будет, можно сказать, непосредственное воздействие природы на человеческий организм.

1927

Мелкота

Хочется сегодня размахнуться на что-нибудь героическое. На какой-нибудь этакий грандиозный, обширный характер со многими передовыми взглядами и настроениями. А то все мелочь да мелкота – прямо противно.

Или, может, не поперло нам в жизни, только так и не удалось нам встретиться близко с каким-нибудь таким героическим товарищем. Все больше настоящая мелкота под ногами путалась.

А скучаю я, братцы, по настоящему герою! Вот бы мне встретить такого!

Одного я, впрочем, встретил недавно. И даже нацелился на него – хотел героем в повесть включить. А он, собака, в самую последнюю минуту до того свернул с героической линии, что и писать о нем в пышном стиле прямо нет охоты.

Конечно, обстоятельства сложились неаккуратно. Главная причина – заболел человек.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
А заболел он девятнадцатого декабря прошлого года. Простудился, видите ли. Сначала стал он легонько кашлять и сморкаться. Потом прошиб его цыганский пот. Потом началось трясение всего организма. И наконец слег человек прямо, скажем, без задних ног.

На второй день, как слег, закрылось у него почти все дыхание – ни охнуть, ни чихнуть. Начался отчаянный процесс в легких и замирание всего организма. И вообще приближение смерти.

Не желая расстраивать читателей, скажем заранее, что в дальнейшем человек все-таки поправился, не помер и вообще на днях приступил к исполнению служебных обязанностей. Но смерть близко к нему подходила.

Другой, менее передовой, товарищ очень бы от этого прискорбного факта расстроился. Но товарищ Барбарисов был настоящий герой. Бился на всех фронтах. И всегда при мирном строительстве всех срамил за мелкие мещанские интересы и за невзнос квартирной платы.

Товарищ Барбарисов не испугался какой-то мелкопомещанской смерти. Он только рукой махнул на своих рыдающих родственников – дескать, отойдите, черти, без вас тошно. Настроились тут со своими харями...

Но, между прочим, в самую последнюю минуту все-таки подкачал. Свернул со своей передовой программы.

А начал он произносить какие-то слова.

Обступили, конечно, родственники опять. Стали спрашивать, дескать, про что лепечете.

Барбарисов говорит:

– Венков не надо. Пушай лучше крышу у нас кровельным железом кроют. И, – говорит, – пушай попов на пушечный выстрел ко гробу не подпускают. Только, – говорит, – в крематорий меня везть не надо. Умоляю вас. Пожалуйста. Похороните обыкновенно.

Родственники начали успокаивать, дескать, об чем речь, – конечное дело, какой там крематорий.

Горько на это усмехнулся Барбарисов.

– Нет, – говорит, – боюсь, что в этом смысле товарищ Галкин может подкузьмить. Я ему в дружеской беседе сам про это не раз говорил и настаивал. Как бы теперь он, подлая личность, на этом не настоял. Не допускайте сжигать. Я, – говорит, – не привык еще к этому.

После этих слов начался кризис, легкий сон и освобождение организма от всякой дряни. И вообще стал поправляться человек.

Через неделю, когда Барбарисов, розовенький и свеженький, сидел в своей постели на подушке, зашел к нему с визитом товарищ Галкин. Очень о многом они говорили. Барбарисов очень извинялся за крематорий.

– Прямо, – говорит, – не знаю, только в последнюю минуту неохота было ехать в крематорий, оробел. В другой раз буду помирать – не затрудняйтесь выбором, – везите меня в крематорий.

Галкин говорит:

– Ежели лет десять протянете еще – повезем. А пока, – говорит, – об чем речь? Пока, – говорит, – еще у нас в Питере не возят. В проекте все.

Тут Барбарисов хлопнул себя по лбу.

– Действительно, – говорит, – как это у меня из башки выпало. Зря оробел. Извиняюсь.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Через пять дней Барбарисов поправился и про этот случай больше не вспоминал.

1927

Мещане

Этот случай окончательно может доконать человека.

Василия Тарасовича Растопыркина – Васю Растопыркина, этого чистого пролетария, беспартийного черт знает с какого года – выкинули с трамвайной площадки.

Больше того – мордой его трахнули об трамвайную медную полустойку. Он был ухватившись за нее двумя руками и головой и долго не отцеплялся. А его милиция и обер-стрелочник стягивали.

Стягивали его вниз по просьбе мещански настроенных пассажиров.

Конечно, слов нет, одет был Василий Тарасович не во фраке. Ему, знаете, нету времени фраки и манжетки на грудь надевать. Он, может, в пять часов шабашит и сразу домой прет. Он, может, маляр. Он, может, действительно, как собака грязный едет. Может, краски и другие предметы ему льются на костюм во время профессии. Может, он от этого морально устает и ходить пешком ему трудно.

И не может он, ввиду скромной зарплаты, автомобиль себе нанимать для разездов и приездов. Ему автомобили – не по карману. Ему бы на трамвае проехаться – и то хлеб. Ой, до чего дожили, до чего докатились!

А пошабашил Василий Тарасович в пять часов. В пять часов он пошабашил, взял, конечно, на плечи стремянку и ведрышко с остатней краской и пошел себе к дому. Пошел себе к дому и думает:

«Цельный день, – думает, – лазию по стремянкам и разноцветную краску на себя напущаю и не могу идтить пешком. Дай, – думает, – сяду на трамвай, как уставший пролетарий».

Тут, конечно, останавливается перед ним трамвай № 6. Василий Тарасович просит, конечно, одного пассажира подержать в руке ведрышко с остатней краской, а сам, конечно, становится на площадку стремянку.

Конечно, слов нет, стремянка не была сплошной чистоты – не блестела. И в ведрышко – раз в нем краска – нельзя свои польты окунать. И которая дама сунула туда руку – сама, дьявол ее задави, виновата. Не суй рук в чужие предметы!

Но это все так, с этим мы не спорим: может, Василий Тарасович действительно, верно, не по закону поступил, что со стремянкой ехал. Речь не об этом. Речь – о костюме. Нэпманы, сидящие в трамвае, решительно взбунтовались как раз именно насчет костюма.

– То есть, – говорят, – не можно к нему прикоснуться, совершенно, то есть отпечатки бывают.

Василий Тарасович резонно отвечает:

– Очень, – говорит, – то есть понятно, – раз масляная краска на олифе, то отпечатки завсегда случаются. Было бы, – говорит, – смертельно удивительно, если б без отпечатков.

Тут, конечно, одна нэпманша из кондукторов трезвонит, конечно, во все звонки, и вагон останавливается. Останавливает вагон и хамским голосом просит сойти Василия Тарасовича. Василий Тарасович говорит:

– Трамвай для публики или публика для трамвая – это же, – говорит, – понимать надо. А я, – говорит, – может, в пять часов шабашу. Может, я маляр?

Тут, конечно, происходит печальная сцена с милицией и обер-стрелочником. И кустаря-пролетария Василия Тарасовича Растопыркина сьмают, как сукина сына, с трамвайной площадки, мордой задевают об полустойку и выживают. Со стремянкой уж и в вагоне проехаться нельзя! До чего докатились!

1927

Гости

Конечно, об чем говорить! Гость нынче пошел ненормальный. Все время приходится за ним следить. И чтоб пальто свое надел. И чтоб лишнюю барашковую шапку не напялил.

Еду-то, конечно, пуцай берет. Но зачем же еду в салфетки заворачивать? Это прямо лишнее. За этим не последишь, так гости могут в две вечеринки все имущество вместе с кроватями и буфетами вывезти. Вон какие гости пошли!

У моих знакомых на этой почве небольшой инцидент развернулся на этих праздниках.

Приглашено было на Рождество человек пятнадцать самых разнообразных гостей. Были тут и дамы и не дамы. Пьющие и выпивающие.

Вечеринка была пышная. На одну только жратву истрачено было около семи рублей. Выпивка – на паях. По два с полтиной с носу. Дамы бесплатно. Хотя это, прямо сказать, глупо. Другая дама налижется до того, что любому мужчине может сто очков вперед дать. Но не будем входить в эти подробности и расстраивать свои нервы. Это уж дело хозяйское. Им видней.

А хозяев было трое. Супруги Зефиры и ихний старик – женин папа – Евдокимыч.

Его, может, специально пригласили на предмет посмотреть за гостями.

– Втроем-то, – говорят, – мы очень свободно за гостями доглядеть можем. Каждого гостя на учет возьмем.

Стали они глядеть.

Первым выбыл из строя Евдокимыч. Этот старикан, дай Бог ему здоровья и счастливой старости, в первые же пять минут нажрался до того, что «мама» сказать не мог.

Сидит, глазами играет и дамам мычит определенные вещи.

Сам хозяин Зефир очень от этой папиной выпивки расстроился и огорчился и сам начал ходить по квартире – следить, как и чего и чтоб ничего лишнего.

Но часам к двенадцати от полного огорчения и сам набрался до полного безобразия. И заснул на видном месте – в столовой на подоконнике.

Впоследствии обнаружилось, что ему надуло фотографическую карточку, и три недели он ходил с флюсом.

Гости, пожрав вволю, начали играть и веселиться. Начались жмурки, горелки и игра в щеточку.

Во время игры в щеточку открывается дверь, и входит мадам Зефирова, бледная как смерть, и говорит:

– Это, – говорит, – ну, чистое безобразие! Кто-то сейчас выкрутил в уборной электрическую лампочку в двадцать пять свечей. Это, – говорит, – прямо гостей в уборную нельзя допускать.

Начался шум и треволение. Папаша Евдокимыч, конечно, протрезвился вмиг, начал беспокоиться и за гостей хвататься.

Дамы, безусловно, визжат, не допускают себя лапать.

– Хватайтесь, – говорят, – за мужчин, в крайнем случае, а не за нас.

Мужчины говорят:

– Пуцай тогда произведут поголовный обыск.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Приняли меры. Закрыли двери. Начали устраивать обыск.

Гости самолично поочередно выворачивали свои карманы, и расстегивали гимнастерки и шаровары, и снимали сапоги. Но ничего такого предосудительного, кроме нескольких бутербродов и полбутылки мадеры, двух небольших рюмок и одного графина, обнаружено не было.

Хозяйка, мадам Зефирова, начала горячо извиняться, – дескать, погорячилась и кинула тень на такое избранное общество. И высказала предположение, что, может быть, кто и со стороны зашел в уборную и вывинтил лампу.

Однако момент был испорчен. Никто играть в щеточку не захотел больше, танцы под балалайку тоже расстроились, и гости начали тихонько расходиться.

А утром, когда хозяин продрал свои очи, все выяснилось окончательно.

Оказалось, что хозяин из боязни того, что некоторые зарвавшиеся гости могут слимонить лампочку, выкрутил ее и положил в боковой карман.

Там она и разбилась.

Хозяин, видимо, круто налег на нее, когда заснул на подоконнике.

1927

Душевная простота

Может, помните – негры к нам приезжали. В прошлом году. Негритянская негрооперетта.

Так эти негры очень даже довольны остались нашим гостеприимством. Очень хвалили нашу культуру и вообще все начинания.

Единственно были недовольны уличным движением.

– Прямо, – говорят, – ходить трудно: пихаются и на ноги наступают.

Но, конечно, эти самые негры избалованы европейской цивилизацией, и им, действительно, как бы сказать, с непривычки. А поживут год-два, обтешутся и сами будут шлепать по ногам. Факт.

А на ноги у нас, действительно, наступают. Ничего не скажешь. Есть грех.

Но только это происходит, пущай негры знают, по простоте душевной. Тут, я вам скажу, злого умысла нету. Наступил – и пошел дальше. Только и делов.

Вот давеча я сам наступил на ногу одному гражданину. Идет, представьте себе, гражданин по улице. Плечистый такой, здоровый парень.

Идет и идет. А я сзади его иду. А он впереди идет. Всего на один шаг от меня.

И так мы, знаете, мило идем. Аккуратно. Друг другу на ноги не наступаем. Руками не швыряемся. Он идет. И я иду. И прямо, можно сказать, не трогаем друг друга. Одним словом, душа в душу идем. Сердце радуется.

Я еще подумал:

«Славно идет прохожий. Ровно. Не лягается. Другой бы под ногами путался, а этот спокойно ноги кладет».

И вдруг, не помню, я на какого-то нищего засмотрелся. Или, может быть, на извозчика.

Засмотрелся я на нищего и со всего маху моему переднему гражданину на ногу наступил. На пятку. И повыше.

И наступил, надо сказать, форменно. Со всей возможной силой.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

И даже я замер тогда в испуге. Остановился. Даже от волнения «извините» не сказал.

Думаю: развернется сейчас этот милый человек и влепит в ухо. Ходи, дескать, прилично, баранья голова!

Замер я, говорю, в испуге, приготовился понести должное наказание, и вдруг – ничего.

Идет этот милый гражданин дальше и даже не посмотрел на меня. Даже башки не обернул. Даже, я говорю, ногой не тряхнул. Так и прошел как миленький.

Я же говорю – у нас это бывает. Но тут душевная простота. Злобы нету. Ты наступил, тебе наступили – валяй дальше. Чего там!

А этот милый человек так, ей-богу, и не обернулся.

Я долго шел за ним. Все ждал – вот обернется и посмотрит строго. Нет. Прошел. Не заметил.

1927

Операция

Эта маленькая грустная история произошла с товарищем Петюшкой Ящиковым. Хотя, как сказать – маленькая! Человека чуть не зарезали. На операции.

Оно, конечно, до этого далеко было. Прямо очень даже далеко. Да и не такой этот Петька, чтобы мог допустить себя свободно зарезать. Прямо скажем: не такой это человек. Но история все-таки произошла с ним грустная.

Хотя, говоря по совести, ничего такого грустного не произошло. Просто не рассчитал человек. Не сообразил. Опять же на операцию в первый раз явился. Без привычки.

А началась у Петюшки пшенная болезнь. Верхнее веко у него на правом глазу начало раздувать. И за три года раздуло прямо в чернильницу.

Смотался Петя Ящиков в клинику. Докторша ему попалась молодая, интересная особа.

Докторша эта ему говорила:

– Как хотите. Хотите – можно резать. Хотите – находитесь так. Эта болезнь не смертельная. И некоторые мужчины, не считаясь с общепринятой наружностью, вполне привыкают видеть перед собой эту опухоль.

Однако, красоты ради, Петюшка решился на операцию.

Тогда велела ему докторша прийти завтра.

Назавтра Петюшка Ящиков хотел было заскочить на операцию сразу после работы. Но после думает:

«Дело это хотя глазное и наружное, и операция, так сказать, не внутренняя, но пес их знает – как бы не приказали костюм раздеть. Медицина – дело темное. Не заскочить ли, в самом деле, домой – переснять нижнюю рубаху?»

Побежал Петюшка домой.

Главное, что докторша молодая. Охота была Петюшке пыль в глаза ей пустить, – дескать, хотя снаружи и не особо роскошный костюм, но зато, будьте любезны, рубашечка – чистый мадеполам.

Одним словом, не хотел Петя врасплох попасть.

Заскочил домой. Надел чистую рубаху. Шею бензином вытер. Ручки под краном сполоснул. Усики кверху растопырил. И покатился.

Докторша говорит:

– Вот это операционный стол. Вот это ланцет. Вот это ваша пшенная болячка. Сейчас я вам все это сделаю. Снимите сапоги и ложитесь на этот операционный стол.

Петюшка слегка даже растерялся.

«То есть, – думает, – прямо не предполагал, что сапоги снимать. Это же форменное происшествие. Ой-ёй, – думает, – носочки-то у меня неинтересные, если не сказать хуже».

Начал Петюшка Ящиков все-таки свою китель сдирать, чтоб, так сказать, уравновесить другие нижние недостатки.

Докторша говорит:

– Китель оставьте трогать. Не в гостинице. Снимите только сапоги.

Начал Петюшка хвататься за сапоги, за свои джимми. После говорит:

– Прямо, – говорит, – товарищ докторша, не знал, что с ногами ложиться. Болезнь глазная, верхняя – не предполагал. Прямо, – говорит, – товарищ докторша, рубашку переменял, а другое, извиняюсь, не трогал. Вы, – говорит, – на них не обращайте внимания во время операции.

Докторша, утомленная высшим образованием, говорит:

– Ну, валяй скорей. Время дорого.

А сама сквозь зубы хохочет.

Так и резала ему глаз. Режет и хохочет. На ногу посмотрит и от смеха задыхается. Аж рука дрожит. А могла бы зарезать со своей дрожащей ручкой!

Разве можно так человеческую жизнь подвергать опасности?

Но, между прочим, операция закончилась прекрасно. И глаз у Петюшки теперь не имеет опухоли.

Да и носочки, наверно, он носит теперь более аккуратные. С чем и поздравляем его, ежели это так.

1927

Царские сапоги

В этом году в Зимнем дворце разное царское барахлишко продавалось. Музейный фонд, что ли, этим торговал. Я не знаю кто.

Я с Катериной Федоровной Коленкоровой ходил туда. Ей самовар нужен был на десять персон.

Самовара, между прочим, там не оказалось. Или царь пил из чайника, или ему носили из кухни в каком-нибудь граненом стакане, я не знаю, – только самовары в продажу не поступили.

Зато других вещей было множество. И вещи, действительно, все очень великолепные. Разные царские портьеры, бордюры, разные рюмочки, плевательницы, сорочки и другие разные царские штучки. Ну, прямо глаза разбегаются, не знаешь, за что схватиться и какую вещь приобрести.

Тогда Катерина Федоровна на свободные деньги купила, вместо самовара, четыре сорочки из тончайшего мадеполама. Очень роскошные. Царские.

Я же вдруг увидел в описи сапоги. Русское голенище, восемнадцать целковых.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
я сразу спросил у артельщика, который торговал:

– Какие это сапоги, любезный приятель?

Он говорит:

– Обыкновенно какие – царские.

– А какая, – говорю, – мне гарантия, что это царские? Может, – говорю, – какой-нибудь капельдинер трепал, а вы их вместо царских выдаете. Это, – говорю, – нехорошо, неприлично.

Артельщик говорит:

– Тут кругом все имущество царской фамилии. Мы, – говорит, – дерьмом не торгуем.

– Покажи, – говорю, – товар.

Поглядел я сапоги. Очень мне ужасно понравились: и размер подходящий. И такие они не широкие, узенькие, опрятные. Тут носок, тут каблук. Ну, прямо цельные сапоги. И вообще мало ношенные. Может, только три дня царь их носил. Подметка еще не облупилась.

– Господи, – говорю, – Катерина Федоровна, да разве, – говорю, – раньше можно было мечтать насчет царской обуви? Или, например, в царских сапогах по улице пройтись? Господи, – говорю, – как история меняется, Катерина Федоровна!

Восемнадцать целковых отдал за них, не горюя. И, конечно, за царские сапоги эта цена очень и очень небольшая.

Выложил восемнадцать целковых и понес эти царские сапоги домой.

Действительно, обувать их было трудно. Не говоря про портянку, на простой носок и то еле лезут. «Все-таки, – думаю, – разношу».

Три дня разношивал. На четвертый день вдруг подметка отлипла. И не то чтобы одна подметка, а так полностью вместе с каблуком весь нижний этаж отвалился. Даже нога наружу вышла.

А случилось это поганое дело на улице, на бульваре Союзов, не доходя Дворца труда. Так и попер домой на Васильевский остров без подметки.

Главное, денег было очень жалко. Все-таки восемнадцать целковых. И пожаловаться некуда. Ну, будь эти сапоги фабрики «Скороход» или какой-нибудь другой фабрики – другой вопрос. Можно было бы дело возбудить или красного директора с места погнать за такую техническую слабость. А тут, извольте, царские сапоги.

Конечно, на другой день сходил в Музейный фонд. А там уже и торговать кончили – закрыто.

Хотел в Эрмитаж смотаться или еще куда-нибудь, но после рукой махнул. Главное, Катерина Федоровна меня остановила.

– Это, – говорит, – не только царский, любой королевский сапог может за столько лет прогнить. Все-таки, как хотите, со дня революции десять лет прошло. Нитки, конечно, сопреть могли за это время. Это понимать надо.

А действительно, братцы мои, десять лет протекло. Шутка ли! Товар и тот распадаться начал.

И хотя Катерина Федоровна меня успокоила, но когда, между прочим, после первой стирки у нее эти самые царские дамские сорочки полезли в разные стороны, то она очень ужасно крыла царский режим.

А вообще, конечно, десять лет прошло, – смешно обижаться.

Время-то как быстро идет, братцы мои! Все прежнее в прах распадается.

1927

Качество продукции

У моих знакомых, у Гусевых, немец из Берлина жил.

Комнату снимал. Почти два месяца прожил.

И не какой-нибудь там чухонец или другое национальное меньшинство, а настоящий германец из Берлина. По-русски – ни в зуб ногой. С хозяевами изъяснялся руками и головой.

Одевался, конечно, этот немец ослепительно. Белье чистое. Штаны ровные. Ничего лишнего. Ну, прямо гравюра.

А когда уезжал этот немец, то много чего оставил хозяевам. Цельный ворох заграничного добра. Разные пузырьки, воротнички, коробочки. Кроме того, почти две пары кальсон. И свитер почти не рваный. А мелочей разных и не счесть – и для мужского и для дамского обихода.

Все это в кучку было свалено в углу, у рукомойника.

Хозяйка, мадам Гусева, дама честная, ничего про нее такого не скажешь, намекнула немчику перед самым отъездом, – дескать, битте-дритте, не впопыхах ли изволили заграничную продукцию оставить.

Немчик головой лягнул, дескать, битте-дритте, пожалуйста, заберите, об чем разговор, жалко, что ли.

Тут хозяева налегли на оставленную продукцию. Сам Гусев даже подробный список вещам составил. И уж, конечное дело, сразу свитер на себя напялил и кальсоны взял.

После две недели ходил с кальсонами в руках. Всем показывал, невозможно как гордился и хвалил немецкое качество.

А вещи, действительно, были хотя и ношенные и, вообще говоря, чуть держались, однако, слов нет, – настоящий, заграничный товар, глядеть приятно.

Между прочим, среди оставленных вещей была такая фляга не фляга, но вообще такая довольно плоская банка с порошком. Порошок вообще розовый, мелкий. И душок довольно симпатичный – не то лориган, не то роза.

После первых дней радости и ликования начали Гусевы гадать, что за порошок. Нюхали, и зубами жевали, и на огонь сыпали, но угадать не могли.

Носили по всему дому, показывали вузовцам и разной интеллигенции, но толку не добились.

Многие говорили, будто это пудра, а некоторые заявляли, будто это мелкий немецкий тальк для подсыпки только что родившихся немецких ребят.

Гусев говорит:

– Мелкий немецкий тальк мне ни к чему. Только что родившихся ребят у меня нету. Пущай это будет пудра. Пущай я буду после каждого бритья морду себе подсыпать. Надо же культурно пожить хоть раз в жизни.

Начал он бриться и пудриться. После каждого бритья ходит розовый, цветущий и прямо благоухает. Кругом, конечно, зависть и вопросы.

Тут Гусев, действительно, поддержал немецкое производство. Много и горячо нахваливал немецкий товар.

– Сколько, – говорит, – лет уродовал свою личность разными русскими отбросами и вот наконец дождался. И когда, – говорит, – эта пудра кончится, то прямо и не знаю, как быть. Придется выписать еще баночку. Очень уж чудный товар. Прямо душой отдыхаю.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Через месяц, когда пудра подходила к концу, пришел в гости к Гусеву один знакомый интеллигент. За вечерним чаем он и прочитал банку.

Оказалось, это было немецкое средство против разведения блох.

Конечно, другой, менее жизнерадостный человек был бы сильно пришиблен этим обстоятельством. И даже, может быть, у менее жизнерадостного человека рожа покрылась бы прыщами и угрями от излишней мнительности. Но не таков был Гусев.

– Вот это я понимаю, – сказал он. – Вот это качество продукции! Вот это достижение. Это, действительно, не переплюнешь, товар. Хочешь морду пудри, хочешь блох посыпай! На все годится. А у нас что?

Тут Гусев, похвалив еще раз немецкое производство, сказал:

– То-то я гляжу – что такое? Целый месяц пудрюсь, и хоть бы одна блоха меня укусила. Жену, мадам Гусеву, кусают. Сыновья тоже целые дни отчаянно чешутся. Собака Нинка тоже скребется. А я, знаете, хожу и хоть бы что. Даром что насекомые, но чувствуют, шельмы, настоящую продукцию. Вот это, действительно..

Сейчас порошок у Гусева кончился. Должно быть, снова его кусают блохи.

1927

Драка

Вчера, братцы мои, иду я к вокзалу. Хочу на поезд сесть и в город поехать. Пока что я на даче еще обретаюсь. Под Ленинградом.

Так подхожу я к вокзалу и вижу – на вокзале, на самой платформе, наискось от дежурного по станции, драка происходит. Дерутся, одним словом.

А надо сказать, наше дачное местечко ужасно какое тихое. Прямо все дни – ни пьянства, ни особого грохота, ни скандала. То есть ничего такого похожего. Ну, прямо тишина. В другой раз в ушах звенит от полной тишины.

Человеку умственного труда, или работнику прилавка, или, скажем, служителю культа, ну, прямо можно вот как отдохнуть в наших благословенных краях.

Конечно, эта тишина стоит не полный месяц. Некоторые дни недели, само собой, исключаются. Ну, скажем, исключаются, ясное дело – суббота, воскресенье, ну, понедельник. Ну, вторник еще. Ну, конечно, празднички. Опять же дни получек. В эти дни, действительно, скрывать нечего – форменная буза достигает своего напряжения. В эти дни, действительно, скажем, нехорошо выйти на улицу. В ушах звенит от криков и разных возможностей.

Так вот, значит, в один из этих натуральных дней прихожу я на вокзал. Хочу на поезд сесть и в город поехать. Я на даче пока что. Под Ленинградом.

Так подхожу к вокзалу и вижу – драка.

Два гражданина нападают друг на друга. Один замахивается бутылкой. А другой обороняется балалайкой. И тоже, несмотря на оборону, норовит ударить своего противника острым углом музыкального инструмента.

Тут же еще третий гражданин. Ихний приятель. Наиболее трезвый. Разнимает их. Прямо между ними встречается и запрещает драться. И, конечно, принимает на себя все удары. И, значит, балалайкой и бутылкой.

И когда этот третий гражданин закачался и вообще, видимо, ослаб от частых ударов по разным наружным органам своего тела, тогда я решил позвать милиционера, чтобы прекратить истребление этого благородного организма.

И вдруг вижу: тут же у вокзала, на переезде, стоит милиционер и клюет семечки.

Я закричал ему и замахал рукой.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
Один из публики говорит:

– Этот не пойдет. Он здешний житель. Напрасно зовете.

– Это, – говорю, – почему не пойдет?

– Да так – он свяжется, а после на него же жители косо будут глядеть: дескать, разыгрывает начальство. А то еще наклепают, когда протрезвятся. Были случаи. Это не в Ленинграде. Тут каждый житель на учете.

Милиционер стоял на своем посту и скучными глазами глядел в нашу сторону. И жевал семечки. Потом вздохнул и отвернулся.

Драка понемногу ослабевала.

И вскоре трое дерущихся, в обнимку, пошли с вокзала.

1927

Гримаса НЭПа

На праздники я обыкновенно в Лугу езжу. Там, говорят, воздух очень превосходный – сосновый и еловый. Против бронхита хорошо помогает. Врачи так говорят. Я не знаю. Не думаю.

Главное, что в Лугу ездить – сущее наказание. Народу больно много. Пихаются. На колени садятся без разрешения. Корзинки и тючки на голову ставят. Не только бронхит – душевную болезнь получить можно.

Прошлый раз по пути из Луги на какой-то станции, несмотря на форменное переполнение, в вагон еще какой-то тип влазит. Не старый еще. С усиками. Довольно франтовато одетый. В русских сапогах. И с ним – старуха. Такая обыкновенная старуха с двумя тюками и с корзинкой.

Собственно, сначала эта старуха в вагон влезла со своим багажом. А за ней уж этот тип со своими усиками.

Старуха, значит, впереди идет – пробивается сквозь публику, а он за ней небрежной походкой. И все командует ей:

– Неси, – кричит, – ровней корзину-то. Просыплешь чего-то там такое... Становь теперича ее под лавку! Засупонивай, я говорю, ее под лавку. Ах, чертова голова! Узел-то не клади гражданам на колени. Клади временно на головы... Обожди, сейчас я подниму его на верхнюю полку. Фу-ты, я говорю, дьявол какой!

Только видят пассажиры – действия гражданина не настоящие, форменное нарушение уголовного кодекса труда. Одним словом, пассажиры видят: нарушена норма в отношении старослужащего человека.

Некоторые начали вслух выражать свое неудовольствие – дескать, не пора ли одернуть, если он зарвался и кричит и командует одной прислужгой. Где ж это возможно одной старухе узлы на головы ложить? Это же форменное безобразие.

– Это, – говорят, – эксплуатация трудящихся! Нельзя же так кричать и командовать на глазах у публики. Это унижает ейное старушечье достоинство.

Вдруг один наиболее из всех нервный гражданин подходит до этого, который с усиками, и берет его прямо за грудки.

– Это, – говорит, – невозможно допускать такие действия. Это издевательство над несвободной личностью. Это форменная гримаса нэпа.

То есть, когда этого нового взяли за грудки, он побледнел и откинулся. И только потом начал возражать.

– Позвольте, – говорит, – может быть, никакой гримасы нету? Может быть, это я с моей мамашей в город Ленинград еду? Довольно, – говорит, – оскорбительно слушать подобные слова в нарушении кодекса.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Тут среди публики некоторое замешательство произошло. Некоторый конфуз: дескать, вмешались не в свои семейные дела. Прямо неловко. Оказывается, это всего-навсего мамаша, а не домработница.

Наиболее нервный человек не сразу, конечно, сдался.

– А пес, – говорит, – ее разберет! На ней афиша не наклеена – мамаша или папаша. Тогда объявлять надо при входе.

Но после сел у своего окна и говорит:

– Извиняюсь все-таки. Мы не знали, что это ваша преподобная мамаша. Мы подумали как раз, знаете, другое. Мол, это, подумали, домашняя прислуга. Тогда извиняемся.

До самого Ленинграда который с усиками оскорблялся задним числом за нанесенные ему обиды.

– Это, – говорит, – проехаться не дадут – сразу берут за грудки. Затрагивают, у которых, может быть, билеты есть. Положите, мамаша, ногу на узел – унести могут... Какие такие нашлись особенные... А может быть, я сам с семнадцатого года живу в Ленинграде.

Другие пассажиры сидели молча и избегали взгляда этого оскорбленного человека.

1927

Шапка

Только теперича вполне чувствуешь и понимаешь, насколько мы за десять лет шагнули вперед!

Ну взять любую сторону нашей жизни – то есть во всем полное развитие и счастливый успех.

А я, братцы мои, как бывший работник транспорта, очень наглядно вижу, чего, например, достигнуто и на этом довольно-таки важном фронте.

Поезда ходят взад и вперед. Гнилые шпалы сняты. Семафоры восстановлены. Свистки свистят правильно. Ну прямо приятно и благополучно ехать.

А раньше! Да, бывало, в том же восемнадцатом году. Бывало, едешь, едешь – вдруг полная остановка. Машинист, значит, кричит с головы состава: дескать, сюды, братцы.

Ну соберутся пассажиры.

Машинист им говорит:

– Так и так. Не могу, робя, дальше идтить по причине топлива. И если, – говорит, – кому есть интерес дальше ехать – вытряхайся с вагонов и айда в лес за дровами.

Ну, пассажиры побранятся, поскрипят, мол, какие нововведения, но все-таки идут до лесу пилить и колоть!

Напилят полсажени дров и далее двигаются. А дрова, ясное дело, сырые, чертовски шипят и едут плохо.

А то, значит, вспоминается случай – в том же девятнадцатом году. Едем мы этаким скромным образом до Ленинграду. Вдруг резкая остановка на полпути. Засим – задний ход и опять остановка.

Значит, пассажиры спрашивают:

– Зачем остановка, к чему это все время задний ход? Или, Боже мой, опять идти за дровами, – машинист разыскивает березовую рощу? Или, может быть, бандитизм развивается?

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Помощник машиниста говорит:

– Так и так. Произошло несчастье. Машинисту шапку сдуло, и он теперича пошел ее разыскивать.

Сошли пассажиры с состава, расположились на насыпи.

Вдруг видят, машинист из лесу идет. Грустный такой. Бледный. Плечами пожимает.

– Нету, – говорит, – не нашел. Пес ее знает, куда ее сдуло.

Поддали состав еще на пятьсот шагов назад. Все пассажиры разбились на группы – ищут.

Минут через двадцать один какой-то мешочник кричит:

– Эй, черти, сюда! Эвон где она.

Видим, действительно, машинистова шапка, зацепившись, на кустах висит.

Машинист надел свою шапку, привязал ее к пуговице шпагатом, чтоб обратно не сдуло, и стал разводить пары.

И через полчаса благополучно тронулись.

Вот я и говорю. Раньше было полное расстройство транспорта.

А теперь не только шапку – пассажира сдует, и то остановка не более одной минуты.

Потому – время дорого. Надо ехать.

1927

Закорючка

Вчера пришлось мне в одно очень важное учреждение смотаться. По своим личным делам.

Перед этим, конечно, позавтракал поплотней для укрепления духа. И пошел.

Прихожу в это самое учреждение. Отворяю дверь. Вытираю ноги. Вхожу по лестнице. Вдруг сзади какой-то гражданин в тужурке назад кличет. Велит обратно спускаться.

Спустился обратно.

– Куда, – говорит, – идешь, козлиная твоя голова?

– Так что, – говорю, – по делам иду.

– А ежли, – говорит, – по делам, то прежде, может быть, пропуск надо взять. Потом наверх соваться. Это, – говорит, – тут тебе не Андреевский рынок. Пора бы на одиннадцатый год понимать. Несознательность какая.

– Я, – говорю, – может быть, не знал. Где, – говорю, – пропуска берутся?

– Эвон, – говорит, – направо в окне.

Подхожу до этого маленького окна. Стучу пальцем. Голос, значит, раздается:

– Чего надо?

– Так что, – говорю, – пропуск.

– Сейчас.

В другом каком-нибудь заграничном учреждении на этой почве развели бы форменную

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
волокиту, потребовали бы документы, засняли бы морду на фотографическую
карточку. А тут даже в личность не посмотрели. Просто голая рука высунулась,
помахала и подает пропуск.

Господи, думаю, как у нас легко и свободно жить и дела обдывать! А говорят:
волокита. Многие беспочвенные интеллигенты на этом даже упадочные теории строят.
Черт их поberi! Ничего подобного.

Выдали мне пропуск.

Который в тужурке говорит:

– Вот теперича проходи. А то прет без пропуска. Этак может лишний элемент
пройти. Учреждение опять же могут взорвать на воздух. Не Андреевский рынок.
Проходи теперича.

Смотался я с этим пропуском наверх.

– Где бы, – говорю, – мне товарища Щукина увидеть?

Который за столом подозрительно говорит:

– А пропуск у вас имеется?

– Пожалуйста, – говорю, – вот пропуск. Я законно вошел. Не в окно влез.

Поглядел он на пропуск и говорит более вежливо:

– Так что товарищ Щукин сейчас на заседании. Зайдите лучше всего на той неделе.
А то он всю эту неделю заседает.

– Можно, – говорю. – Дело не волк – в лес не убежит. До приятного свидания.

– Обождите, – говорит, – дайте сюда пропуск, я вам на ем закорючку поставлю для
обратного прохода.

Спускаюсь обратно по лестнице. Который в тужурке говорит:

– Куда идешь? Стой!

Я говорю:

– Братишка, я домой иду. На улицу хочу пройти из этого учреждения.

– Предъяви пропуск.

– Пожалуйста, – говорю, – вот он.

– А закорючка на ем имеется?

– Определенно, – говорю, – имеется.

– Вот, – говорит, – теперича проходи.

Вышел на улицу, съел французскую булку для подкрепления расшатанного организма и
пошел в другое учреждение по своим личным делам.

1927

Из книги «письма к писателю»

Комбинация

Это довольно смелое письмо я получил в 26 году. Письмо я печатаю полностью.

Что же касается рассказов, то печатать их невозможно. Во-первых, они скучноваты,
во-вторых, возможно, что рассказы кому-нибудь известны, а по этой причине станет
известно и имя автора. А я бы не хотел моих здешних горемычных друзей конфузить
перед их знакомыми.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Письмо такое:

20/10-26 г.

Товарищ Зощенко!

Я обращаюсь к Вам с большой просьбой. Дело в том, что я военный моряк Черноморского флота и в минуты досуга царапаю стихотворения и рассказы.

Я сам москвич. Не так давно я был в Москве и заходил в ВАПП, где меня приняли очень радушно, взяли мои труды и до сих пор ничего оттуда не слышу, несмотря на то что обещали дать мне свой отзыв.

Чувствуя, что как раньше, так и сейчас очень трудно завоевать себе место в литературном мире, я посылаю Вам один и другой из своих рассказов и прошу Вас сообщить мне, заслуживает ли мое творчество внимания и есть ли у меня способности.

В случае благоприятного заключения, чувствуя, что мне самому не выбраться на дорогу, я прошу Вас протолкнуть его или же в крайнем случае самим купить у меня или рассказ целиком или тему его.

Я очень нуждаюсь в монете, и если Вы мне поможете, то буду крайне благодарен Вам, так как знаю, что с Вашей подписью этот рассказ появится в печати. В дальнейшем, если эта комбинация подойдет Вам, я вышлю Вам остальные свои вещи, которых у меня довольно много.

Короче говоря, я Вам рассказы или темы их, Вы разрабатываете их – Ваша подпись, а мне часть гонорара.

Известность и имя мне не нужны – нужны только деньги.

Прошу Вас сообщить мне ответ по адресу: гор. Севастополь... Надеюсь, Вы меня поймете и поможете мне. С морским приветом...

На это письмо я ответил довольно резко. Я написал, что литература – не парусина и не мармелад и нельзя так ею торговать и что я, несмотря на заманчивое предложение, решительно отказываюсь от подобной комбинации.

Это не помешало автору через полгода снова обратиться ко мне примерно с такой же просьбой.

И возможно, что в настоящее время человек, в силу своего энергичного характера, уже выбился в люди.

Драма на волге
Осенью 1926 года я получил странное и непонятное письмо. Я прочел его два раза подряд и ничего не понял.

И только читая в третий раз, я стал более или менее понимать все события, которые развернулись на Волге.

Какой-то жуликоватый человек, какой-то проходимец, неизвестно из каких соображений, выдал себя за Зощенко и в таком положении «прокатился» по Волге, срывая славу и светские удовольствия.

Этот человек имел, судя по письму, некоторый успех и среди женщин.

Вот письмо от одной из его героинь.

Добрый день, Михаил Зощенко!

Шлю Вам свой искренний привет.

Вчера, разбирая хлам в ящиках письменного стола, я натолкнулась на открытки с видами тех мест, где мне пришлось побывать за время моего учительства.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Виды волжского побережья и Жигулевские горы навеяли на меня воспоминания, и вот результат – письмо к Вам.

Дорогой Михаил Зоценко, мне так бесконечно жаль, что пришлось встретиться с Вами в такой пошлой обстановке. Именно из-за этого я не могла быть с Вами такой, как мне этого хотелось. Я боялась, что Вы примете меня за искательницу приключений.

Кроме того, на меня подействовали слова профессора, что мое «дурное поведение» может отразиться нежелательным образом и на Вас, таком известном писателе.

Поэтому уйти из их общества я решила еще в Вашей каюте.

Этим и объясняется, что я под конец стала холодней к Вам относиться, но я решила, что так лучше будет для всех.

Разбирая открытки с видами Волги, я снова вспомнила Вас, я снова мысленно рисую Ваше лицо, Ваши умные глаза, полные грусти и затаенного смеха. Дорогой Михаил Зоценко, простите меня за эти строки. Я должна Вам сказать – у меня мало было хорошего в жизни. Главное – чем больше я сталкиваюсь с людьми, тем больше я разочаровываюсь в них.

Но вместе с тем мне их становится как-то жалко. Я отыскиваю всякие причины, экономические, социальные и др., которые могут их оправдать, и пришла к выводу: если принять во внимание совокупность всех причин, то все люди должны получить оправдательный приговор. Нет плохих людей на земле. Всякие действия их оправдываются.

Но почему же, в таком случае, есть какое-то мерило хороших и плохих людей.

Я рассуждаю об этом и снова запутываюсь в неразберихе происходящего.

Много времени я трачу на чтение литературных произведений. Жаль, что не могу до сих пор прочесть Ваши «Сентиментальные повести». В нашей жалкой библиотеке их еще нет, заметку же о них я прочла.

Мне кажется, там верно подмечено Ваше разочарование, Ваш пессимизм. Я, говоря с Вами, подметила это. В тоне Ваших слов сквозило какое-то равнодушие к своей жизни, какое-то разочарование в ней, да и Ваши ежедневные попойки, эти 8–9 рюмочек, я думаю, сами говорят за себя.

Мне бы очень хотелось знать, какой из своих рассказов Вы считаете самым удачным. Жалею, что не пришлось слышать чтение Ваших рассказов в Вашем исполнении. Вы так отказывались. И я понимаю, что Вам не хотелось забавлять этих веселящихся людей.

Кажется, я наговорила много лишнего. Простите. Ставлю точку. А если Вы вспомните хоть немного обо мне, о Волге и нашей встрече, то напишите. Я буду бесконечно рада.

Жму крепко Вашу руку.

Мой адрес...

Я хотел было сначала оставить бедную разочарованную женщину в неведении, но потом обозлился на своего развязного и счастливого двойника. А главное – мне захотелось узнать все подробности.

Я написал ей письмо, приложил свою фотографическую карточку и попросил поподробней описать замечательную встречу.

Вот что мне ответила доверчивая женщина.

4/2–27 г.

Следуя Вашему совету «быть более осторожной», боюсь начать письмо с пожелания доброго дня М.М. Зоценко, так как не уверена, к кому именно обращаюсь. Ваше письмо с фотографией я получила. Хохотала много над своим глупым положением, в которое я попала благодаря тому, что в общезнании не принято требовать документы, удостоверяющие личность человека, с которым приходится знакомиться.

фотография и оригинал мне знакомого Зощенко, конечно, различны между собой. По Вашей просьбе приступаю к описанию времени, места и обстоятельств знакомства с злополучным «Зощенко». Приступаю.

Из Нижнего в обратный рейс до Сталинграда я с другой учительницей из нашего города, мало знакомой мне, выехала приблизительно, точно не помню, 15 июля на пароходе «Дзержинский». Во время обеда в салоне мы познакомились с профессором К... и его женой (мнимыми или настоящими?). Профессор, по его словам, читает в...вском университете судебную медицину, гигиену, а в педвузе основные методы психологии. Жена – очень яркая, интересная блондинка лет 28, бросающаяся в глаза. Милые, славные люди показались нам.

Каюты наши оказались по соседству, и мы быстро сдружились. На палубе к профессорше подсели два каких-то «типа», познакомились. Один из них понравился ей, другой моей попутчице. Я же в то время была не с ними. Подъезжали к Самарской Луке. Жигулевские горы должны были проезжать в три часа ночи. Хотелось не проспать. В салоне вечером организовали целый концерт. Там были и мы с профессоршей и один из «типов», Иван Васильевич Васильев, работающий в издательстве «Прибой», – как он отрекомендовал себя. Чтобы прогнать сон, Васильев предложил выпить в его каюте по кружке пива. Было около 10 часов вечера. Я вообще терпеть не могу никаких напитков, но против того, чтобы посидеть в компании таких «симпатичных» людей, не имела ничего против.

В каюте мы уселись и начали пить пиво. Каюта была трехместная. Стук в дверь. Вошли два – один из «типов», другой – выдававший себя за Зощенко. Моим соседом оказался Зощенко. Это был субъект высокого роста, мускулистый, загорелый, здоровый, с рыжеватой волнистой шевелюрой и серо-голубыми глазами, в которых светился ум и по временам искрился затаенный смех[1]. Одет он был в чесучовую рубашку, вобранную в брюки, с расстегнутым воротом и засученными рукавами. Говорили кой о чем. Заказали «типы» ужин. Выпить первую рюмку предложили на брудершафт каждому со своей дамой. Меня покорило такое быстрое сближение. Я запротестовала. Остальные пары быстро пошли к сближению. Поцелуи, объятия. На моем лице ужас и отвращение.

Вам, может быть, это тоже покажется смешным, как и им, но я была жестоко разочарована – такое быстрое сближение 15 минут тому назад познакомившихся людей на меня произвело отвратительное впечатление. Надо мной начали смеяться, объяснять мое негодование мещанством и провинциализмом. Мой сосед вел себя по отношению ко мне довольно корректно, повторяя, что он не циник и понял меня. Я почувствовала, что я мешаю моим «плохим» поведением, как выразилась одна из наших спутниц, им разойтись как следует. И тогда я ушла.

Позже «Зощенко» встретил меня на палубе и завел разговор о себе, о своей жизни, работе и поездке в Германию. Я узнала, что он партиец с 1918 года, работал до войны на Сормовском заводе (так, по крайней мере, он говорил), затем ушел на войну, потом с 1917 года начал писать. Зарабатывает в месяц 225 рублей, 100 проживает, а остальное – на приобретение книг для своей библиотеки, которая состоит из книг русских и иностранных писателей; его снова посылают в Германию учиться и совершенствоваться в стиле. Вообще его поведение все время по отношению ко мне было безукоризненно. Вообще он очень редко показывался на палубе днем, объясняя, что он едет инкогнито[2]. Он уходил в четвертый класс собирать материал, всегда был выпивши и всем раздавал мелкие книжки с рассказами Зощенко на память, вечерами сидел на носу и задумчиво глядел вдаль[3].

Вот и все. Писала откровенно, ничего не прикрашивая. Простите, что мое первое письмо было послано не по адресу, но, как видите, я здесь совершенно ни при чем.

Между первым и вторым письмом есть, конечно, существенные противоречия. Но это весьма понятно.

Автор письма, несомненно, хотел сгладить какие-то углы. И хотел, видимо, рассеять мои сомнения о любовном приключении.

Но я на это не имею претензий.

Я допускаю, конечно, что мой двойник не слишком постарался использовать свою вывеску. Тем не менее я не верю в его сплошную корректность. Не такой это

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru человек, чтобы он только «сидел на носу и задумчиво глядел вдаль».

А впрочем, черт его знает!

Во всяком случае, я рад, если этот развязный гражданин не причинил кому-нибудь из пассажиров серьезного вреда.

Пригодилось

Обычно думают, что я искажаю «прекрасный русский язык», что я ради смеха беру слова не в том значении, какое им отпущено жизнью, что я нарочно пишу ломаным языком для того, чтобы посмешить почтеннейшую публику.

Это неверно. Я почти ничего не искажаю. Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица.

Я сделал это (в маленьких рассказах) не ради курьезов и не для того, чтобы точнее копировать нашу жизнь. Я сделал это для того, чтобы заполнить хотя бы временно тот колоссальный разрыв, который произошел между литературой и улицей.

Я говорю – временно, так как я и в самом деле пишу так временно и пародийно.

А уж дело других (пролетарских) писателей в дальнейшем приблизить литературу к читателям, сделать ее удобочитаемой и понятной массам.

И как бы судьба нашей страны ни обернулась, все равно поправка на легкий «народный» язык уже будет. Уже никогда не будут писать и говорить тем невыносимым суконным интеллигентским языком, на котором многие еще пишут, вернее, дописывают. Дописывают так, как будто бы в стране ничего не случилось. Пишут так, как Леонид Андреев. Вот писатель, которого абсолютно нестерпимо сейчас читать.

А как говорит и думает улица, я, пожалуй, не ошибся. Это видно из моей книги, из этих писем, которые я ежедневно получаю.

Вот любопытное письмо. Оно написано, как будто бы я его писал. Оно несомненно написано «моим героем».

Я получил это письмо по почте от неизвестного человека.

Дорогой Зощенко!

Мне случайно попало в руки «любовное» письмо, которое получила одна моя знакомая.

Не пригодится ли оно Вам? Оно очень напоминает Ваш стиль и Ваших героев.

С приветом К. Л.

18 окт. 28 г.

Уважаемая гражданка, зачитайте это письмо и примите от заинтересованного вами это подношение. Не подрезуйте, не погнушайтесь.

Желательно с вами познакомиться всерьез. Не покажется это вам за предмет любопытства, а желательно с целью сердечной, потому что с каких пор вас увидел, то сгораю любовью.

Замечательный ваш талант, а пуще всего игривость забрали меня за живое и как слышал, что вы лицо, причастное к медицине, то понять должны, что кровь во мне играет и весь я не в себе.

Если вам не противно, то буду ждать вас у входа в буфет.

В военном обмундировании, росту как обыкновенно, собою видный, волосом русый, а на груди пять всесоюзных значков.

Остаюсь в ожидании

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
С. С.

Имя скажу при свидании.

Так называемый «народный» язык стоит того, чтоб к нему приглядеться.

Какие прекрасные, замечательные слова: «Зачитайте письмо». Не прочитайте, а зачитайте. То есть «пробегите, просмотрите». Как уличный торговец яблоками говорит: «Вы закусайте этот товар». Не кушайте (т. е. целиком), не откусите (т. е. кусочек), а именно закусайте, то есть запобуйте, откусите только раз, сколько нужно для того, чтобы почувствовать прелестные качества товара.

Язык стоит того, чтобы его изучать!

Человек на улице

В ноябре 30 г. я получил удивительное письмо от незнакомой молодой женщины.

Как выяснилось, эта женщина три года назад приехала из провинции в Ленинград. Ей не повезло. Вместо ожидаемой прекрасной жизни она столкнулась с большой нуждой. Она не сумела найти ничего хорошего. Она не нашла себе даже пристанища.

Три года она проходила по улицам, ночуя то у знакомых, то в каком-нибудь учреждении, то просто у случайных встречных.

Повсюду, куда она приходила в поисках работы или ночлега, – у нее требовали союзную книжку, паспорт, удостоверение, путевку, карточку с Биржи труда и т. д.

Впоследствии, когда я встретился с этой женщиной, выяснилось, что, кроме метрик, у нее ничего не было. У нее не было даже хлебной карточки.

Женщина сконфуженно говорила об этом, утверждая, что ей просто непонятно, откуда все это берется.

Оказывается, не всем дано канцелярское умение управлять своей жизнью. И не все люди умеют набивать свои карманы удостоверениями. Такие люди прежде всего наказаны. Но вот это письмо:

Михаилу Зоценко.

Вас никогда не приводила в холодное бешенство лампа на чужом столе...

Вам не приходилось ночами бродить по черным скользким камням и заглядывать в теплые пятна чужих окон, куда страшно хочется швырнуть камнем... У меня – 19 лет и желтый чемоданчик. На плечах что-то невесомое на шелковой подкладке. В голове – муть и иногда страх. Я одна насквозь. Приближение каждого вечера встречаю с болезненной grimасой: куда идти ночевать. И каждый новый рассвет жмет виски холодом неизбежности наступающего дня. Вот такое состояние с небольшими передышками (время от времени выхожу замуж или приезжаю недельки на две домой) – и продолжается уже три года. Вместо того чтобы к этому привыкнуть – я чувствую, что начинаю медленно сходить с ума. Как на салазках с невысокой горы. Людей люблю. Очень. Но их жизнь ненавижу. Их чужие уютные жизни. Даже жизнь моего дома, моих родителей – для меня чужая. Я к ней никак не могу присосаться. Я там могу только отдыхать. И то недолго, после того как меня побьет, пошвыряет и выпьет очередное полчище дураков и негодяев.

На этот раз я здорово устала, но на этот раз я не могу даже вернуться домой.

Отец сейчас в провинции преподавателем. Его тоже побило и швырнуло здорово, хоть в другом плане чем меня. Ему живется туго и холодно.

Родители обо мне заботиться отвыкли, да и не могут. А я – здесь.

Ношу свои 19 лет и свой желтый чемоданчик.

Пробовала работать. Сняли. Я ничего не умею делать. На Биржу не иду: предубеждение против этой, кишасей людьми громадины; не люблю затериваться.

Пишу стихи.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Ну их к черту. Ахматова под есенинским соусом. Это все не то.

Знаете ли Вы холодный привкус одиночества на губах, зацелованных всеми. Приходилось ли Вам говорить с милыми людьми, улыбаясь им, и думать в это время о том, что вот они уйдут в свои теплые повседневные жизни, а Вы останетесь с Вашей никем не тронутой заброшенностью на бульварной скамейке, с девятью копейками в кармане, с тяжелой головной болью и страхом.

Ах, эти чужие квартиры! Эта чужая домовитость чужими ногами зашарканных половичков.

Ведь я бываю везде. Меня берут ночевать и гладко причесанные семьи, и взъерошенные холостяки со своими табачными ласками, и одинокие женщины с тихими чайничками по утрам... Я ко всем иду. Я ставлю свой чемоданчик у дверей, сажусь в глубокие кресла, или на шаткие стулья, или просто на подоконник и смотрю.

Как в кинематографе все и всё.

Иногда зубами вцепишься в платочек, который очень хочется смочить не идущими из широко открытых глаз слезами.

Хочется иногда броситься к кому-нибудь, крепко обхватить руками, прижаться и долго, сбивчиво, горячо – умолять о том, чтобы взяли меня, сделали своей, своей совсем, дали бы мне что-нибудь больше липких, мокрых поцелуев (со стороны мужчин) и тихих улыбочек, приправленных сытым сочувствием (со стороны женщин).

Но во мне – слишком мало крови для каких бы то ни было порывов.

Я – только усмехаюсь и чувствую, что мои глаза все глубже обводятся синими и немножко влажными кругами.

Что мне нужно от Вас.

Дайте мне возможность писать. Я хочу быть журналисткой, рецензенткой... Не знаю. У меня хватит наблюдательности, чувства слова и восприятия – на всё.

В общем, мне кажется, я очень хочу поговорить с Вами.

Смотрите на меня как на душевнобольную, которая ходит, бродит, ласкается, наблюдает, мучается, носит на плечах неплохую башку, способную неплохо варить и – ничего не делает для того, чтобы затормозить медленную ползучесть вниз.

Моя психика до того безобразно выросла и распухла, что я теряюсь.

Мне нужен кто-нибудь, кто сумеет осторожно и безболезненно сделать из меня что-то нужное. Это – много. Это – невысказано.

Сознаюсь, зря и пишу это. От Вас мне нужно только то, чтобы Вы захотели со мной поговорить.

Я Вам позвоню по телефону.

11 ноября 1930 г.

Она позвонила мне по телефону. Мы увиделись. Это была красивая очень молодая женщина. Она говорила каким-то безразличным голосом. Все слова были сказаны ею на одной ноте, без интонации. Это было тяжело слушать.

Я, сколько мог, ободрил ее. Дал немного денег. Посоветовал заготовиться бумажками, чтобы поискать службу. И, в случае неудачи, посоветовал уехать к отцу, в деревню.

Несколько месяцев она ничего не предпринимала. Какое-то упрямство, а может быть, и безволие оставляли ее в том же положении. Но в феврале этого года она все же уехала к отцу.

Недавно я получил от нее письмо из деревни. Она пишет, что отдыхает в деревне и пока старается не думать о своей будущей жизни. Она никогда не предполагала, что

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru так трудно и сложно жить на свете. Это верно.

Хороший конец
Это любопытное письмо получено из провинции.

17/ХІІ-30 г.

Товарищ Зоценко.

Простите, что беспокою, но нужда, честное слово, крайняя. Я нахожусь сейчас под давлением «великих проблем», а разобраться не с кем. Меня мучит целая уйма вопросов, которые не хватает храбрости разрешить самой и под давлением которых я нахожусь. Именно это заставляет меня спросить у Вас совет. По-моему – человек, описывающий духовные флюсы, должен иметь от них средство. Вот почему я выбрала своей «жертвой» именно Вас. Не знаю, удастся ли мне втиснуть свой «флюс» в более или менее конкретный образ. Во всяком случае, постараюсь. Для большей ясности начну сначала: детство я провела на попечении немков, которые, кроме немецкой азбуки, пичкали меня «религиозным дурманом». Годам к девяти я была уже посвящена во все похождения Иисуса Христа и, в знак любви великой, называла его не иначе, чем Исуся-Христуся. В общем – в детстве у меня было довольно абстрактное понятие об окружающем.

Когда мне было одиннадцать лет, умерла моя мама, материальное наше положение больше чем пошатнулось, и немки улетели в трубу. Тут-то я стала «пролетаризироваться»: дни проводила во дворе, играла с разношерстнейшими ребятами и, конечно, читала Мопассана. Вот. Так отошли в предание бонны и «Исуся-Христуся». Годам к 14 я знала наизусть добрую половину Есенина и не меньше Блока.

Позже пришли Маяковский, Асеев, Сельвинский – всех не счесть. О том, можно ли совмещать Блока и Маяковского – я тогда не думала. Это теперь меня смущает то, что я в одинаковой степени увлекаюсь как «Прекрасной дамой», так и Маяковским. Ведь это же разные полюсы – почему же я так. Сейчас мне 17 лет. Я поступила в этом году в фабзавуч. И тут-то самое главное: если на теории у меня почти никаких расхождений с рабочим классом не было, то на практике оказалось, что ничего общего у меня с этими ребятами нету. (Под рабочим классом я подразумеваю одних рабочих.) Тут мне пришлось столкнуться с казусами, о которых ни Жаров, ни Безыменский не писали. Если даже предположить, что они описывали московские ФЗУ (детскость), то и тогда не думаю, что климат так разительно влияет на нравы. В нашем Ф.З.У. ребята сморкаются под ноги, носят ногтями траур и такие вещи говорят, какие «приличные люди» лишь на стенах уборных пишут. Когда начинается урок, то я молю Бога (по инерции), чтобы он подольше продолжался, т. к. на переменке я себя совсем потерянной чувствую. И вот мне очень больно – я не привыкла себя чувствовать ижицей затерявшейся. Во-первых, получается, что у меня никогда спайка с рабочей средой не будет, а во-вторых – ведь нам еще 2 года вместе – как же я смогу. Я и так иду на компромисс: если дома говорю – девочки, то в ФЗУ – девчата. Дома, когда ко мне цепляются, говорю – «как не стыдно», а в школе приходится говорить – «уйди, а то съешь по морде». Иначе не помогает. Возможно, что это просто условности – у каждой среды свой прием изъяснения, во всяком разе мне мой больше нравится. Меня эта имитация, подделывание под кого-то здорово мучит. Такое впечатление, будто я примазываюсь к ребятам, а уж это – ни за какие коврижки. Или в самом деле соединиться, или удалиться восвоеси. Но в том-то и дело, что я не могу решить – кто же подлежит переделке: я или они. Я не говорю, что я святая – у каждой, конечно, стороны есть свои слабости, – но стоит ли мне отбросить мои, для того чтобы подвергнуться, может быть, еще худшим (их слабостям). Не подумайте – интеллигентка в кавычках. Честное слово, что нет. Неужели в том, что между нами оказалась такая бездна, виноваты немки и «Исуся-Христуся». Но ведь я так давно с ними покончила. В общем – я сейчас как на море. Товарищ Зоценко. Может, Вы мне поясните, как мне искать путь к рабочей аудитории. Или, может быть, совсем уйти из ФЗУ. Правилен ли мой подход к нашим ребятам. Как бы Вы поступили, находясь на моем месте. Я вот собираюсь в пролетарские писательницы, а какая же я буду «пролетарская», если не умею вот обращаться с нашими ребятами. Ведь они же – будущий пролетариат (и даже теперешний). И потом еще о литературе – почему так ругают конструктивистов. Неужели, если 60 процентов разбирают только печатным шрифтом, то остальные 40 % не имеют права писать и читать письменным. Да ведь это скучно. Впрочем, я отклонилась в сторону. На этот вопрос можете, если время строго рассчитано, не отвечать, но на остальные, очень Вас прошу, – ответьте. Я совсем сбилась и буду

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Вам крайне признательна, если сможете разобраться. Вот. Еще раз простите за беспокойство. Всего лучшего.

Я ответил этой растерявшейся девушке, что уходить ей из ФЗУ не следует, что аристократической среды в настоящее время в Союзе не имеется. И что такой уход опасен в том смысле, что это еще более усугубляет разрыв, и тогда наступит полная неудовлетворенность, как и у всякого человека, не имеющего своей среды.

Я написал ей, что если она считает себя в культурном отношении выше той среды, в которой находится, то ее дело не ахать и огорчаться, а наоборот – оказывать влияние на эту среду. Пусть это будут два-три человека, которым она привьет вкус к литературе или, скажем, убедит, что брань попросту унижает человека, – это уже будет очень много, и это в какой-то мере даст удовлетворение.

Через месяц или два я получил благодарственное письмо. Девушка писала мне, что ее жизнь в этом смысле переменялась. Ее более не тяготят ребята из ФЗУ. Она беседует с ними о литературе и находит в этом чуть ли не свое призвание. Очень хорошо.

Медицинский случай

Можно сказать, всю свою жизнь я ругал знахарей и всяких таких лекарских помощников. А сейчас горой заступлюсь.

Уж очень святое наглядное дело произошло.

Главное, все медики отказались лечить эту девчонку. Руками разводили, черт ее знает, чего тут такое. Дескать, медицина в этом теряется.

А тут простой человек, без среднего образования, может, в душе сукин сын и жулик, поглядел своими бельмами на девчонку, подумал, как и чего, и, пожалуйста, – имеете заместо тяжелого недомогания здоровую личность.

А этот случай был с девчонкой.

Такая небольшая девчонка. Тринадцати лет. Ее ребятишки испугали. Она была вышедши во двор по своим личным делам. А ребятишки, конечно, хотели подшутить над ней, попугать. И бросили в нее дохлой кошкой. И у нее через это дар речи прекратился. То есть она не могла слова произносить после такого испуга. Чего-то бурчит, а полное слово произносить не берется. И кушать не просит.

А родители ее были люди, конечно, не передовые. Не в авангарде революции. Это были небогатые родители, кустари. Они шнурки к сапогам производили. И девчонка тоже чего-то им вертела. Какое-то колесо. А тут вертеть не может и речи не имеет.

Вот родители мотали, мотали ее по всем врачам, а после и повезли к одному специальному человеку. Про него нельзя сказать, что он профессор или врач тибетской медицины. Он просто лекарь-самородок.

Вот привезли они своего ребенка в Шувалово до этого специалиста. Объявили ему, как и чего.

Лекарь говорит:

– Вот чего. У вашей малютки прекратился дар речи через сильный испуг. И я, – говорит, – так мерекаю. Нуте, я ее сейчас обратно испугаю. Может, она, сволочь такая, снова у меня заговорит. Человеческий, – говорит, – организм достоин всеобщего удивления. Врачи, – говорит, – и разная профессура сама, – говорит, – затрудняется узнать, как и чего и какие факты происходят в человеческом теле. И я, – говорит, – сам с ними то есть совершенно согласен и, – говорит, – затрудняюсь вам сказать, где у кого печенка лежит и где селезенка. У одного, – говорит, – тут, а у другого, может, не тут. У одного, – говорит, – кишки болят, а у другого, может, дар речи прекратился, хотя, – говорит, – язык болтается правильно. А только, – говорит, – надо на все находить свою причину и ее выбивать поленом. И в этом, – говорит, – есть моя сила и учение. Я, – говорит, – дознаюсь до причины и ее искореняю.

Конечное дело, родители забоялись и не советуют девчонку поленом ударять. Медик

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru говорит:

– Что вы, что вы! Я, – говорит, – ее поленом не буду ударять. А я, – говорит, – возьму махровое или, например, вафельное полотенце, посажу, – говорит, – вашу маленькую лахудру на это место, и пушай она сидит минуты три. А после, – говорит, – я тихонько выбегу из-за дверей и как ахну ее полотенцем. И, может, она протрезвится. Может, она шибко испугается, и, я так мерекаю, может, она снова у нас разговорится.

Тогда вынимает он из-под шкапа вафельное полотенце, усаживает девчонку, куда надо, и выходит.

Через пару минут он тихонько подходит до нее и как ахнет ее по загривку.

Девчонка как с перепугу завизжит, как забьется.

И, знаете, заговорила.

Говорит и говорит, прямо удержу нету. И домой просится. И за свою мамку цепляется. Хотя взгляд у ней стал еще более беспокойный и такой вроде безумный. Родители говорят:

– Скажите, она не станет после этого факта дурочкой?

Лекарь говорит:

– Этого я не могу вам сказать. Мое, – говорит, – дело сообщить ей дар речи. И это есть налицо. И, – говорит, – меня не так интересует ваша трешка, а мне, – говорит, – забавней видеть подобные результаты.

Родители подали ему трешку и отбыли.

А девчонка, действительно, заговорила. Действительно, верно, она немного в уме свихнулась, немножко она такая стала придурковатая, но говорит, как пишет.

1928

Веселенькая история

Лиговский поезд никогда шибко не едет. Или там путь не позволяет, или семафоров очень много наставлено – сверх нормы, – я этого не знаю. Но только ход поезда удивительно медленный. Прямо даже оскорбительно ехать. И, конечно, через такой ход в вагоне бывает ужасно как скучно. Прямо скажем – делать нечего.

На публику глядеть, конечно, мало интереса. Обидятся еще. «Чего, – скажут, – смотришь? Не узнал?»

А своим делом заняться тоже не всегда можно. Читать, например, нельзя. Лампочки особо мутные. И ужасно высоко присобачены. Прямо как угольки сверху светят, а радости никакой.

Хотя насчет лампочки это зря сказано. Эта веселенькая история произошла днем. Но оно и днем скучно ехать.

Так вот, в субботу днем в вагоне для некурящих пассажиров ехала феклуша. фекла Тимофеевна Разуваева. Она из Лигова до Ленинграда ехала за товаром. Она яблоками и семечками торгует в Лигове на вокзале.

Так вот, эта самая феклуша поехала себе на Щукин. На Щукин рынок. Ей охота была приобрести ящик браку антоновки.

И присела она с Лигова у окошка и поехала. Едет и едет.

Напротив ее едет Федоров, Никита. Рядом, конечно, Анна Ивановна Блюдечкина – совслужащая из соцстраха. Все лиговские. На работу едут.

А вскоре после Лигова еще новый пассажир входит. Военный. Или вроде того, одним словом, в высоких сапогах.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Он до этого времени на площадке ехал. И садится он наискось от Феклы Тимофеевны Разуваевой. Садится он наискось и едет.

Фекла Тимофеевна, пушай ей будет полное здоровье и благополучие, развязала косынку и, развязавши, стала свободно размышлять на торговые темы, мол, сколько в ящике может быть антоновки и так далее.

После поглядела она в окно. А после, от полной скуки, стала Фекла Тимофеевна подремывать. То ли в теплом вагоне ее, милую, развезло или скучные картины природы на нее подействовали, но только начала Фекла Тимофеевна клевать носом. И зевнула.

Первый раз зевнула – ничего. Второй раз зевнула во всю ширь – аж все зубы можно пересчитать. Третий раз зевнула еще послаще. А военный, который наискось сидел, взял и добродушно сунул ей палец в рот. Пошутил. Ну, это часто бывает – кто-нибудь зевнет, а ему палец в рот. Но, конечно, это бывает между, скажем, настоящими друзьями, заранее знакомыми или родственниками со стороны жены. А этот совершенно незнакомый. Фекла Тимофеевна в первый раз его видит.

По этой причине Фекла Тимофеевна, конечно, испугалась. И, с перепугу, поскорей захлопнула свой чемодан. И при этом довольно сильно тянула военного за палец зубами.

Ужасно тут закричал военный. Начал кричать и выражаться. Мол, палец ему почти начисто оттяпали. Тем более что палец совершенно не оттяпали, а просто немного захватили зубами. И крови-то почти не было – не больше полстакана.

Началась легкая перебранка. Военный говорит:

– Я, – говорит, – ну, просто пошутил. Если бы, – говорит, – я вам язык оторвал или что другое, тогда кусайте меня, а так, – говорит, – я не согласен. Я, – говорит, – военныйслужащий и не могу позволить пассажирам отгрызать свои пальцы. Меня за это не похвалят.

Фекла Тимофеевна говорит:

– Ой! Если бы ты мне за язык взялся, я бы тебе полную кисть руки оттяпала. Я не люблю, когда меня за язык хватают.

Начала тут Фекла Тимофеевна на пол сплевывать, дескать, может, и палец-то черт знает какой грязный, и черт знает за что брался, – нельзя же такие вещи строить – негигиенично.

Но тут ихняя дискуссия была нарушена – подъехали к Ленинграду. Фекла Тимофеевна еще слегка полаялась со своим военным и пошла на Щукин.

1928

Научное явление

Давеча у нас в Гавани какая интересная история развернулась.

Иду по улице. Вижу – народ собирается около пустыря.

– Что такое? – спрашиваю.

– Так что, – говорят, – странное подземное явление, товарищ. Не землетрясение, нет, но какая-то подземная сила народ дергает. Нету никакой возможности гражданам вступать на этот боевой участок, около этой лужи. Толчки происходят.

А тут ребята дурака валяют – пихают прохожих до этого опасного участка. Меня тоже, черти, пихнули.

И всех, которые вступают, отчаянно дергает. Ну, прямо устоять нет никакой возможности, до того пронизывает. Тут один какой-то говорит:

– Скорей всего это кабель где-нибудь лопнувши – ток сквозь сырую землю проходит.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Ничего удивительного в этом факте нету.

Другой тоже говорит:

– Я сам бывший электротехник. Давеча я сырой рукой за выключатель схватился, так меня так дернуло – мое почтение. Это вполне научное явление, около лужи.

А народу собралось вокруг этого факта много.

Вдруг милиционер идет.

Публика говорит:

– Обожди, братцы. Сейчас мы его тоже втравим. Пуцай его тоже дернет.

Подходит милиционер до этого злополучного участка.

– Что, – говорит, – такое? Какое такое подземное явление? А ну расходишь...

И сам прет по незнанию в самый опасный промежуток. Вступает он ногами на этот промежуток, и вдруг видим – ничего, не дергает милиционера.

Тут, прямо, в первую минуту население обалдело. Потому всех дергает, а милицию не дергает. Что такое? Неужели наука дает такую курскую аномалию в своих законах?

Милиционер строгой походкой проходит сквозь весь участок и разгоняет публику.

Тут один какой-то кричит:

– Так он, братцы, в калошах! Резина же не имеет права пропускать энергию.

Ничего на это милиционер не сказал, только строго посмотрел на население, скинул свои калоши и подошел к луже. Тут у лужи его и дернуло!

После этого народ стал спокойно расходиться. А вскоре прибыл электротехник и начал ковырять землю.

А милиционер еще раз, когда народ разошелся, подошел без калош до этого участка, но его снова дернуло.

Тогда он покачал головой, дескать, научное явление, и пошел стоять на свой перекресток.

1928

Кошка и люди

Печка у меня очень плохая. Вся моя семья завсегда угорает через нее. А чертов жакт починку производить отказывается. Экономит. Для очередной растраты.

Давеча осматривали эту мою печку. Выюшки глядели. Ныряли туда вовнутрь головой.

– Нету, – говорят. – Жить можно.

– Товарищи, – говорю, – довольно стыдно такие слова произносить: жить можно. Мы завсегда угораем через вашу печку. Давеча кошка даже угорела. Ее тошнило давеча у ведра. А вы говорите – жить можно.

Председатель жакта говорит:

– Тогда, – говорит, – устроим сейчас опыт и посмотрим, угорает ли ваша печка. Ежели мы сейчас после топки угорим – ваше счастье – переложим. Ежели не угорим – извиняемся за отопление.

Затопили мы печку. Расположились вокруг ее.

Сидим. Нюхаем.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Так, у вьюшки, сел председатель, так – секретарь Грибоедов, а так, на моей кровати, – казначей.

Вскоре стал, конечно, угар по комнате проноситься. Председатель понюхал и говорит:

– Нету. Не ощущается. Идет теплый дух, и только.

Казначей, жаба, говорит:

– Вполне отличная атмосфера. И нюхать ее можно. Голова через это не ослабевает. У меня, – говорит, – в квартире атмосфера хуже воняет, и я, – говорит, – не скулю понапрасну. А тут совершенно дух ровный.

Я говорю:

– Да как же, помилуйте, – ровный. Эвон, как газ струится.

Председатель говорит:

– Позовите кошку. Ежели кошка будет смирно сидеть, значит, ни хрена нету. Животное завсегда в этом бескорыстно. Это не человек. На нее можно положиться.

Приходит кошка. Садится на кровать. Сидит тихо. И, ясное дело, тихо – она несколько привыкшая.

– Нету, – говорит председатель, – извиняемся.

Вдруг казначей покачнулся на кровати и говорит:

– Мне надо, знаете, спешно идти по делу.

И сам подходит до окна и в щелку дышит.

И сам стоит зеленый и прямо на ногах качается.

Председатель говорит:

– Сейчас все пойдем.

Я оттянул его от окна.

– Так, – говорю, – нельзя экспертизу строить.

Он говорит:

– Пожалуйста. Могу отойти. Мне ваш воздух вполне полезный. Натуральный воздух, годный для здоровья. Ремонта я вам не могу делать. Печка нормальная.

А через полчаса, когда этого самого председателя ложили на носилки и затем задвигали носилки в каретку «скорой помощи», я опять с ним разговорился.

Я говорю:

– Ну, как?

– Да нет, – говорит, – не будет ремонта. Жить можно.

Так и не починили.

Ну что ж делать? Привыкаю. Человек не блоха – ко всему может привыкнуть.

1928

Иностранцы

Иностранца я всегда сумею отличить от наших советских граждан. У них, у

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru буржуазных иностранцев, в морде что-то заложено другое. У них морда, как бы сказать, более неподвижно и презрительно держится, чем у нас. Как, скажем, взято у них одно выражение лица, так и смотрится этим выражением лица на все остальные предметы.

Некоторые иностранцы для полной выдержки монокль в глазах носят. Дескать, это стеклышко не уроним и не сморгнем, чего бы ни случилось.

Это, надо отдать справедливость, здорово.

А только иностранцам иначе и нельзя. У них там буржуазная жизнь довольно беспокойная. Им там буржуазная мораль не позволяет прожить естественным образом. Без такой выдержки они могут ужасно осрамиться.

Как, например, один иностранец костью подавился. Курятину, знаете, кушал и заглотал лишнее. А дело происходило на званом обеде. Мне про этот случай один знакомый человек из торгпредства рассказывал.

Так дело, я говорю, происходило на званом банкете. Кругом, может, миллионеры пришли. Форд сидит на стуле. И еще разные другие.

А тут, знаете, наряду с этим человек кость заглотал.

Конечно, с нашей свободной точки зрения в этом факте ничего такого оскорбительного нету. Ну, проглотил и проглотил. У нас на этот счет довольно быстро. Скорая помощь. Мариинская больница. Смоленское кладбище.

А там этого нельзя. Там уж очень исключительно избранное общество. Кругом миллионеры расположились. Форд на стуле сидит. Опять же фраки. Дамы. Одного электричества горит, может, больше, как на двести свечей.

А тут человек кость проглотил. Сейчас сморгаться начнет. Харкать. За горло хвататься. Ах, Боже мой! Моветон и черт его знает что.

А выйти из-за стола и побежать в ударном порядке в уборную – там тоже нехорошо, неприлично. «Ага, – скажут, – побежал до ветру». А там этого абсолютно нельзя.

Так вот этот француз, который кость заглотал, в первую минуту, конечно, смертельно испугался. Начал было в горле копать. После ужасно побледнел. Замотался на своем стуле. Но сразу взял себя в руки. И через минуту заулыбался. Начал дамам посылать разные воздушные поцелуи. Начал, может, хозяйскую собачку под столом трепать.

Хозяин до него обращается по-французски.

– Извиняюсь, – говорит, – может, вы чего-нибудь действительно заглотали несъедобное? Вы, – говорит, – в крайнем случае скажите.

Француз отвечает:

– Коман? В чем дело? Об чем речь? Извиняюсь, – говорит, – не знаю, как у вас в горле, а у меня в горле все в порядке.

И начал опять воздушные улыбки посылать. После на бламанже налег. Скушал порцию.

Одним словом, досидел до конца обеда и никому виду не показал.

Только когда встали из-за стола, он слегка покачнулся и за брюхо рукой взялся – наверное, колынуло. А потом опять ничего.

Посидел в гостиной минуты три для мелкобуржуазного приличия и пошел в переднюю.

Да и в передней не особо торопился, с хозяйкой побеседовал, за ручку подержался, за калошами под стол нырнул вместе со своей костью. И отбыл.

Ну, на лестнице, конечно, поднажал.

Бросился в свой экипаж.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Вези, – кричит, – куриная морда, в приемный покой.

Подох ли этот француз или он выжил, – я не могу вам этого сказать, не знаю. Наверное, выжил. Нация довольно живучая.

1928

Мелкий случай

Конечно, случай этот мелкий, не мирового значения. Некоторые людишки очень даже свободно не поймут, в чем тут дело.

Нэпман, например, у которого, может, в каждом жилетном кармане серебро гремит, тоже навряд ли разберется в этом происшествии.

Зато поймет это дело простой рабочий человек, который не гребет деньги лопатой. Такой человек поймет и очень даже горячо посочувствует Василию Ивановичу.

Дело в том, что Василий Иванович купил билет в театр.

В день полочки Вася специально зашел в театр и, чтоб зря не растратиться, купил заблаговременно билет в шестнадцатом ряду.

Человек давно мечтал провести вечер в культурном общежитии. И в силу этого целковый отдал, не моргнув глазом. Только языком чуть щелкнул, когда кассир монету загребал.

А к этому спектаклю Василий Иванович очень серьезно готовился. Помылся, побрился, галстук привязал.

Ох, ох, Василий Иванович, Василий Иванович! Чувствовало ли твое благородное сердце житейский подвох? Предвидел ли ты все мелочи жизни? Не дрогнула ли у тебя стальная рука, привязывая галстук?

Ох, ох, грустные дела, скучные дела происходят на свете!

А в день спектакля Василий Иванович в очень радостно-веселом настроении пошел в театр.

«Другие, – думает, – людишки, нет на них погребели, в пивные ходят или в пьяном угаре морды об тумбу разбивают. А тут идешь себе в театр. С билетом. Тепло, уютно, интеллигентно. И цена за все – рубль».

Пришел Василий Иванович в театр минут за двадцать.

«Пока, – думает, – то да се, пока разденусь да схожу оправиться, да галстук потуже привяжу – оно в аккурат и будет».

Начал наш милый товарищ Василий Иванович раздеваться, глядит, на стене объявление – двадцать копеек с персоны за раздеванье.

Екнуло у Василия Ивановича сердце.

«Нету, – думает, – у меня таких денег. За билет, да, действительно, сполна уплачено. А больше нету. Копеек восемь, должно быть, набежит. Если, – думает, – за эту сумму не пристрою одежду, то худо. Придется в пальто и галошах преть и на шапке сидеть».

Разделся наш сердечный друг, Василий Иванович. Подает одежду с галошами за барьер.

– Извини, – говорит, – дядя, мелких мало. Прими в руку что есть, не считая.

А при вешалке, как раз наоборот, попался человек циничный. Он сразу пересчитал мелкие.

– Ты, – говорит, – что ж это, собачья кровь, шесть копеек мне в руку кладешь? Я,

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
– говорит, – за это могу тебя галошей по морде ударить!

Тут сразу между ними ссора произошла. Крик.

Вешальщик орет:

– Да мне, может, за эти мелкие противно за твоими галошами ухаживать. Отойди от моей вешалки, не то я за себя не ручаюсь!

Василий Иванович говорит:

– Ты, зараза, не ори на меня. Не подрывай авторитета в глазах буржуазии. Прими одежду, как есть, я тебе завтра занесу остатние.

Вешальщик говорит:

– Ты меня буржуазией не стращай. Я, – говорит, – не испугался. Отойди от моей вешалки на пушечный выстрел, арапская твоя личность!

Тут, конечно, другие вешальщики начали обсуждать эпизод. Дискуссия у них поднялась, дескать, можно ли шесть копеек в руку совать.

А время, конечно, идет. Последние зрители бегут в зал. Акт начинается.

Васин вешальщик орет за своим барьером:

– Пущай, – говорит, – этот паразит в другой раз со своей вешалкой приходит!
Пущай, – говорит, – сам вешает и сам сторожит.

Василий Иванович чуть не заплакал от обиды.

– Ах ты, – говорит, – старая морда, верзила-мученик! Да я, – говорит, – за эти выражения могу тебе всю бороду выдернуть.

Тут Василий Иванович поскорей надел пальто, положил галоши в шапку и бросился к дверям. Бросился к дверям – не пуцают в одеже.

– Братцы, – говорит Василий Иванович, – милые товарищи, билет же, глядите, вот у меня в руке. Оторвите от него корешок и пропустите.

Нет, не пускают.

Тут, действительно, Василий Иванович прямо заметался. Спектакль идет. Музыка раздается. Билет в руке. И пройти нельзя.

Поскорее разделся Василий Иванович, завернул одежу в узел. Ткнулся с узлом в дверь – не дозволяют.

– Вы бы, – говорят, – еще перину с собой принесли.

А время идет. Музыка гремит. Антракт начинается.

Василий Иванович совершенно упал духом.

Бросился до своего вешальщика.

– Ах ты, – говорит, – распродажная твоя личность! Глядите, какую харю наел, ухаживая за нэпом!

Еще немного – и произошла бы некрасивая стычка. Но, спасибо, другие вешальщики розняли.

Один старенький, наиболее добродушный вешальщик говорит Василию Ивановичу:

– Прямо, – говорит, – очень жалко на тебя глядеть, как ты расстраиваешься. Вешай ко мне задаром. Только, – говорит, – завтра, Христа ради, не позабудь принести.

Василий Иванович говорит:

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Чего мне теперь вешать, раз второе действие идет! Я, – говорит, – все равно теперь ни хрена не пойму. Я, – говорит, – не привык пьесы с конца глядеть.

Начал Василий Иванович продавать свой билет кому попало. С трудом продал за гривенник одному беспризорному. Плюнул в сторону своего вешальщика и вышел на улицу.

1928

Хамство

Я-то сам не был за границей, так что не могу вам объяснить, чего там такое происходит.

Но вот недавно мой друг и приятель из-за границы прибыл, так он много чего оригинального рассказывает.

Главное, говорит, там капитализм заедает. Там без денег прямо, можно сказать, дыхнуть не дадут. Там деньги у них на первом месте. Сморгнулся – и то гони пфенниг.

У нас деньги тоже сейчас довольно-таки часто требуются. Можно сказать: куда ни плюнь – за все вытаскивай портмоне. Но все-таки у нас гораздо как будто бы легче.

У нас, например, можно на чай не дать. Ничего такого не произойдет. Ну скривит официант морду или стулом двинет – дескать, сидел тоже, рыжий пес... И все.

А некоторые, наиболее сознательные, так и стульями двигать не станут. А только вздохнут – дескать, тоже публика.

А там у них, за границей, ежели, для примера, на чай не дать – крупные неприятности могут произойти. Я, конечно, не был за границей – не знаю. А вот с этим моим приятелем случилось. Он в Италии был. Хотел на Максима Горького посмотреть. Но не доехал до него. Расстроился. И назад вернулся.

А все дело произошло из-за чаевых.

Или у моего приятеля денег было мало, или у него убеждения хромали и не позволяли, но только он никому на чай не давал. Ни в ресторанах, ни в гостиницах – никому.

А то, думает, начнешь давать – с голым носом домой вернешься.

Там ведь служащего народу дьявольски много. Это у нас, скажем, сидит один швейцар у дверей и никого не беспокоит. Его даже не видно за газетой. А там, может, одну дверь тридцать человек открывают. Ну-те, попробуй всех одели!

Так что мой приятель никому не давал.

А приехал он в первую гостиницу. Приняли его там довольно аккуратно. Вежливо. Шапки сымали, когда он проходил. Прожил он в таком почете четыре дня и уехал в другой город. И на чай, конечно, никому не дал. Из принципа.

Приехал в другой город. Остановился в гостинице. Смотрит – не тот коленкор. Шапок не сымают. Говорят сухо. Нелюбезно. Лакеи морды воротят. И ничего быстро не подадут.

Мой приятель думает: хамская гостиница. Возьму, думает, и перееду.

Взял и переехал он в другую гостиницу. Смотрит – совсем плохо. Только что по роже не бьют. Чемоданы роняют. Подадут плохо. На звонки никто не является. Грубят.

Больше двух дней не мог прожить мой приятель и в страшном огорчении поехал в другой город.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
В этом городе, в гостинице, швейцар чуть не прищемил моего приятеля дверью – до того быстро ее закрыл. Номер же ему отвели у помойки, рядом с кухней. Причем коридорные до того громко гремели ногами около его двери, что мой приятель прямо-таки захворал нервным расстройством. И, не доехав до Максима Горького, вернулся на родину.

И только перед самым отъездом случайно встретил своего школьного товарища, которому и рассказал о своих неприятностях.

Школьный товарищ говорит:

– Очень, – говорит, – понятно. Ты небось чаевые давал плохо. За это они тебе, наверное, минусы на чемоданы ставили. Они всегда отметки делают. Которые дают – плюс, которые хамят – минус.

Прибежал мой приятель домой. Действительно, на левом углу чемодана – четыре черточки.

Стер эти черточки мой приятель и поехал на родину.

1928

Выгодная комбинация

В настоящее время жить как-то стало, братцы мои, очень выгодно.

С одной стороны, полная дешевка – иголка три копейки стоит. А с другой стороны, все время какие-то выгодные комбинации случаются. Ежедневно какая-то выгода происходит. То одно, то другое. То чего-нибудь не купишь, то не пошамаешь.

А давеча, смешно сказать, двугривенный заработал. За что? За какой свободный труд? Да просто так. Постоял три часа с небольшим и заработал.

А сначала предстоял мне полный убыток.

Тетка из Тамбова ужасно жалостливое письмо прислала.

«Пришли, – пишет, – за ради Бога, фотографическую карточку. Я, – говорит, – тебя все-таки на руках носила и соской кормила. И теперича двадцать девять лет не видела. Наверное, с тех пор ты очень изменился. Пришли свою карточку – охота поглядеть».

Делать, конечно, нечего. Настрочил тетке подходящий ответ, вложил в конверт фотографическую карточку, где в профиль снят, и побежал на почту это заказное письмо отправлять.

Прибежал на почту – кругом у каждого окна очередь.

– Так что, – говорю, – где тут заказные отправляют?

– Эвон, у того окна. Становись в эту очередь.

А очередь до двери, черт ее побери.

Встал в очередь. Начал, конечно, про тетку думать. Потом про всех родственников. Потом про знакомых. Вдруг очередь подходит.

Подаю письмо.

Почтовый служащий, блондин, говорит:

– А марки где?

Я говорю:

– У вас марки. У вас, – говорю, – почтовое отделение, а не у меня. Вот примите деньги.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Он говорит:

– Вы, – говорит, – деньги мне зря не суйте. Я, – говорит, – сам сунуть могу. Тут, – говорит, – идет как раз наоборот приемка заказной корреспонденции. А марки – второе окно налево. Пора бы на одиннадцатый год разбираться в вопросах.

Хотел я схлестнуться с этим блондином, но задние ряды, к сожалению, меня в этот момент оттиснули от окна.

Это, думаю, худо. Зря в очереди стоял. Однако делать нечего – пошел ко второму окну.

Встал в очередь. За марками. Начал, конечно, про знакомых думать. Потом про бабушку. Потом вообще о государственном строительстве. Вдруг моя очередь подходит.

Купил на шестнадцать копеек марок. Побежал до своей заказной очереди. Гляжу, она стала еще длинней.

Хотел было сунуться без очереди – не разрешают, оттягивают.

Встал тогда в очередь. Начал про всякую чепуху думать. Бабушка чегой-то опять на память пришла. Вообще разные старушки в голове начали мелькать и тесниться. Вдруг подходит моя очередь.

Подаю письмо.

Служащий, блондин, прикинул письмо на весы и говорит:

– Так что письмо тяжелее обыкновенного. Что вы туда, камней напихали, что ли? Еще, – говорит, – прикупите копеек на пять разных марок.

Хотел я опять схлестнуться с этим блондином – опять оттеснили.

Побежал я до окошечка с марками. Стал в очередь. Купил на пятак марок.

Побежал с марками обратно до своей заказной очереди. Встал в затылок. Стою. Отдыхаю.

Стоял, стоял – вдруг передние граждане что-то зашумели. Что такое? Так что, говорят, вечер приближается. Служащие кончают работу. Нельзя же их целый день эксплуатировать. А которая публика заказную корреспонденцию отправляет – пуцай на телеграф сдает, третье окно направо.

Ринулась публика туда. Только я один не ринулся.

Я положил письмо в боковой карман, подсчитал в уме чистую прибыль от сегодняшней комбинации и пошел до дому.

Материнство и младенчество

Вот кому я не завидую – это старухам. Вот старухам я, действительно верно, почему-то не завидую. Мне им, как бы сказать, нечего завидовать.

Это народ не гибкий. Они в жизни обертываются худо. Или я так скажу: неумело. К тому же, в силу возраста, они не могут заняться физкультурой, отчего имеют постоянную душевную меланхолию и непонимание путей строительства. И вообще цепляются за старый быт.

Только я ничего не говорю – бывают разные пансионаты для престарелых старух, разные, так сказать, богадельни. Их туда принимают. Им там кушать дают. Там им светло и тепло. И они там чай пьют, и мягкие булочки жрут, и котлетами закусывают.

Конечно, попасть туда не все могут. А то бы, знаете, чересчур набилось. Некоторым, может, трудового стажа не хватает туда попасть. Опять же некоторые бывают классово невыдержанные старушки. Этим я тоже не завидую. Жалеть – не жалею, но не завидую.

Такая была А.С. Баранова. Такая немолодая старуха. Ей невозможно было пенсион

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru схлопотать по причине ее ненастоящего происхождения. Ее супруг был, я извиняюсь, бывший торговец. Он при царизме ларек держал.

Так что в этом житейском отношении старушке была труба. Главное, родственнички ее все, как один, подошли за бурные годы нэпа. А супруг ее, бывший торговец, тоже не очень давно скончался от расстройства сердечной деятельности. И осталась эта гражданка ни при чем.

То есть что значит – ни при чем? Она имела какое-то барахлишко. Она имела некоторую мебель, некоторые лампы и абажуры и всякие разные вещицы от ее бывшего затхлого мещанского быта.

Только про это она так располагала:

«Ну, – думает, – прожру я эти бывшие вещицы, и может, я еще тридцать пять лет протяну. Это же надо понимать».

А тут начали, конечно, ей разные жильцы советы преподавать.

– Ты, – говорят, – цветки делай на пасхальные дни. Или, – говорят, – перекинься на антисанитарный фронт – полы мой или окошки протирай.

А был среди домашних жильцов такой вообще сукин сын, Петров-Тянуев. Вообще интеллигент. Он так ей говорит:

– Допустим, – говорит, – человек должен прокормиться. И допустим, он ничего не знает, ничего не понимает, цепляется за старый быт и в союзе не состоит. На какой он фронт должен тогда податься? А он должен податься на детский фронт. Пушай происходят разные колебания, но, промежду прочим, такое явление, как материнство и младенчество, завсегда остается в силе. Или, – говорит, – еще кухня. Хотя, – говорит, – это последнее потерпело некоторые изменения. Разные произошли общественные столовые и вообще раскрепощение домашних хозяек.

А. С. Баранова отвечает:

– Кухню я, безусловно, не могу. Я, – говорит, – от жары чрезвычайно сильно задыхаюсь и имею крупное сердцебиение. А что касается младенчества, то, – говорит, – я их и в руках никогда не имела и их не понимала.

Петров-Тянуев так ей говорит:

– А вам, – говорит, – ничего такого и не надо. Я, – говорит, – сам очень огорчаюсь и сочувствую, что я не дама, я бы, – говорит, – свободно заимел тогда легкую и приятную жизнь. Я бы, – говорит, – ходил себе по садикам, ходил бы по бульварам. Я бы, – говорит, – разных ребят похваливал. Или бы маме чего-нибудь похвальное сказал в смысле ихнего малыша или младенца. Родители, – говорит, – это очень обожают и за это в долгу не останутся. А вы, – говорит, – тем более, такая старушка чистенькая. Вам копейку неудобно подать. Вам две копейки дадут. А кто и три. Или велят клистирчик малютке поставить. Или попросят кашку сварить. Одним словом, вам очень прилично пойти на детский фронт.

Или он ее еще уговаривал, или она сразу раскумекала, как и чего, только, действительно, пошла по такой легкой тропинке.

Недели, может, три или две она славно жила. Она имела мягкие булки и детские квадратные печенья. Она имела бутерброды и детские игрушки. Но потом ей не понравилось это дело, и она перекинулась на санитарный фронт.

То есть не то чтобы ей не понравилось. Ей понравилось. А только невозможно было работать. Нерентабельно. Ей младенца подсудобили.

Она имела разговор на бульваре. Ей девочка понравилась. Она ее маме об этом сказала.

Мамаша, чей младенец, так ей говорит:

– Вы, – говорит, – действительно так детей обожаете?

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
– Да уж, – говорит, – прямо горю, как на их гляжу.

– А ну, – говорит, – подержите девочку.

Сначала подержите, потом поносите. И сошла с круга. Не явилась обратно.

Наша А.С. Баранова ждала и волновалась, но после отдала младенца в милицию.

А очень над ней в доме хохотали.

Петров-Тянуев говорит:

– Это, – говорит, – просто несчастный случай. Конечно, особенно захваливать не требуется, но это верное, святое дело – материнство и младенчество. Умоляю вас, не бросайте!

Однако А.С. Баранова бросила это дело и перекинулась на санитарный фронт. И живет не так худо. Хотя и не так хорошо.

1929

Летняя передышка

Конечно, занять собственную отдельную квартирку – это все-таки как-никак мещанство.

Надо жить дружно, коллективной семьей, а не запираяться в своей домашней крепости.

Надо жить в коммунальной квартире. Там все на людях. Есть с кем поговорить. Посоветоваться. Подраться. Конечно, имеются свои недочеты.

Например, электричество дает неудобство.

Не знаешь, как рассчитывать. С кого сколько брать.

Конечно, в дальнейшем, когда наша промышленность развернется, тогда можно будет каждому жильцу в каждом углу поставить хотя по два счетчика. И тогда пуцай сами счетчики определяют отпущенную энергию. И тогда, конечно, жизнь в наших квартирах засияет как солнце.

Ну а пока, действительно, имеем сплошное неудобство.

Для примера, у нас девять семей. Один провод. Один счетчик. В конце месяца надо к расчету строиться. И тогда, конечно, происходят сильные недоразумения и другой раз мордобой.

Ну хорошо, вы скажете: считайте с лампочки.

Ну хорошо, с лампочки. Один сознательный жилец лампочку-то, может, на пять минут зажигает, чтоб раздеться или блоху поймать. А другой жилец до двенадцати ночи чего-то там жует при свете. И электричество гасить не хочет. Хотя ему не узоры писать.

Третий найдется такой, без сомнения интеллигент, который в книжку глядит буквально до часу ночи и больше, не считаясь с общей обстановкой.

Да, может быть, еще лампочку перевертывает на более ясную. И алгебру читает, что днем.

Да закрывшись еще в своей берлоге, может, тот же интеллигент на электрической вилке кипятков кипятит или макароны варит. Это же понимать надо!

Один у нас такой был жилец – грузчик, так он буквально свихнулся на этой почве. Он спать перестал и все добивался, кто из жильцов по ночам алгебру читает и кто на вилках продукты греет. И не стало человека. Свихнулся.

И после того как он свихнулся, его комнату заимел его родственник. И вот тогда и

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru началась форменная вакханалия.

Каждый месяц у нас набегало по счетчику, ну, не более двенадцати целковых. Ну, в самый захудалый месяц, ну, тринадцать. Это, конечно, при контроле жильца, который свихнулся. У него контроль очень хорошо был поставлен. Он, я говорю, буквально ночи не спал и каждую минуту ревизию делал. То сюда зайдет, то туда. И все грозил, что топором разрубит, если найдет излишки. Еще удивительно, как другие жильцы с ума не свихнулись от такой жизни.

Так вот, имели в месяц не свыше двенадцати рублей.

И вдруг имеем шестнадцать. Пардон! В чем дело? Это какая же собака навертела такое количество? Или это вилка, или грелка, или еще что.

Поругались, поругались, но заплатили.

Через месяц имеем обратно шестнадцать.

Которые честные жильцы, те прямо говорят:

– Неинтересно жить. Мы будем, как подлецы, экономить, а другие току не жалеют. Тогда и мы не будем жалеть. Тогда и мы будем вилки зажигать и макароны стряпать.

Через месяц мы имели по счетчику девятнадцать.

Ахнули жильцы, но все-таки заплатили и начали наворачивать. Свет не тушат. Романы читают. И вилки зажигают.

Через месяц имели двадцать шесть.

И тогда началась полная вакханалия.

Одним словом, когда докрутили счетчик до тридцати восьми рублей, тогда пришлось прекратить энергию. Все отказались платить. Один интеллигент только умолял и за провод цеплялся, но с ним не посчитались. Обрезали.

Конечно, это сделали временно. Никто не против электрификации. На общем собрании так и заявили: дескать, никто не против и в дальнейшем похлопочем и включимся в сеть. А пока и так ладно. Дело тем более к весне. Светло. А там лето. Птички поют. И свет ни к чему. Не узоры писать. Ну а зимой – там видно будет. Зимой, может, снова включим электрическую тягу. Или контроль устроим, или еще что.

А пока надо летом отдохнуть. Устали от этих квартирных делов.

1929

Землетрясение

Во время знаменитого крымского землетрясения жил в Ялте некто такой Снопков.

Он сапожник. Кустарь. Он держал в Ялте мастерскую. Не мастерскую, а такую каменную будку имел, такую небольшую халупку.

И он работал со своим приятелем на пару. Они оба-два приезжие были. И производили починку обуви как местному населению, так и курсовым гражданам.

И они жили определенно нехудо. Зимой, безусловно, голодовали, но летом работы чересчур хватало. Другой раз даже выпить было некогда. Ну, выпить-то, наверное, времени хватало. Чего-чего другого...

Так и тут. Перед самым, значит, землетрясением, а именно, кажется, в пятницу одиннадцатого сентября, сапожник Иван Яковлевич Снопков, не дождавшись субботы, выкушал полторы бутылки русской горькой.

Тем более он кончил работу. И тем более было у него две бутылки запасено. Так что чего же особенно ждать? Он взял и выкушал. Тем более он еще не знал, что будет землетрясение.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
И вот выпил человек полторы бутылки горькой, немножко, конечно, поколбасился на улице, спел чего-то там такое и назад к дому вернулся.

Он вернулся к дому назад, лег во дворе и заснул, не дождавшись землетрясения.

А он, выпивши, обязательно во дворе ложился. Он под крышей не любил в пьяном виде спать. Ему нехорошо было под потолком. Душно. Его мутило. И он всегда чистое небо себе требовал.

Так и тут. Одиннадцатого сентября, в аккурат перед самым землетрясением, Иван Яковлевич Снопков набрался горькой, сильно захмелел и заснул под самым кипарисом во дворе.

Вот он спит, видит разные интересные сны, а тут параллельно с этим происходит знаменитое крымское землетрясение. Домишки колышутся, земля гудит и трясется, а Снопков спит себе без задних ног и знать ничего не хочет.

А что до его приятеля, так его приятель с первого удара дал тигалья и расположился в городском саду, боясь, чтоб его камнем не убило.

Только рано утром, часов, может, около шести, продрал свои очи наш Снопков. Проснулся наш Снопков под кипарисом и, значит, свой родной двор нипочем не узнает. Тем более ихнюю каменную будку свалило. Не целиком свалило, а стена расползлась и забор набок рухнул. Только что кипарис тот же, а все остальное признать довольно затруднительно.

Продрал свои очи наш Снопков и думает:

«Мать честная, куда ж это меня занесло? Неужели, – думает, – я в пьяном виде вчерась еще куда-нибудь зашел? Ишь ты, кругом какое разрозненное хозяйство! Только не понять – чье. Нет, – думает, – нехорошо так в дым напиваться. Алкоголь, – думает, – чересчур вредный напиток, ни черта в памяти не остается».

И так ему на душе неловко стало, неинтересно.

«Эва, – думает, – забрел куда. Еще спасибо, – думает, – во дворе прилег, а нуте на улице: мотор может меня раздавить или собака может чего-нибудь такое отгрызть. Надо, – думает, – полегче пить или вовсе бросить».

Стало ему нехорошо от этих мыслей, загорюнился он, вынул из кармана остальные полбутылки и тут же от полного огорчения выкушал.

Выкушал Снопков жидкость и обратно захмелел. Тем более он не жрал давно, и тем более голова была ослабши с похмелюги.

Вот захмелел наш Снопков, встал на свои ножки и пошел себе на улицу.

Идет он по улице и с пьяных глаз нипочем улицу не узнает. Тем более после землетрясения народ стаями ходит. И все на улице, никого дома. И все не в своем виде, полуодетые, с перинами и матрацами.

Вот Снопков ходит себе по улице, и душа у него холодеет.

«Господи, – думает, – семь-восемь, куда же это я, в какую дыру зашел? Или, – думает, – я в Батум на пароходе приехал? Или, может, меня в Турцию занесло? Эвон народ ходит раздевшись, все равно как в тропиках».

Идет, пьяный, и прямо чуть не рыдает.

Вышел на шоссе и пошел себе, ничего не признавая.

Шел, шел и от переутомления и от сильного алкоголя свалился у шоссе и заснул как убитый.

Только просыпается – темно, вечер. Над головой звезды сверкают. И прохладно. А почему прохладно – он лежит при дороге раздетый и разутый. Только в одних подштанниках.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Лежит он при дороге, совершенно обобраный, и думает:

«Господи, – думает, – семь-восемь, где же это я обратно лежу?»

Тут действительно испугался Снопков, вскочил на свои босые ножки и пошел по дороге.

Только прошел он сгоряча верст, может, десять и присел на камушек.

Он присел на камушек и загорюнился. Местности он не узнает, и мыслей он никаких подвести не может.

И душа и тело у него холодеют. И жрать чрезвычайно хочется.

Только под утро Иван Яковлевич Снопков узнал, как и чего. Он у прохожего спросил.

Прохожий ему говорит:

– А ты чего тут, для примеру, в кальсонах ходишь?

Снопков говорит:

– Прямо и сам не понимаю. Скажите, будьте любезны, где я нахожусь?

Ну, разговорились. Прохожий говорит:

– Так что до Ялты верст, может, тридцать будет. Эва куда ты зашел!

Ну, рассказал ему прохожий насчет землетрясения, и чего где разрушило, и где еще разрушается.

Очень Снопков огорчился, что землетрясение идет, и заспешил в Ялту.

Так через всю Ялту и прошел он в своих кальсонах. Хотя, впрочем, никто не удивился по случаю землетрясения. Да, впрочем, и так никто бы не поразился.

После подсчитал Снопков свои убытки: уперли порядочно. Наличные деньги – шестьдесят целковых, пиджак – рублей восемь, штаны – рубля полтора и сандалии почти что новенькие. Так что набежало рублей до ста, не считая пострадавшей будки.

Теперь И. Я. Снопков собрался ехать в Харьков. Он хочет полечиться от алкоголя. А то выходит себе дороже.

Чего хочет автор сказать этим художественным произведением?

Этим произведением автор энергично выступает против пьянства. Жало этой художественной сатиры направлено в аккурат против выпивки и алкоголя.

Автор хочет сказать, что выпивающие люди не только другие более нежные вещи – землетрясение и то могут проморгать.

Или как в одном плакате сказано: «Не пей! С пьяных глаз ты можешь обнять своего классового врага!»

И очень даже просто, товарищи.

1930

Больные

Человек – животное довольно странное. Нет, навряд ли оно произошло от обезьяны. Старик Дарвин, пожалуй что, в этом вопросе слегка заврался.

Очень уж у человека поступки – совершенно, как бы сказать, чисто человеческие. Никакого, знаете, сходства с животным миром. Вот, если животные разговаривают на каком-нибудь своем наречии, то вряд ли они могли бы вести такую беседу, как я

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru давеча слышал.

А это было в лечебнице. На амбулаторном приеме. Я раз в неделю по внутренним болезням лечусь. У доктора Опушкина. Хороший такой, понимающий медик. Я у него пятый год лечусь. И ничего, болезнь не хуже.

Так вот, прихожу в лечебницу. Записывают меня седьмым номером. Делать нечего – надо ждать.

Вот присаживаюсь в коридоре на диване и жду.

И слышу – ожидающие больные про себя беседуют. Беседа довольно тихая, вполголоса, без драки.

Один такой дядя, довольно мордастый, в коротком полупальто, говорит своему соседу:

– Это, – говорит, – милый ты мой, разве у тебя болезнь – грыжа. Это плюнуть и растереть – вот вся твоя болезнь. Ты не гляди, что у меня морда выпуклая. Я тем не менее очень больной. Я почками хвораю.

Сосед несколько обиженным тоном говорит:

– У меня не только грыжа. У меня легкие ослабшие. И вот еще жировик около уха.

Мордастый говорит:

– Это безразлично. Эти болезни разве могут равняться с почками!

Вдруг одна ожидающая дама в байковом платке язвительно говорит:

– Ну, что ж, хотя бы и почки. У меня родная племянница хворала почками – и ничего. Даже шить и гладить могла. А при вашей морде болезнь ваша малоопасная. Вы не можете помереть через эту вашу болезнь.

Мордастый говорит:

– Я не могу помереть! Вы слышали? Она говорит, я не могу помереть через эту болезнь. Много вы понимаете, гражданка! А еще суетесь в медицинские разговоры.

Гражданка говорит:

– Я вашу болезнь не унижаю, товарищ! Это болезнь тоже самостоятельная. Я это признаю. А я к тому говорю, что у меня, может, болезнь посерьезнее, чем ваши разные почки. У меня – рак.

Мордастый говорит:

– Ну, что ж – рак, рак. Смотря какой рак. Другой рак – совершенно безвредный рак. Он может в полгода пройти.

От такого незаслуженного оскорбления гражданка совершенно побледнела и затряслась. Потом всплеснула руками и сказала:

– Рак в полгода. Видали! Ну, не знаю, какой это рак ты видел. Ишь морду-то отрастил за свою болезнь.

Мордастый гражданин хотел достойным образом ответить на оскорбление, но махнул рукой и отвернулся.

В это время один ожидающий гражданин усмехнулся и говорит:

– А собственно, граждане, чего вы тут расхвастались?

Больные посмотрели на говорившего и молча стали ожидать приема.

Грустные глаза

Мне нравятся веселые люди. Нравятся сияющие глаза, звонкий смех, громкий говор. Крики.

Мне нравятся румяные девушки с коньками в руках. Или такие, знаете, в майках, в спортивных туфельках, прыгающие вверх и вниз.

Я не люблю эту самую поэзию, где грусть, и печаль, и разные вздохи, и разные тому подобные меланхолические восклицания вроде: «эх», «ну», «чу», «Боже мой», «ох», «фу-ты» и так далее.

Мне даже, знаете, смешно делается, когда хвалят чего-нибудь грустное или, например, говорят при виде какой-нибудь особы:

– Ах, у нее, знаете, такие прекрасные грустные глаза. И такое печальное поэтическое личико.

Я при этом думаю: «За что ж тут хвалить? Напротив, надо сочувствовать и надо вести названную особу на медицинский пункт, чтоб выяснить, какие болезни подтачивают ее нежный организм и почему у нее сделались печальные глаза».

Нет, у людей бывает очень странный взгляд на вещи. Восхищаться грустными вещами. Восторгаться печальными фактами. Прямо даже не понять, как это бывает.

Вот прежние интеллигенты и вообще, знаете, старая Россия как раз особенно имела такой восторг ко всему печальному. И находила чего-то в этом возвышенное.

Как у Пушкина сказано. Не помню только, как там строчки расположены. Нынешняя поэзия меня в этом смысле окончательно сбила с панталыку. Одним словом, сказано:

От ямщика
До
Первого поэта
Мы
Все
Поем
Уныло...
...Печалию согрета
Гармония
И
наших
Дев
И муз.

Очень жаль. И гордиться, так сказать, этим не приходится. Нынче мы желаем развенчать эту грусть. Мы желаем, так сказать, скинуть ее с возвышенного пьедестала.

А как-то, знаете, однажды зашел ко мне в гости мой приятель. Ну, мы с ним на ты. Вообще со школьной скамьи. Делимся новостями. И друг у друга в долг занимаем.

Вот он приходит ко мне и говорит, что он влюбился в одну особу до потери сознания и вскоре на ней женится.

И тут же начинает расхваливать предмет своей любви.

– Такая, – говорит, – она у меня красавица, такие у нее грустные глазки, что я и в жизни никогда таких не видывал. И эти, – говорит, – глазки такой, как бы сказать, колорит дают, что из хорошенькой она делается премированная красавица. Личико у нее нельзя сказать, что интересное, и носик немножко подгулял, и бровки какие-то странные – очень косматые, но зато ее грустные глаза с избытком прикрывают все недостатки и делают ее из дурнушки ничего себе. Я, знаешь, – говорит, – ее и полюбил-то за эти самые глаза.

– Ну и дурак, – говорю я ему. – Вот и выходит, что ты форменный дурак. Прошляпился со своей женьбой. Раз у нее грустные глаза, значит, у нее в организме чего-нибудь не в порядке – либо она истеричка, либо почками страдает, либо вообще чахоточная. Ты, – говорю, – возьми да порасспроси ее хорошенько. Или

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
поведи к врачу, посоветуйся.

Ох, тут он очень возмутился, начал швыряться вещами, кричать и срамить меня за излишнюю склонность к грубому материализму.

– Я, – говорит, – жалею, что к тебе зашел. У меня такое было поэтическое настроение, а ты своими ручищами загрязнил мое чувство.

Стал он прощаться и уходить.

Я пытался ему рассказать, как я однажды встретил в Кисловодске одного носильщика с такими грустными глазами, что можно обалдеть. И при расспросе оказалось, что у него было ущемление груди. И теперь он должен бросить свою профессию.

Однако приятель не стал до конца слушать и, обидевшись еще сильнее за нетактичные параллели и сравнения, холодно подал мне руку и при этом бормотал разные оскорбительные слова, – дескать, ты черта лысого понимаешь в поэзии. Сам проплятил красоту в жизни.

Вот проходит что-то около полгода. Я позабываю эту историю. Но вдруг однажды встречаю своего приятеля на улице.

Он идет с расстроенным лицом и хочет не заметить меня.

Я подхожу к нему и спрашиваю, что случилось.

– Да так, – говорит, – разные неприятности. Ты мне накаркал – у жены, знаешь ли, легочный процесс открылся. Не знаю, теперь на юг мне ее везти или в санаторию положить.

Я говорю:

– Ну, ничего, поправится. Но, конечно, – говорю, – если поправится, то не будет иметь такие грустные глаза.

Он усмехнулся, махнул рукой – дескать, отвяжись – и пошел от меня.

И вот этой весной я встречаю его снова.

Он идет, подняв воротничок своего пальто. Вижу – морда у него расстроенная. Глаза блестят, но смотрят грустно и даже уныло.

– Вот, – говорит, – теперь сам, черт возьми, захворал туберкулезом. После гриппа. Конечно, может быть, и от жены заразился. Но вряд ли. Скорей всего от усталости захворал.

– А жена? – говорю.

Он говорит:

– Она поправилась. Только я с ней развелся. Мне нравятся поэтические особы, а она после поправки весь свой стиль потеряла. Ходит, поет, изменять начала на каждом шагу...

– А глаза? – говорю.

– А глаза, – говорит, – какие-то у ней буркалы стали, а не глаза. Никакой поэзии не осталось.

Тут я попрощался со своим приятелем и пошел по своим делам. И по дороге сочувственно поглядывал на тех прохожих, у кого грустные глаза.

1932

Испытание героев

Я, товарищи, два раза был на фронте: в царскую войну и во время революции, в гражданскую. Воевал, можно сказать, чертовски.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Однако особых героев я не знал.

А вообще говоря, герои были. Но особенно сильно запал мне в душу один человек.

Этот человек не был такой, что ли, очень крупный революционер или там народный предводитель, вождь или покоритель Сибири.

Это был обыкновенный помощник счетовода, некто Николай Антонович. Его фамилию я даже, к сожалению, позабыл.

А работал этот Николай Антонович совместно с нами в управлении советского хозяйства в городе Арюпино.

Нет, я никогда не был любитель работать в канцелярии! Мне завсегда хотелось найти более чего-нибудь грандиозное – какой-нибудь там простор полей, какие-нибудь леса, белки, звери, какой-нибудь там закат солнца. Хотелось ездить на велосипедах, на верблюдах, хотелось говорить разные слова, строить здания, сараи, железнодорожные пути и так далее и тому подобное.

Нет, я не был любитель перья в чернильницу макать.

Но, между прочим, пришлось мне поработать и на этом чернильном фронте.

Меня заставил пуститься на это дело целый ряд несчастных обстоятельств.

Я работал до этого в совхозе. Я имел командную должность – инструктор по кролиководству и куроводству.

Вот, имею я эту должность, и происходит у меня чудовищная пренеприятность.

А именно: стали у меня утки в пруде тонуть. То есть, скажите мне, бывшему инструктору по кролиководству и куроводству, что утка может в воде потонуть, я бы никогда этому не поверил и даже, наверное, грубо рассмеялся бы в ответ. Утка, можно сказать, существо вовсе и даже совершенно приспособленное к воде. Ей, по своей природе, вода доступна. Она плавает и ныряет прямо как утка, как рыба. И тонуть ей, ну, просто свыше не разрешается.

Однако у нас по неизвестной причине стали утки в прорубе тонуть. Куры, конечно, тоже параллельно с ними тонули. Но куры – это неудивительно, курам, по своей природе, тонуть допустимо. Но утка – это уже, знаете, слишком.

Тем не менее утки стали у меня тонуть. И за месяц потонуло у меня тридцать шесть уток.

Вот тонут у меня эти утки. А я – инструктор по кролиководству и птицеводству. И от этих делов у меня сердце замирает, руки холодеют и ноги отнимаются.

Стали мы наблюдать за этим делом. Видим – все в порядке. Прорубь на озере. Утки плавают и ныряют.

Вот они плавают, ныряют и забавляются. И видим мы, что обратно на лед они выйти не могут.

Другие утки, более мощные и которые похитрее, – те выходят при помощи своих собратьев по перу. Они нахально становятся другим уткам на голову и на что попало и после прыгают на лед.

А последние утки, более растерявшиеся и которым не на что опереться, – те, к сожалению, тонут. Они плавают подряд несколько часов, кричат нечеловеческими голосами и после, от полного утомления и от невозможности выйти на высокий лед, тонут.

Тут крестьяне из соседнего совхоза стали давать советы:

– Что вы, – говорят, – арапы, делаете с своей живностью! Вы, – говорят, – обязаны лед несколько поддолбить и песком его посыпать, а иначе, – говорят, – у вас вся птица на дно пойдет.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Тут, действительно верно, с нашей стороны был преступный недосмотр и, главное, незнание всей сути. И хотя в то время кой-какой экзамен на звание куровода мы и сдавали, однако о всех куриных тонкостях понятия не имели, тем более что экзамены мы сдавали во время голода, так что, собственно, даже и не до того было, не до экзаменов. К тому же мы сдавали в более южном районе, где зима бывает слабая и льду никакого нету. Так что таких вопросов, ну, просто не приходилось затрагивать.

Что касается своих совхозских ребят, то они, вероятно, кое-чего знали и понимали, но молчали. Тем более это им было на руку – они утонувших утей после составления акта жарили, парили и варили и, несмотря на утонутье, с наслаждением кушали их с кашей и с яблоками.

Вот потонуло у меня тридцать шесть утей, и, значит, дело дошло это до высшего начальства.

Вот начальство вызывает нас в управление, кричит и говорит разные гордые, бичующие слова, дескать, человек вы, без сомнения, в своем деле весьма опытный, ценный и понимающий, даже были ранены в начале гражданской войны, но поскольку, черт возьми, у вас утки стали тонуть, то это экономическая контрреволюция и шпионаж в пользу английского капитала. И если это так, то вы скорей всего не соответствуете своему назначению. Вас, говорят, мы, конечно, не увольняем, только сделайте милость, не работайте больше. А идите себе в управление – входящие бумаги, черт возьми, в папку зашивать.

Такие бичующие слова говорит мне высшее начальство и велит становиться в канцелярию.

Вот являюсь в канцелярию, в управление совхозов, и приступаю к своим прямым обязанностям.

А комиссаром в этом управлении был некто такой Шашмурин. Он был черноморский моряк. Очень такой отчаянный человек и дважды раненный герой гражданской войны. Но, между прочим, тем настоящим героем был не он. Настоящим героем оказался счетовод Николай Антонович.

Так вот, этот комиссар Шашмурин дело держал строго. Он опаздывать не разрешал, чуть что – ужасно ругался и всех работников канцелярии подозревал в том, что они мало сочувствуют делу коммунизма. И от этого вопроса он сильно страдал и волновался.

– Ну, конечно, – говорит, – еще бы, все вы, чуть что, морды свои отвернете. Ну-те, придет белая гвардия, и вы, – говорит, – обратно начнете свои канцелярские спины выгибать и разные чудные царские и дворянские слова говорить.

Белый же фронт, действительно верно, был от нас не очень далеко. Нет, он до нас не дошел. Но пока что он подвигался, и даже одно время мы ожидали падения города Арюпино Смоленской губернии.

И чем более, знаете, подвигался белый фронт, тем ужасней был наш военный комиссар Шашмурин.

Он очень всех ругал последними словами, волновался и выпрашивал каждого – какие кто имеет мысли и кому больше сочувствует – коммунистическому ли движению во главе с III Интернационалом или, может быть, дворянским классам.

Но, конечно, все уверяли его в полной своей преданности, божились, клялись и даже оскорблялись, что на них падает такое темное подозрение.

Одним словом, однажды комиссар Шашмурин устроил у нас в канцелярии штуку, за которую он впоследствии слетел со своей должности. Он получил строгий выговор, и, кроме того, его убрали в другой город за право-левацкий загиб и превышение власти.

А захотел он проверить, кто у него из вверенных ему служащих действительно враждебно настроен и кто горячо сочувствует власти трудящихся.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Нет, сейчас вспомнить про это просто удивительно. Это была сделана грубая комедия. Все шито-крыто было белыми нитками, но в тот момент никто комедии сгоряча не заметил, и все было принято за чистую монету.

Вот что устроил военный комиссар Шашмурин.

Белый фронт был тогда близко, и даже каждый день ждали появления неприятелей и смены власти.

И вот комиссар Шашмурин подговаривает одного своего идейного товарища пойти на такую сделку. Он одевает его получше, в желтый китель, он дает ему в руки хлыстик с серебряным шариком, надевает лучшую кепку на голову, высокие шевровые сапоги. И с утра пораньше в таком наряде сажает его в свой кабинет как представителя новой дворянской власти.

А сам он помещается рядом в чулане, взбирается там на стул и своими глазами глядит из окошечка.

Нет, конечно, сейчас совершенно смешно представить эту проделку, до того все было заметно. Но служащие, которые были нервные и панически настроены и каждый день ожидали падения большевизма, ничего особенного не заметили.

Вот утром собрались служащие.

Сторож Федор, который тоже был подговорен комиссаром, замыкает тогда двери на ключ, произносит какой-то дворянский лозунг и говорит, – дескать, вот, робя, падение большевизма совершилось. И пущай каждый служащий по очереди заходит в кабинет к новому начальству на поклон.

Вот служащие совершенно оробели и начали по очереди являться в кабинет.

Вот видят – стоит новое начальство в гордой дворянской позе. Вот в руке у него стэк. Глаза у него сверкают. И слова он орет громкие, не стесняясь присутствием машинистки.

– Я, – говорит, – выбью из вас красную заразу, трам-тарарам. Я, – говорит, – покажу вам революционные начинания. Я, – говорит, – трам-тарарам, не позволю вам посягать на дворянские земли и устраивать из них совхозы, колхозы и разные там силосы...

Вот, конечно, вошедший служащий жметя и извиняется, разводит руками – дескать, какая там, знаете, революция, какие там силосы – не смешите. Да разве мы что... Мы очень рады и все такое...

А начальник в своем кителе орет и орет и заглушает своим голосом Шашмурина, который в своем чулане скрипит зубами и чертыхается.

Из десяти служащих опросили только шесть.

Трое говорили неопределенные слова, моргали ресницами и пугались. Один, скотина, начал нашептывать новому начальству о всяких прошлых событиях и настроениях. Другой начал привирать, что хотя он сам будет не из дворянства, но давно сочувствует этому классу и в прежнее время даже часто у них находился в гостях и всегда был доволен этим кругом и пышным угощением в виде тартинок, варенья и маринованных грибов.

Вот Шашмурин смотрит из своего окошечка, лязгает зубами, но молчит.

Вдруг приходит счетовод Николай Антонович.

Он говорит:

– Погодите вы, не кричите и своим хлыстиком не махайте. А спрашивайте меня вопросы. А я вам буду отвечать.

Тот ему говорит:

– Будешь, трам-тарарам, служить нашей старой дворянской власти?

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Николай Антонович отвечает:

– Служить, – говорит, – вероятно, придется, поскольку у меня семья, но особого сочувствия я к вам не имею.

– То есть, – говорит, – трам-тарарам, как это не имеешь?

Николай Антонович отвечает твердо:

– Я, – говорит, – хотя и не коммунист, но я в революцию кровь проливал. И я, – говорит, – всегда стоял на платформе Советской власти и никогда не ожидал от дворянской власти ничего хорошего. И я, – говорит, – считаю своим долгом высказать свое мировоззрение, а вы как хотите.

Сказал он эти слова – и вдруг смотрит, – который в желтом кителе – улыбается.

И вдруг слышен треск и шум в чулане. Это комиссар Шашмуринов от волнения со стула падает.

Он падает со стула и вбегает в комнату.

– Где, – говорит, – он?! Дайте, я его обниму! Ну, – говорит, – дружок, Николай Антонович, я, – говорит, – теперича тебя не позабуду. Теперича я тебе молочный брат и кузен.

И берет он его в охапку, обнимает, нежно целует в губы и ласково ведет к своему столу. Там он потчует его чаем, угощает лепешками и курятиной и ведет длинные политические разговоры о том о сем.

Тут все понимают, что произошло. Все чересчур пугаются. Кто-то нашептывал на ухо начальству, тот хотел в окно сигануть, но его удержали.

Особенных последствий не было. И никаких наказаний не случилось. Все даже продолжали служить как ни в чем не бывало. Только стеснялись друг дружке в глаза глядеть.

А на другой день после происшествия комиссара Шашмуринова попросили к ответу за перегиб. И сразу перевели его работать в другой город.

Так и кончилась эта история.

Николай Антонович работал по-прежнему, и чего с ним случилось в дальнейшем – я не знаю.

Конечно, вы можете сказать – какой это герой, раз он даже служить у дворянства согласился.

Но позвольте сказать: я много видел самых разнообразных людей. Я видел людей при обстоятельствах тяжелой жизни, знаю всю изменчивость их характеров и взглядов, и я имею скромное мнение, что Николай Антонович был настоящий мужественный герой.

А если вы с этим не согласны, то я все равно своего мнения не изменю.

1932

С луны свалился

1

За последние два года жизнь резко изменилась. Главное, интересно отметить, – почти прекратилось воровство.

Все стали какие-то положительные, степенные. Воруют мало. И взятки вовсе не берут.

Прямо перо сатирика скоро, небось, заржавеет.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Конечно, насчет взяток дело обстоит сложнее.

Взяток не берут, но деньги, в другой раз, получают. Тут в смысле перевоспитания публика туго поддается новым моральным течениям. При этом из боязни такого тумана напускают, что сразу и не поймешь, что к чему и почему.

Давеча на юге я столкнулся на этом фронте с одной хитростью. И вот желаю осветить это дело, чтоб другим неповадно было.

Одним словом, в одной гостинице хотели за номер содрать с меня въездные. Ну, другими словами, – хотели взятку взять.

Конечно, раньше, несколько лет назад, на эту простенькую тему я бы написал примерно такой рассказец.

2

И вот, стало быть, еду я, братцы, на пароходе.

Ну, кругом, конечно, Черное море. Красота неземная. Скалы. Орлы, конечно, летают. Это все есть. Чего-чего, а это, конечно, есть.

И гляжу я на эту красоту и чувствую какое-то уважение к людям.

«Вот, – думаю, – человек – властитель жизни: хочет – он едет на пароходе, хочет – на орлов глядит, хочет – на берег сейчас сойдет и в гостинице расположится».

И так оно как-то радостно на душе.

Только, конечно, одна мысль не позволяет радоваться. Где бы мне, думаю, по приезде хотя бы паршивенький номеришко достать.

И вот плыву я грустный на пароходе, а капитан мне и говорит:

– Прямо, – говорит, – милый человек, мне на вас жалостно глядеть. Ну, куда вы едете? Ну, на что вы рассчитываете? Что вы, с луны свалились?

– А что? – говорю.

– Да нет, – говорит. – Но только как же это так? Что вы – ребенок? Ну, где вы остановитесь? Чего вы поехали? Я даже согласен назад теплоход повернуть, только чтоб вам туда не ехать.

– А что, – говорю, – помилуйте?

– Как что? Да разве у вас есть знакомства – номер получить, или, может быть, у вас портье – молочный брат? Я, – говорит, – прямо удивляюсь на вас.

– Ну, – говорю, – как-нибудь. Я, – говорю, – знаю одно такое петушиное слово, супротив которого в гостинице не устоят.

Капитан говорит:

– А ну вас к черту! Мое дело – предупредить. А вы там как хотите. Хоть с корабля вниз сигайте.

И вот, значит, приезжаю.

В руках у меня два места. Одно место – обыкновенная советская корзинка, на какую глядеть мало интереса. Зато другое место – очень такой великолепный фибровый, или, вернее, фанерный чемодан.

Корзинку я оставляю у газетчика, выворачиваю наизнанку свое резиновое международное пальто с клетчатой подкладкой и сам в таком виде со своим экспортным чемоданом вламываюсь в гостиницу.

Швейцар говорит:

– Напрасно будете заходить – номерей нету.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Я подхожу до портье и говорю ему ломаным языком:

– Ейн шамбер-циммер, – говорю, – яволь?

Портье говорит:

– Батюшки-светы, никак, иностранец к нам приперся.

И сам отвечает тоже ломаным языком:

– Яволь, яволь. Оне шамбер-циммер, безусловно, яволь. Битте-дритте сию минуту. Сейчас выберу номер, какой получше и где поменьше клопов.

Я стою в надменной позе, а у самого поджилки трясутся.

Портье, любитель поговорить на иностранном языке, спрашивает:

– Пардон, – говорит, – господин, извиняюсь. Ву зет Германия, одер, может быть, что-нибудь другое?...

«Черт побери, – думаю, – а вдруг он, холера, по-немецки кумекает?»

– Но, – говорю, – их бин ейне шамбер-циммер Испания. Компрене? Испания. Падеспань. Камарилья.

Ох, тут портье совершенно обезумел.

– Батюшки-светы, – говорит, – никак, к нам испанца занесло. Сию минуту, – говорит. – Как же, как же, – говорит, – знаю, слышал, – Испания, падеспань, эспаньолка...

И у самого, видать, руки трясутся. И у меня трясутся. И у него трясутся. И так мы оба разговариваем и трясемся.

Я говорю ломаным испанским языком:

– Яволь, – говорю, – битте-цирбитте. Несите, – говорю, – поскорей чемодан в мою номерулю. А после, – говорю, – мы поговорим, разберемся, что к чему.

– Яволь, яволь, – отвечает портье, – не беспокойтесь.

А у самого, видать, коммерческая линия перевешивает.

– Платить-то как, – говорит, – будете? Ин валют одер все-таки неужели нашими?

И сам делает из своих пальцев знаки, понятные приезжим иностранцам, – нолики и единицы.

Я говорю:

– Это я как раз не понимает. Неси, – говорю, – холера, чемодан поскорей.

Мне бы, думаю, только номер занять, а там пуцай из меня лепешку делают.

Вот хватает он мой чемодан. И от старательности до того энергично хватает, что чемодан мой при плохом замке раскрывается.

Раскрывается мой чемодан, и, конечно, оттуда вываливается, прямо скажем, разная дрянь. Ну там бельишко залатанное, полукальсоны, мыльце «Кил» и прочая отечественная чертовщина.

Портье поглядел на это имущество, побледнел и сразу все понял.

– А нуте, – говорит, – подлец, покажи документ.

Я говорю:

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
– Не понимает. А если, – говорю, – номеров нету, я уйду.

Портье говорит швейцару:

– Видали? Эта дрянь пыталась пройти под флагом иностранца.

Я собираю поскорей свое имущество и – ходу. А в другой гостинице все же номер получил – под это же самое плюс пятьдесят рублей.

3

Вот, примерно, в таком легком виде года три-четыре назад сочинил бы я рассказ на эту тему.

Ну, конечно, молодость. Беспечность в мыслях. Пустяковый взгляд на вещи.

А нынче как-то оно не то. Нынче охота быть поближе к правде. Неохота преувеличивать, выдумывать и кувыркаться. Неохота сочинять разные там побасенки и фарсы с переодеванием.

Одним словом, желательно быть поправдивей и желательно говорить без всякого вранья.

И рассказ на эту тему, вернее – истинное происшествие, без прикрас и без одного слова выдумки, рисуется нам уже в таком академическом виде.

4

Прямо с парохода я отправился в гостиницу.

Портье, криво усмехаясь, говорит скорее в пространство, чем мне:

– Нет, знаете, я прямо удивляюсь на современную публику. Как пароход приходит, так все непременно к нам. Как нарочно. Как будто у нас тут для них номера заготовлены. Что вы, с луны упали? Не понимаете ситуации.

Я хочу уйти, а швейцар, тихонько вздыхая, говорит мне:

– Да уже, знаете... Прямо беда с этими номерами. Нигде нет номеров. У нас-то, конечно, нашлось бы, но... Да вы поговорите хорошенько с портье...

– Черт возьми, – говорю, – вы это про что?

Портье со своей конторки говорит швейцару через мою голову:

– Я удивляюсь на вас, Федор Михайлович. Где же у нас свободные номера? С чего вы взяли? Да, есть один номер, но он, вы же знаете, без ключа. Если хочет – пуцай берет.

Я говорю:

– Хотя бы дайте без ключа.

– Ах, вам без ключа, – говорит портье, – берите. Только у нас кражи. Воруют. Упрут портьеры, а вам за них отвечать.

Я говорю:

– В крайнем случае я из номера не буду выходить. Только допустите. А то меня на море закачало – еле стою.

– Берите, – говорит портье, – только предупреждаю: у нас ключ потерян, а номер заперт. А вы, наверное, думали наоборот – номер не заперт, а ключ потерян.

– Помилуйте, – говорю, – на что же мне такой номер, в который не войти...

– Не знаю, – говорит портье, – как хотите.

Швейцар подходит ко мне и говорит:

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
– Я бы мог дать совет.

Даю ему трешку.

– Мерси, – говорит. – Если хотите, я сбегаю во двор. У нас там работает наш слесарь. Он может отмычкой открыть ваш номер.

Вот приходит слесарь.

– Да, – говорит, – конечно, об чем речь, еще бы. Ясно. Дверь открыть – делов на копейку, но мне, – говорит, – мало расчета подниматься в верхние этажи. Я, – говорит, – каждый час своего времени буквально на валюту считаю.

Даю слесарю пять рублей.

Он открывает отмычкой дверь и дружелюбным тоном говорит:

– Да, конечно. Еще бы. Ясно. Без ключа мало интереса жить. Все-таки вам, наверное, захотится покушать или куда-нибудь выйти попить водички, – а тут сиди, как болван.

– Да уж, – говорю, – прямо хоть человека нанимай.

– Ну, это, – говорит, – вам влетит в копеечку, а вот рублей бы за восемь я бы вам схлопотал какой-нибудь ключишко из старья.

И вот ключ подобран. Я лежу на кровати, как фон барон. Я слушаю патефон из соседнего номера – пенье господина Вертинского. Я гуляю и хожу туда и сюда. И со своим ключом чувствую себя на одном уровне с соседями.

Вечером иду на прогулку, а портье мне говорит:

– Знаете, мы вам с этим ключом заморочили голову. Мы думали, он потерян, а он висит на другом гвозде.

– Здорово, – говорю, – номер стоит пять рублей, а накладных расходов шестнадцать.

– То есть, – говорит, – как шестнадцать, а не восемь?

– Нет, – говорю, – шестнадцать. Швейцару – три, слесарю – пять, да за ключ – восемь.

– За какой ключ?

– Да, – говорю, – слесарь мне подобрал.

– Позвольте, – говорит, – да он, подлец, не продал ли вам наш ключ? Ну да, – говорит, – так и есть. Вот он тут висел, а сейчас нету. Ну, погодите, я ему...

– Тут у вас, – говорю, – кажется, шайка-лейка...

Портье начал чего-то врать и бормотать про небольшие заработки, после махнул рукой и отвернулся поговорить с вновь приезжим.

И я слышал, как он сказал:

– Да, есть один номерок, но без ключа.

Вскоре я уехал из этой гостиницы.

Между прочим, думал, что и с железнодорожными билетами будет такая же волянка и такие же накладные расходы, но оказалось – ничего подобного. Билет я получил по знакомству и заплатил за него именно столько, сколько он стоил по казенной цене. Так что я вернулся с юга в душевном равновесии.

Врачевание и психика

1

Вчера я пошел лечиться в амбулаторию. Народу чертовски много. Почти как в трамвае. И, главное, интересно отметить, – самая большая очередь к нервному врачу, по нервным заболеваниям. Например, к хирургу всего один человек со своей развороченной мордой, с разными порезами и ушибами. К гинекологу – две женщины и один мужчина. А по нервным – человек тридцать.

Я говорю своим соседям:

– Я удивляюсь, сколько нервных заболеваний. Какая несоразмерная пропорция.

Такой толстоватый гражданин, наверное, бывший рыночный торговец или черт его знает кто, говорит:

– Ну еще бы! Ясно. Человечество торговать хочет, а тут, извольте – глядите на ихнюю торговлю. Вот и хворают. Ясно...

Другой, такой желтоватый, худощавый, в тужурке, говорит:

– Ну, вы не очень-то распушайте свои мысли. А не то я позвоню куда следует. Вам покажут – человечество... Какая сволочь лечиться ходит...

Такой, с седоватыми усишками, глубокий старик, лет пятидесяти, так примиряет обе стороны:

– Что вы на них нападаете? Это просто, ну, ихнее заблуждение. Они про это говорят, забывши природу. Нервные заболевания возникают от более глубоких причин. Человечество идет не по той линии... цивилизация, город, трамвай, бани – вот в чем причина возникновения нервных заболеваний... Наши предки в каменном веке и выпивали, и пятое-десятое, и никаких нервов не понимали. Даже врачей у них, кажется, не было.

Бывший торговец говорит с усмешкой:

– А вы чего – бывали среди них или там знакомство поддерживали? Седоватый, а врать любит...

Старик говорит:

– Вы произносите глупые речи. Я выступаю против цивилизации, а вы несете бабью чушь. Пес вас знает, чем у вас мозги набиты.

Желтоватый, в тужурке, говорит:

– Ах, вам цивилизация не нравится, строительство... Очень я слышу милые слова в советском учреждении. Вы, – говорит, – мне под науку не подводите буржуазный базис. А не то знаете, чего за это бывает.

Старик робеет, отворачивается и уж до конца приема не раскрывает своих гнилых уст.

Советская мадам в летней шляпке говорит, вздохнувши:

– Главное, заметьте, все больше пролетарии лечатся. Очень расшатанный класс...

Желтоватый, в тужурке, отвечает:

– Знаете, я, ей-богу, сейчас по телефону позвоню. Тут я прямо не знаю, какая больная прослойка собравшись. Какой неглубокий уровень! Класс очень здоровый, а что отдельные единицы нервно хворают, так это еще не дает картины заболевания.

Я говорю:

– Я так понимаю, что отдельные единицы нервно хворают в силу бывшей жизни – война, революция, питание... Так сказать, психика не выдерживает такой загрубелой жизни.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Желтоватый начал говорить:

– Ну, знаете, у меня кончилось терпение...

Но в эту минуту врач вызывает: «Следующий».

Желтоватый, в тужурке, не заканчивает фразы и спешно идет за ширмы.

2

Вскоре он там начинает хихикать и говорить «ой». Это врач его слушает в трубку, а ему щекотно.

Мы слышим, как больной говорит за ширмой:

– Так-то я здоров, но страдаю бессонницей. Я сплю худо, дайте мне каких-нибудь капель или пилюль.

Врач отвечает:

– Пилюль я вам не дам – это только вред приносит. Я держусь новейшего метода лечения. Я нахожу причину и с ней борюсь. Вот я вижу – у вас нервная система расшаталась. Я вам задаю вопрос – не было ли у вас какого-нибудь потрясения? Припомните.

Больной сначала не понимает, о чем идет речь. Потом несет какую-то чушь и наконец решительно добавляет, что никакого потрясения с ним не было.

– А вы вспомните, – говорит врач, – это очень важно – вспомнить причину. Мы ее найдем, развенчаем, и вы снова, может быть, оздоровитесь.

Больной говорит:

– Нет, потрясений у меня не было.

Врач говорит:

– Ну, может быть, вы в чем-нибудь взволновались... Какое-нибудь очень сильное волнение, потрясение?

Больной говорит:

– Одно волнение было, только давно. Может быть, лет десять назад.

– Ну, ну, рассказывайте, – говорит врач, – это вас облегчит. Это значит, вы десять лет мучились, и по теории относительности вы обязаны это мученье рассказать, и тогда вам снова будет легко и будет хотеться спать.

Больной мямлит, вспоминает и наконец начинает рассказывать.

3

– Возвращаюсь я тогда с фронта. Ну, естественно, – гражданская война. А я дома полгода не был. Ну, захожу в квартиру... Да. Поднимаюсь по лестнице и чувствую – у меня сердце в груди замирает. У меня тогда сердце маленько пошаливало, – я был два раза отравлен газами в царскую войну, и с тех пор оно у меня пошаливало.

Вот поднимаюсь по лестнице. Одет, конечно, весьма небрежно. Шинелька. Штанцы. Вши, извиняюсь, ползают.

И в таком виде иду к супруге, которую не видел полгода.

Безобразие.

Дохожу до площадки.

Думаю – некрасиво в таком виде показаться. Морда неинтересная. Передних зубов нету. Передние зубы мне зеленая банда выбила. Я тогда перед этим в плен попал. Ну сначала хотели меня на костре спалить, а после дали по зубам и велели

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru уходить.

Так вот, поднимаюсь по лестнице в таком неважном виде и чувствую – ноги не идут. Корпус с мыслями стремится, а ноги идти не могут. Ну, естественно, – только что тиф перенес, еще хвораю.

Еле-еле вхожу в квартиру. И вижу: стол стоит. На столе выпивка и селедка. И сидит за столом мой племянник Мишка и своей граблей держит мою супругу за шею.

Нет, это меня не взволновало. Нет, я думаю: это молодая женщина – чего бы ее не держать за шею. Это чувство меня не потрясает.

Вот они меня увидели. Мишка берет бутылку водки и быстро ставит ее под стол. А супруга говорит:

– Ах, здравствуйте.

Меня это тоже не волнует, и я тоже хочу сказать «здравствуйте». Но отвечаю им «те-те»... Я в то время маленько заикался и не все слова произносил после контузии. Я был контужен тяжелым снарядом и, естественно, не все слова мог произносить.

Я гляжу на Мишку и вижу – на нем мой френч сидит. Нет, я никогда не имел в себе мещанства! Нет, я не жалею сукно или материю. Но меня коробит такое отношение. У меня вспыхивает горе, и меня разрывает потрясение.

Мишка говорит:

– Ваш френч я надел все равно как для маскарада. Для смеху.

Я говорю:

– Сволочь, сымай френч!

Мишка говорит:

– Как я при даме сыму френч?

Я говорю:

– Хотя бы шесть дам тут сидело, сымай, сволочь, френч.

Мишка берет бутылку и вдруг ударяет меня по башке.

4

Врач перебивает рассказ. Он говорит:

– Так, так, теперь нам все понятно. Причина нам ясна... И, значит, с тех пор вы страдаете бессонницей? Плохо спите?

– Нет, – говорит больной, – с тех пор я ничего себе сплю. Как раз с тех пор я спал очень хорошо.

Врач говорит:

– Ага! Но когда вспоминаете это оскорбление, тогда и не спите? Я же вижу – вас взволновало это воспоминание.

Больной отвечает:

– Ну да, это сейчас. А так-то я про это и думать позабыл. Как с супругой развелся, так и не вспоминал про это ни разу.

– Ах, вы развелись...

– Развелся. Вышел за другую. И затем за третью. После за четвертую. И завсегда спал отлично. А как сестра приехала из деревни и заселилась в моей комнате вместе со своими детьми, так я и спать перестал. В другой раз с дежурства

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
придешь, ляжешь спать – не спишься. Ребятишки бегают, веселятся, берут за нос.
Чувствую – не могу заснуть.

– Позвольте, – говорит врач, – так вам мешают спать?

– И мешают, конечно, и не спишься. Комната небольшая, проходная. Работаешь много.
Устаешь. Питание все-таки среднее. А ляжешь – не спишься...

– Ну, а если тихо? Если, предположим, в комнате тихо?

– Тоже не спишься. Сестра на праздниках уехала в Гатчину с детьми. Только я начал
засыпать, соседка несет тушилку с углями. Оступается и сыплет на меня угли. Я
хочу спать и чувствую: не могу заснуть – одеяло тлеет. А рядом на мандолине
играют. А у меня ноги горят...

– Слушайте, – говорит врач, – так какого же черта вы ко мне пришли?! Одевайтесь.
Ну, хорошо, ладно, я вам дам пилюли.

За ширмой вздыхают, зевают, и вскоре больной выходит оттуда со своим желтым
лицом.

– Следующий, – говорит врач.

Толстоватый субъект, который беспокоился за торговлю, спешит за ширмы.

Он на ходу машет рукой и говорит:

– Нет, неинтересный врач. Верхогляд. Чувствую – он мне тоже не поможет.

Я гляжу на его глуповатое лицо и понимаю, что он прав, – медицина ему не
поможет.

1933

Западня

Один мой знакомый парнишка – он, между прочим, поэт – побывал в этом году за
границей.

Он объездил Италию и Германию для ознакомления с буржуазной культурой и для
пополнения недостающего гардероба.

Очень много чего любопытного видел.

Ну, конечно, говорит, – громадный кризис, безработица, противоречия на каждом
шагу. Продуктов и промтоваров очень много, но купить не на что.

Между прочим, он ужинал с одной герцогиней.

Он сидел со своим знакомым в ресторане. Знакомый ему говорит:

– Хочешь, сейчас я для смеха позову одну герцогиню. Настоящую герцогиню, у
которой пять домов, небоскреб, виноградники и так далее.

Ну, конечно, наворачивает.

И, значит, звонит по телефону. И вскоре приходит такая красоточка лет двадцати.
Чудно одетая. Манеры. Небрежное выражение. Три носовых платочка. Туфельки на
босу ногу.

Заказывает она себе шнельклопс и в разговоре говорит:

– Да, знаете, я уже, пожалуй, неделю мясного не кушала.

Ну, поэт кое-как по-французски и по-русски ей отвечает, дескать, помилуйте, у
вас а ла мезон столько домов, врите, дескать, наворачиваете, приbedняетесь, тень
наводите.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Она говорит:

– Знаете, уже полгода, как жильцы с этих домов мне квартплату не вносят. У населения денег нет.

Этот небольшой фактик я рассказал так вообще. Для разгона. Для описания буржуазного кризиса. У них там очень отчаянный кризис со всех сторон. Но, между прочим, на улицах у них чисто.

Мой знакомый поэт очень, между прочим, хвалил ихнюю европейскую чистоту и культурность. Особенно, говорит, в Германии, несмотря на такой вот громадный кризис, наблюдается удивительная, сказочная чистота и опрятность.

Улицы они, черт возьми, мыльной пеной моют. Лестницы скоблят каждое утро. Кошкам не разрешают находиться на лестницах и лежать на подоконниках, как у нас.

Кошек своих хозяйки на шнурочках выводят прогуливать. Черт знает что такое.

Все, конечно, ослепительно чисто. Плюнуть некуда.

Даже такие второстепенные места, как, я извиняюсь, уборные, и то сияют небесной чистотой. Приятно, неоскорбительно для человеческого достоинства туда заходить.

Он зашел, между прочим, в одно такое второстепенное учреждение. Просто так, для смеху. Заглянул – верно ли есть отличие, – как у них и у нас.

Оказывается, да. Это, говорит, ахнуть можно от восторга и удивления. Волшебная чистота, голубые стенки, на полочке фиалки стоят. Прямо уходить неохота. Лучше, чем в кафе.

«Что, – думает, – за черт. Наша страна, ведущая в смысле политических течений, а в смысле чистоты мы еще сильно отстаем. Нет, – думает, – вернусь в Москву – буду писать об этом и Европу ставить в пример. Конечно, у нас многие ребята действительно относятся ханжески к этим вопросам. Им, видите ли, неловко писать и читать про такие низменные вещи. Но я, – думает, – пробью эту косность. Вот, вернусь и поэму напишу – мол, грязи много, товарищи, – не годится... Тем более у нас сейчас кампания за чистоту – исполню социальный заказ».

Вот наш поэт находится за закрытой дверью. Думает, любуется фиалками, мечтает, какую поэму он отгрохает. Даже приходят к нему рифмы и строчки. Чего-то там такое:

Даже сюда у них зайти очень мило –
Фиалки на полках цветут.

Да разве ж у нас прошел Аттила,
Что такая грязь там и тут.

А после, напевая последний немецкий фокстротик «Ауфвидерзейн, мадам», хочет уйти на улицу.

Он хочет открыть дверь, но видит – дверь не открывается. Он подергал ручку – нет. Приналег плечом – нет, не открывается.

В первую минуту он даже слегка растерялся. Вот, думает, попал в западню.

После хлопнул себя по лбу.

«Я, дурак, – думает, – позабыл, где нахожусь – в капиталистическом мире. Тут у них за каждый шаг, небось, пфенниг плати. Небось, – думает, – надо им опустить монетку – тогда дверь сама откроется. Механика. Черти. Кровопийцы. Семь шкур дерут. Спасибо, – думает, – у меня в кармане мелочь есть. Хорош был бы я гусь без этой мелочи».

Вынимает он из кармана монеты. «Откуплюсь, – думает, – от капиталистических щук. Суну им в горло монету или две».

Но видит – не тут-то было. Видит – никаких ящиков и отверстий нету. Надпись какая-то есть, но цифр на ней никаких не указано. И куда именно пихать и сколько пихать – неизвестно.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Тут наш знакомый прямо даже несколько струхнул. Начал легонько стучать. Никто не подходит. Начал бить ногой в дверь.

Слышит – собирается народ. Подходят немцы. Лопочут на своем диалекте.

Поэт говорит:

– Отпустите на волю, сделайте милость.

Немцы чего-то шушукаются, но, видать, не понимают всей остроты ситуации.

Поэт говорит:

– Геноссе, геноссе, дер тюр, сволочь, никак не открывается. Компренешен. Будьте любезны, отпустите на волю. Два часа сижу.

Немцы говорят:

– Шпрехен зи дейч?

Тут поэт прямо взмолился:

– Дер тюр, – говорит, – дер тюр отворите. А ну вас к лешему!

Вдруг за дверью русский голос раздается:

– Вы, – говорит, – чего там? Дверь, что ли, не можете открыть?

– Ну да, – говорит. – Второй час бьюсь.

Русский голос говорит:

– У них, у сволочей, эта дверь механическая. Вы, – говорит, – наверное, позабыли машинку дернуть. Спустите воду, и тогда дверь сама откроется. Они это нарочно устроили для забывчивых людей.

Вот знакомый сделал, что ему сказали, и вдруг, как в сказке, дверь открывается. И наш знакомый, пошатываясь, выходит на улицу под легкие улыбки и немецкий шепот.

Русский говорит:

– Хотя я есть эмигрант, но мне эти немецкие затеи и колбасня тоже поперек горла стоят. По-моему, это издевательство над человечеством...

Мой знакомый не стал, конечно, поддерживать разговор с эмигрантом, а, подняв воротничок пиджака, быстро поднажал к выходу.

У выхода сторож его почистил метелочкой, содрал малую толику денег и отпустил восвояси.

Только на улице мой знакомый отдышался и успокоился.

«Ага, – думает, – стало быть, хваленая немецкая чистота не идет сама по себе. Стало быть, немцы тоже силой ее насаждают и придумывают разные хитрости, чтоб поддержать культуру. Хотя бы у нас тоже чего-нибудь подобное сочинили».

На этом мой знакомый успокоился и, напевая «Ауфвидерзейн, мадам», пошел в гости, как ни в чем не бывало.

1933

Какие у меня были профессии

Я не знаю, сколько есть разных профессий. Один знакомый интеллигент мне сказал, будто всего на земном шаре триста девяносто профессий.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Ну, это он, конечно, перехватил, но, вероятно, все же около ста профессий имеется.

Нет, все сто профессий я не имел, но вот пятьдесят профессий я действительно испытал.

И вот перед вами человек, который испытал на себе пятьдесят профессий.

Интересно, кем я только не был.

Нет, я, конечно, не был там каким-нибудь экономистом, химиком или там пиротехником, скульптором и так далее. Нет, я не был академиком или там профессором анатомии, алгебры или французского языка. Я не скрою от вас – я не занимал разные интеллигентские посты, не смотрел в подзорные трубы, чтоб видеть разные небесные явления, планеты и кометы, не шлялся по шоссе с такой, знаете, маленькой трубочкой на треножнике для измерения высоты поверхности. Не строил мосты или там здания для посольства. И не затемнял свой рассудок математическими вычислениями количества белых шариков в крови.

Да, эти профессии, не скрою от вас, я не испытывал. Мне не хватало для этого всей высоты образования и знания иностранных языков. Тем более что до революции я был отчасти малограмотный. Читать мог, но писать уже не всегда осмеливался.

И через это, конечно, к сожалению, не могу вам ничего рассказать про такие возвышенные профессии, которые основаны там на науке или там технике или медицине.

Хотя должен вам сказать, что с медициной я сталкивался и даже одно время был врачом. Меня избрали на этот пост свои же полковые товарищи вскоре после февральской революции.

Я тогда служил в царской армии и был рядовым ефрейтором.

Вот после революции ребята мне и говорят:

– У нас полковой врач такая, извините, холера, что никому почти освобождения не дает, несмотря на февральскую революцию. Очень бы хотелось его заменить. Вот бы, – говорят, – хорошо, если бы вы согласились на эту должность. Тем более, – говорят, – все должности сейчас выборные – вот бы мы тебя и выбрали.

Я говорю:

– Отчего же. Конечно, выбирайте. Я, – говорю, – человек, понимающий явления природы. Понимаю, что после революции ребятам хотелось бы смотаться по домам и поглядеть, как и чего. Керенский, – говорю, – этот артист на троне, завертел волынку до победного конца. И полковой врач ему в дудочку подыгрывает и нашего брата не отпускает. Выбирайте меня врачом – я вас почти всех отпущу.

Вот вскоре после того сменяют командира полка, сменяют подряд офицеров и нашего пресловутого медика. И на его место назначают меня приказом.

Работа оказалась, конечно, трудная и, главное, бестолковая.

Едва послушаешь больного в трубку, как он хнычет и отпрашивается домой. А если его не отпускаешь, он очень на врача наседает и чуть не хватает его за горло.

Профессия совершенно глупая и небезопасная для жительства.

А если больному дашь порошки – он их жрать не хочет, а швыряет порошки врачу в лицо и велит писать увольнительную.

Ну, для формы спросишь – какая у тебя болезнь? Ну, больной сам, конечно, назвать болезнь не может и тем самым ставит врача в тупик, поскольку врач не может все болезни знать наизусть и не может писать в каждой путевке только: брюшной тиф или там вздутие живота.

Другие, конечно, говорят:

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru – Пиши чего хочешь, только отпусти, поскольку душа болит – охота поглядеть на домашних.

Ну, напишешь ему: душевная болезнь, и с этой диетой отпускаешь.

Но вот вскоре надоедает мне эта бестолковая профессия. И вот пишу я сам себе путевку с обозначением: душевная болезнь первой категории.

Выезжаю с фронта и, значит, на этом заканчиваю эту свою профессию.

После судьба кидает меня в разные стороны – туда и сюда, как, извините за сравнение, скорлупу в бурном море.

Я делаюсь милиционером. После слесарем, сапожником, кузнецом. Я подковываю лягающих лошадей, дою коров, дрессирую бешеных и кусачих собак. Играю на сценах. Поднимаю занавеси. И так далее, и тому подобное, и прочее.

При этом снова год нахожусь на фронте в Красной Армии и защищаю революцию от многочисленных врагов.

Снова освобождаюсь по чистой. Занимаю должность инструктора по кролиководству и куроводству. Становлюсь агентом уголовного розыска. Делаюсь шофером. И по временам пишу критические отзывы и острые дискуссионные статьи относительно театра и литературы.

И вот перед вами человек, который имел в своей жизни пятьдесят, а может, даже и больше профессий.

Некоторые профессии были у меня странные и удивительные. Была у меня до революции одна очень такая странная профессия.

А был я тогда в Крыму. И служил в одном имении. Там было четыреста коров. Масса коз, много курей и до черта баранов. Все это создавало почву для развития сельскохозяйственного дела.

И вот меня нанимают туда пробольщиком.

Одним словом, в мою обязанность входит пробовать качество масла и сыра.

Это масло и сыр отправлялись на пароходе за границу. И надо было все это пробовать, чтоб мировая буржуазия не захворала от недоброкачественного товара.

Конечно, дай вам попробовать масла или сыру – вы небось не откажетесь. Но если, предположим, пробовать эту продукцию с утра и до вечера и ежедневно и целый год, то вы волком завоюете и свет перед вами померкнет.

Нет, я не был специалистом по этому делу. И совершенно случайно попал на эту профессию.

Мне тогда было двадцать три года. Все было тьфу и трын-трава. И я тогда шлялся по крымским дорогам, надеясь где-нибудь найти работу.

И вот иду по дороге и слышу – молочным хозяйством пахнет. А тут тем более я не ел два дня. И вот взял и пошел на этот приторный запах. Думаю, подкараулю какую-нибудь корову, подою маленько и тем самым подкреплю свои ослабшие силы.

Вижу – за забором сарай. Наверное, думаю, там коровы. Перемахнул через забор. Захожу в сарай. Вижу – там не коровы, а круги сыра лежат. Только я хотел стибрить кусок сыру – вдруг управляющий идет.

– Ты, – говорит, – что, из наших рабочих?

Нет, я особенно не смутился. Думаю – успею дать тигаля. Тем более – кругом народу нету и забор близко. И поэтому отвечаю с некоторым нахальством:

– Нет, не из рабочих, но имею мечту на нечто подобное.

Он говорит:

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– А, к примеру, зачем же ты в руку сыр взял?

Я говорю не без нахальства:

– Хотел, знаете, этот сыр попробовать – сдастся мне, что он кисловат на вкус. Не умеете делать, а беретесь.

Вижу – управляющий даже растерялся от моих слов. Даже, видать, не понимает, что к чему.

Он говорит:

– Как это? Почему кисловат? Ты что, каналья, специалист, что ли, по молочному хозяйству?

Я думал, он шутит, чтоб себя разозлить, с тем чтобы покрепче меня ударить. И говорю:

– Вы угадали. По молочному хозяйству есть первый специалист города Москвы. И мимо этих молочных продуктов не могу пройти, чтобы их не попробовать.

Вдруг управляющий улыбается, жмет мне руки и говорит:

– Голубчик!

Он говорит:

– Голубчик, если ты специалист, то я тебе дам преогромное жалованье, только, сделай милость, становись скорее на работу. Тут на днях заграничный пароход приходит, надо груз отправлять, а рассортировать товар и его попробовать некому. И сдастся мне, что иностранная буржуазия наглотаётся негодных продуктов, и после неприятностей не оберешься. А у меня, как назло, один специалист холерой заболел и теперь категорически не хочет ничего пробовать.

Я говорю:

– Пожалуйста. А что надо делать?

Он говорит:

– Надо попробовать шестьсот двадцать бочек масла и тысячу кругов сыру.

У меня даже желудок задрожал от голоду и удивленья, и я отвечаю:

– Пожалуйста. Об чем речь? Принесите мне буханку хлеба, и я сейчас к этому приступлю с преогромной радостью. Я, – говорю, – давно мечтал именно такую профессию себе найти – пробовать то и се.

И сам в душе думаю: нажрись до отвала, а там пущай из меня лепешку делают. И небось не сделают – убегу на своих сытых ногах.

– Ну, – говорю, – несите поскорей буханку, я очень тороплив в работе. Если мне что загорится – мне сразу вынь и положь. Несите хлеб, а то я прямо соскучился без этой своей профессии.

Вижу – управляющий глядит на меня с недоверием. Он говорит:

– Тогда я сомневаюсь, что ты есть лучший в мире специалист по молочному хозяйству. Молочные продукты пробуют без хлеба и без ничего, иначе не узнаешь, какой именно сорт и какой вкус.

Тут я вижу, что засыпался, но говорю:

– Это я сам знаю. И вы есть толстобрюхий дурак, если не понимаете. Я хлеб не для еды буду употреблять, а мне надо соприкоснуться эти два продукта, в силу чего я увижу окисление, и тогда, попробовав, не ошибусь в расчете, какая там есть порча. Это, – говорю, – есть последний заграничный метод. Я, – говорю, –

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru удивляюсь на вашу серость и отсталость от Европы.

Тут меня торжественно ведут туда и сюда. Записывают. Одевают в белый балахон и говорят: «Ну, пойдём к бочкам».

А у меня от страха душа в пятках и ноги еле двигаются.

Вот пошли мы к бочкам, но тут, на мое счастье, вызывают управляющего по спешному делу. Тут у меня на сердце отлегло. Я говорю рабочим:

– Выручайте, братцы, то есть ни черта не понимаю в этом деле. Хотя укажите поскорей, чем пробовать масло – пальцем или особой щепочкой.

Вот рабочие смеются надо мной, умирают со смеху, тем не менее рассказывают, чего надо делать и, главное, чего говорить.

Вот управляющий приходит – я ему прямо затемнил глаза. Говорю разные специальные фразы, правильно пробую. Вижу – человек даже расцвел от моей высокой квалификации.

И вот к вечеру, нажравшись до отвала, я решил не уходить с этого хлебного места. И вот остался.

Профессия оказалась глупая и бестолковая. Надо пробовать масло особой такой тонкой ложечкой. Надо подковырнуть масло из глубины бочки и пробовать его. И чуть маленько горечь, или не то достоинство, или там лишняя муха, или соль – надо браковать, чтоб не вызвать недовольства среди мировой буржуазии.

Ну, сразу, конечно, я не понимал разницы – каждое масло мне чересчур нравилось, но после кое-чему научился и стал даже покрикивать на управляющего, который чересчур был доволен, что нашёл меня. И даже написал своему владельцу письмо, где наплел про себя разные истории и просил себе надбавку или там какой-нибудь трудовой орден за отличные дела.

Так вот, конечно, первые дни мне профессия нравилась. Бывало, отхватишь сыру да навернешь масла – лучше, думаю, работы и не бывает на земном шаре.

После вижу – что-то не того.

Через две недели я начал страдать, вздыхать и мечтать уже с этим расстаться.

Потому за день напробуюсь жиров, и глаза ни на что не глядят. Хочешь чего-нибудь кушать, а душа не принимает. И внутри как-то тошно, жирно. Никакая пища не интересна, и жизнь кажется скучной и бестолковой.

И при этом ещё строго запрещалось пить. Никакого вина или там водки нельзя было в рот брать. Потому алкоголь отбивает вкус, и через это можно натворить безобразных делов и перепутать качество.

Короче говоря, через две недели я ложился после работы вверх брюхом и неподвижно лежал на солнце, рассчитывая, что горячее светило вытопит у меня лишний жир и мне снова захочется ходить, гулять, кушать борщ, котлеты и так далее...

А был там у меня в этих краях один приятель. Один прекрасный грузин. Некто Миша. Очень чудный человек и душевный товарищ. И был он тоже дегустатор, пробольщик. Но только в другом деле. Он пробовал вино.

Там в Крыму были такие винные подвалы – удельного ведомства. Вот там он и пробовал.

И профессия его, чересчур бестолковая, была даже хуже моей.

Ему даже кушать не разрешалось. С утра до вечера он пробовал вино и только вечером имел право чего-нибудь покушать.

Меня мутило от жиров, и в рот ничего не хотелось взять. И выпить не разрешалось. И аппетита не было.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
А у него наоборот. Его распирало от вина. Он с утра насосется разных крымских вин и еле ходит, и прямо свет ему не мил.

Вот в другой раз встретимся мы с ним вечером – я сытый, он пьяный, и видим – наша дружба ни к чему. Говорить ни о чем неохота. Он хочет кушать, я, наоборот, хочу выпить. Общих интересов мало, и вкус во рту мерзкий. И сидим мы вроде как обалделые и в степь глядим. А в степи ничего. А над головой – небо и звезды. А где-то, может быть, идет жизнь, полная веселья и радости...

Вот я ему однажды и говорю:

– Надо, – говорю, – уходить. И хотя у меня контракт до осени, но я, безусловно, этого не выдержу. Я отказываюсь кушать масло. Это унижает мое человеческое достоинство. Я сметаю удочки, стибрю круг сыру – и только меня толстобрюхий управляющий и видел.

Он говорит:

– До осени уходить не расчет. Работы сейчас не найти. А надо нам с тобой чего-нибудь такое оригинальное придумать. Дай срок – я придумаю, голь на выдумки хитра.

И вот однажды он мне и говорит:

– Знаешь что – давай временно поменяемся профессией. Давай я буду пробовать масло, а ты временно пробуй вино. Неделю или две поработаем так, а после опять поменяемся. А потом опять. Вот оно и получится у нас какое-то равновесие. И, главное, отдохнем, если они, черти, не дадут отпуска, а заставляют без отдыха жрать и пить.

Я очень радуюсь этим словам, но выражаю сомнение, что наши управляющие захотят этого.

Он говорит:

– Это я берусь уладить.

И вот берет он меня за руку и ведет к своему управляющему по винной части.

– Вот, – говорит, – этот низенький опытный господин смело может меня заменить на две недели. Тут ко мне тетка из Тифлиса приехала, и я интересуюсь ее повидать. А он за меня будет пробовать и соблюдать ваши интересы.

Управляющий говорит:

– Ладно. Покажите ему, какие тут вина и как чего надо делать. И через две недели возвращайтесь. А то мы натворили тут делов. Вместо столового вина взяли «Аликоте» в Москву отправили. Чистое безобразие.

Вот тогда я, в свою очередь, беру Мишу за руку и веду его к своему толстобрюхому управляющему.

– Вот, – говорю, – этот высокий опытный господин смело может заменить меня на две недели. Тут ко мне тетка из Тифлиса приехала, и я интересуюсь ее повидать и покалякать с ней о разных разностях.

Управляющий говорит:

– Ладно. Покажите ему, как и чего, и через две недели приезжайте. А то и так у нас беспорядок. Вместо сливочного масла мы отправили в Персию сметану. Персы могут обидеться и не захотят ее кушать.

Вот стали мы на свою новую работу.

Я пробую вино. А Миша пробует масло.

Но тут с нами происходит чушь и неразбериха.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
В первый же день Миша наедается масла и сыру до того, что заболевает судорогами. А я с первых же двадцати глотков от непривычки пить до того захмелел, что подрался с Мишиным управляющим. И хотел его в винную бочку поковырнуть за то, что он сказал плохие слова про моего приятеля.

Тут на другой день мне дали по шапке и велели убираться.

И Мише дали расчет и тоже велели убираться.

Вот встречаемся мы с ним и смеемся. Думаем – наплевать. Отдохнули пару дней и теперь снова можем приняться за свое ремесло.

Но тут случается так, что оба наши управляющие снюхались и узнали наш обман: и какие у нас две недели, и какая у нас тетка в Тифлисе, и какой у нас опыт.

Оба они призывают нас, кричат страшными голосами и велят убираться.

Нет, мы особенно не горевали. Я взял круг сыру, а Миша вина. И всю дорогу мы шли и пели песни. А после устроились на другую работу.

А вскоре разразилась война. Потом революция. И я потерял своего друга из виду.

И недавно узнаю, что он проживает на Кавказе и имеет хорошую, чудную командную должность.

И я мечтаю к нему поехать. Мечтаю встретить его, поговорить и сказать ему: «Молодец!»

Ох, он, наверное, обрадуется, когда увидит меня! Тоже, может быть, скажет мне: «Молодец!» И велит подать лучший шашлык.

Тут мы с ним будем кушать и вспоминать, кем мы были и кем стали.

1933

На дне
Воровское занятие представляет в настоящее время незначительный интерес.

Профессия эта стала маловыигрышная наряду с другими занятиями.

Через это воровство уменьшилось в своем размере. И публика на это идет не так охотно, как раньше.

Отчасти, конечно, многие перековались, а некоторых, как говорится, не устраивает выбор ассортимента. Вдобавок ко всему наша милиция и уголовный розыск поднялись на недостижимую высоту.

Вот взгляните, какое истинное происшествие случилось у нас в Ленинграде.

Один гражданин, некто Ф., немного выпил. Он получил деньги, зашел в какой-то приятный восточный уголок, присел там под пальму и, как говорится, немножко перелил через край.

Конечно, потом-то он говорил, что пил мало. А больше будто бы налег на еду. По его словам, он пропустил только пару стопок русской горькой и после слегка отлакировал пивом. Так что, кто его знает, может быть, он действительно от обильной еды, чем от чего другого, совершенно захмелел. И даже начал соло петь под оркестр.

А это увидели два бандита. Они сидели тут же, в ресторане, и, может быть, горевали о чем-нибудь своем. И вдруг видят – сидит против них «пассажир», кругом у него на столике еда и мандарины. И сам он еле «мама» сказать может.

Конечно, это развязало низкие инстинкты двух приятелей. Сердце у них взыграло. И они задумали совершить свое темное дело над заблудившим зажиточным жителем нашего города.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru И вот они подсели до него. Сказали ему пару комплиментов. И тот, увидев ласку чужих людей, вдохновился, выпил еще и надрался, как говорится, до шариков.

И вот тогда представители уголовного мира вывели нашего беспутного гражданина на улицу, завели в переулочек, там ударили его по мордасам и обобрали до последней нитки.

Они сняли с него пальтишко и костюм со штанами. Содрали с него полуботинки. И даже не постеснялись взять с него верхнюю рубашечку «зефир».

Так что оставили нашего почтенного папашу и прекрасного работника строительного сектора тов. Ф. совершенно в архиневозможном виде.

При нем оставили только кальсоны и носки, которые не взяты были по причине дряхлости товара.

Ограбленный папаша, мало чего соображая, прикорнул в таком немислимом виде у забора и сладко заснул.

Только проспал он, может быть, не больше часа и вдруг неожиданно проснулся – ему, что ли, попить захотелось.

Вот он хватать-похватать себя за штаны – а их нету. Он щупает себя повыше – а пиджака нету и рубашки не имеется. Только подштанники при нем и носочки.

Тогда он трогает себя еще повыше и видит: личность у него повреждена – распухши и что-то ноет.

Вот наш папаша ужаснулся, мигом протрезвел, вскочил на полуодетые свои ножки и, как говорится, попорол домой.

Наверно, он, где можно, бежал, придерживая рукой свои подштанники, а кое-где, наоборот, шел, вероятно, тихо скрываясь в тени домов.

И действительно неудобно, совестно. Может быть, уже начинается утро. Птички – чирик-чирик. Вдобавок культурный, образцовый город. Всюду чистенько и славно. А тут, вообразите себе, идет такая образина, все равно как по предбаннику.

Представляем себе, как дворник у ворот удивился. Наверное, хрюкая от смеха, пропустил в калитку.

Но вот момент входа в квартиру и момент появления перед родными вообще не поддается художественному описанию. И мы смолкаем под давлением более красочной действительности.

Так или иначе, наш славный гражданин доперся до своей квартиры и закрылся в своей комнате, унеся с собой тайну ночного ограбления.

Теперь происходит такая ситуация.

Уголовный розыск в ту же ночь задержал этих двух воров.

Стали их расспрашивать, где украдены вещи. Те не могут объяснить. Так что, говорят, с человека сняли. В переулочке.

Пошли в переулочек. А там уже нету этого человека.

Работники розыска говорят:

– Ненормально. Вещи есть. Воры есть. Все как будто в полном порядке. А потерпевшего нету. И, значит, самые большие трудности у нас впереди. Придется его искать. И сдается нам, судя по приличным вещам, что потерпевший заметет свои следы. Это у нас который раз. Преступники нам сравнительно легко даются, а пострадавших нам наиболее трудно отыскать. Очень они не любят, чтоб их находили. И они предпочитают терять одно, чтобы не потерять другое.

В общем, три дня шарили по городу. Искали потерпевшего. Выясняли и запрашивали. Никто не признается. Может быть, потерпевший стыдится, что был в таком свинском

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
виде, и, может быть, робеет перед общественностью.

Однако работники розыска не упали духом. И на четвертый день потерпевшего нашли. Они отыскивали его по почтовой квитанции, которая была в кармане его украденных брюк.

Потерпевший отнекивался и всех уверял, что это не он был избит и раздет, но истина все же восторжествовала. Была устроена очная ставка с ворами. И те сразу признали в нем свою жертву.

Один из воров говорит:

– Это определенно он. Я его по скуле узнаю. Вот у него тут осталась заметка от моей руки.

Тогда жертва, потупив очи, говорит:

– В таком случае сознаюсь. Это был я. Просьба не доводить до сведения общественности.

Тут работники розыска посмеялись и сказали жертве:

– В другой раз пейте и кушайте, но не теряйте своего сознания. Получите снятые с вас вещи и можете идти.

А воры не без испуга поглядывали на то, что происходит, и промежду себя перешептывались о трудностях своего ремесла в настоящее время.

1935

Не пушу

Есть такая картина. Она написана, не помню, каким-то известным художником. Она называется: «Не пушу».

А дело там вот в чем. Пивная. И около дверей пивной стоит женщина во весь рост. И, широко расставив руки, эта женщина не пускает в пивную своего мужа.

А муж, видимо, не дурак выпить, все же ломится. И хочет ее отстранить.

А при ней вдобавок еще, кажется, перепуганный ребенок. И, так сказать, всем своим видом женщина говорит: «Не пушу». А у самой на лице горе и волнение. И волосы у нее в беспорядке распущены, дескать, не до прически. И кругом пустынно. Никого нет. И никто этим явлением не заинтересован.

Очень сильная дореволюционная картина. Она очень метко схватывает моменты той эпохи. И зритель через эту картину убеждается, какие были пьяные забулдыги-мужья, и как неважно жилось женам, и как зарабатывал на этом каналья-кабатчик, который каждую минуту мог выйти и прогнать женщину, не допуская мужа пропить свой последний рубль.

В этом смысле дореволюционный мастер кисти и резца отлично справился со своей задачей и по мере своих слабых сил честно отразил момент действительности.

Эту картину поучительно видеть во все исторические времена. И, например, наблюдая эту картину в наши дни, видишь существенную разницу.

Конечно, у нас пьют порядочно. И заливают, как говорится, за галстук при первой возможности. Но, между прочим, пьют сравнительно как-то не так, как прежде. Все меньше и меньше наблюдаешь в лежку пьяненьких.

Бывало, раньше идешь в воскресенье или в какой-нибудь царский день и прямо чуть не наступаешь на лежащих граждан. А над ними хлопочут дворники и городовые. Натирают им уши и подставляют к носу пузырьки с нашатырным спиртом, чтоб те очухались и смогли бы на своих ножках дойти до участка. А уж там их, миленьких, в полутемной каморке, как дрова, сваливают друг на друга.

Сейчас, конечно, этого не бывает. А уж если какой-нибудь тип свалится у нас, то

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru вскоре торжественно и культурно подъезжает до него карета «скорой помощи», и его, как случайного захворавшего, везут в вырезатель. А уж там его йодом смажут и с научной целью внутренности промоют. И вдобавок утром какую-нибудь лекцию прочтут. И возьмут с него за все про все вместе с процедурами рублей десять или двадцать.

Так что, я говорю, разница колоссальная. И даже по этому поводу надо бы выпить.

А что касается жен, то и они порядочно выросли. И уже такую женщину, какая выведена на картине, навряд ли можно найти.

И уж если муж у нее сильно пьет, то она скорей всего с ним разойдется, если квартирный вопрос позволяет. А если она его любит, то она и сама зайдет с ним, куда его тянет, и там культурно посидит с ним за столиком.

А которые потеряли совесть, то на них уж такие робкие слова: «не пущу», – все равно не действуют. Таким нужно что-нибудь более современное.

И на этих днях мы видели нечто подобное, которое и вдохновило нас (как и того художника) зарисовать для потомства момент действительности.

А идем мы по Выборгской стороне. И вдруг видим – человек двадцать граждан идут вдоль панели и все ахают. Некоторые возмущаются. Другие машут руками. Третьи смеются.

И вдруг мы видим – на панели идет мужчина. В обыкновенной синей спецовке и в кепочке.

И вдруг все видят, что этот мужчина – пьяный. Он идет очень неровно. Шатается. И его сильно кренит то в одну, то в другую сторону.

И тут все замечают, что этот пьяный мужчина держит на руках малыша. Он держит маленького ребенка лет, может, трех. Такая чудная крошка. Курчавенький. Носик пуговкой. И смеется. Ему, видать, забавно, и у него дух замирает, что он так на руках качается. Он не понимает, конечно, что его пьяный несет и он через это качается. Он, может быть, думает, что это такая игра.

А рядом с этим странным шествием идет женщина. И одной рукой эта женщина отстраняет прохожих. А другой рукой она по временам делает «козу». Она этим, видать, еще более забавляет малыша, который сидит на руках у пьяного.

И вот, я говорю, кругом в толпе раздаются возмущенные возгласы. Некоторые женщины, недовольные такой безобразной сценой и видя, что крошка подвергается опасности упасть и вдребезги разбиться, начинают кричать на пьяного, чтоб он прекратил свое шествие с ребенком. Но тот, мало что понимая, идет, покачиваясь, дальше.

А та женщина, которая идет с ним рядом, не смущается этим и продолжает забавлять ребенка. И по всему видно, что она мать этой деточки и жена этого пьяного. И тем не менее такая сцена.

Тогда одна молодая особа, не могущая больше видеть подобные дела, бежит до милиционера и с ним возвращается.

И тогда все, наперерыв галдя, рапортуют милиционеру, что вот, дескать, пьяный дурак подвергает опасности ребенка, а эта ненормальная мать потакает. Не допускайте это шествие.

Тогда милиционер делает под козырек этой паре. И те останавливаются.

И вдруг женщина машет на толпу рукой, чтоб все замолчали. И когда прекратились крики, она произнесла такую речь:

– Товарищи, – сказала она, – этот выпивший человек, несущий на руках нашего сына, есть мой муж. И он в настоящее время лечится от алкоголя. И он уже делает некоторые успехи. Но пока он провел двадцать сеансов. А врачи ему сказали, что надо двадцать пять. Так что он еще не окончательно забылся от своей привычки. И он последнее время каждый день сидит в пивной, покуда я его оттуда не вытяну. Но

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru поскольку я его силой вывести не могу и он все равно будет сидеть до закрытия, я тогда прибегаю к нашему сыну. Муж у меня исключительно любит ребенка. И только когда я в пивную зайду с сыном, муж мой весь преображается, берет его на руки и идет домой. Но попробуйте от него отнять ребенка – и он обратно вернется и будет снова пить. Что же касается до того, что он уронит ребенка, то на этот случай я иду рядом, и если муж опрокинется, то я вполне успею подхватить мальчика. Конечно, в каждом деле есть риск и волнение, но тут меньше беды, чем если он у меня сопьется и тем самым сделает еще больший вред себе, сыну и обществу. Вот что я могу вам сказать в ответ на ваши законные крики, угрозы и возмущение.

Тут многие развели руками, когда услышали эту реплику. А некоторые заплодировали и расступились, чтоб дать им дорогу.

И пьяный отец, который во время речи мотался, как пшеничный колос от ветра, торжественно пошел дальше.

И тут все убедились, что он крайне бережно и крепко держит мальчишку.

И снова рядом с ними пошла женщина, продолжая делать мальчику «козу».

И милиционер, не зная, какую резолюцию подвести под это дело, снова взял под козырек и, вздохнувши, сказал:

– Все в порядке... Пуцай идут.

И кто-то из толпы добавил:

– Все в порядке – пьяных нет.

И тут все засмеялись и разошлись по своим делам.

1935

Водяная феерия

Один московский работник кинематографии прибыл в Ленинград по делам службы.

И он остановился в гостинице «Европа».

Прекрасный, уютный номер. Две постели. Ванна. Ковры. Картинки. Все это, так сказать, располагало нашего приезжего видеть людей и приятно проводить время.

В общем, к нему стали заходить друзья и приятели.

И как это всегда бывает, некоторые из его приятелей, приходя, принимали ванну. Поскольку многие живут в квартирах, где нет ванн. А в баню ходить многие, конечно, не так-то любят и вообще забывают об этой бытовой процедуре. А тут такой удобный случай: зашел к приятелю, поболтал, пофилософствовал и тут же помылся. Тем более тут горячая вода. Казенная простынка и так далее.

И многие, конечно, через это любят, когда у них есть приезжие друзья.

Короче говоря, дней через пять наш приезжий москвич несколько даже утомился от подобной неуклонной линии своих друзей.

Но, конечно, крепился до самого последнего момента, когда наконец разыгралась катастрофа.

А к нему как-то вечером пришли почти что сразу шесть знакомых.

Тары да бары, и тут же среди гостей образовалась до этой ванны небольшая очередь.

Трое быстро помылись и, попив чайку, ушли.

Но четвертая была старая дама. Родственница приезжего. И та мылась исключительно долго. И даже, кажется, что-то стирала из своего гардероба.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
И до того она там долго возилась, что москвич и дожидавшиеся просто захандрили.
Она час с четвертью не выходила из ванны.

Но поскольку она была родная тетка нашего москвича, то он и не разрешил своим друзьям никаких эксцессов по ее адресу.

Короче говоря, когда она вышла, было уже далеко за полночь.

Один из приятелей не стал больше ждать и ушел. А другой, удивительно настойчивый и нахальный, все-таки во что бы то ни стало пожелал непременно сегодня вымыться, чтоб ему для чего-то завтра быть чистым.

И вот он дождался теткингого выхода. Вымыл ванну. И пустил горячую воду. И сам прилег на кушетку и стал дожидаться, когда ванна наполнится.

Но тут как-то случилось, что от сильного утомления он заснул. И москвич вдобавок задремал на диване.

А вода, наполнив ванну, вышла наружу и в короткое время затопила номер и даже протекла в другой этаж. Но поскольку в нижнем этаже была гостиная и там никого не было, то катастрофу не сразу заметили.

Короче говоря, наши два приятеля проснулись от сильного тепла и пара. Причем москвичу, как он после рассказывал, снился сон, что он в Гаграх.

Но когда он проснулся, то увидел, что весь номер в воде и поверх плавают туфли, газеты и разные деревянные изделия.

Горячая вода не позволила, конечно, сразу прекратить наводнение, поскольку они не решались добежать до ванны, чтоб закрыть кран. Они, сидя на диванах, не могли рискнуть спустить свои ноги в воду, от которой шел пар.

Но потом, кое-как передвигая стулья и перепрыгивая с одного стула на другой, перетрусивший приятель москвича добрался до ванны и закрыл кран.

И только они закрыли кран и вода стала куда-то утекать, как в номер вбегают администрация с побледневшими лицами.

Осмотрев ванну и нижний этаж, администрация совместно с прибывшим инженером стала о чем-то совещаться.

А среди наших друзей завязался тяжелый спор: кто виноват и кому платить убытки.

Приятель москвича, еле дыша от страха, сказал, что рублей сорок он как-нибудь покроет, но все, что свыше, пусть оплачивает владелец номера, который легкомысленно допускал мыться посторонних.

Тут между ними завязался спор, который мог бы кончиться печально, если б рядом не было администрации.

Москвич дрожащим голосом говорит администрации:

– А скажите, на какую сумму могут быть убытки?

Администрация говорит:

– Видите, внизу в гостиной размыло лепные украшения: одну крупную античную фигуру и трех херувимов. Так что это сильно увеличит расходы.

Услышав о лепных украшениях и херувимах, приятель москвича буквально задрожал.

Москвич, с тоской взирая на администрацию, прошептал:

– А на какую сумму размыло этих херувимов?

Инженер говорит:

– Тысячонок, мы так полагаем, семь-восемь будет стоить эта операция...

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Сумма эта совершенно подкосила силы москвича, и он прилег на диван, мало чего соображая.

А приятель его выказал себя с нехорошей стороны. Он поступил как подлец, пытаясь, так сказать, дать тигалю. Но был задержан слабой, но честной рукой приезжего.

Приезжий москвич, еле ворочая языком, говорит администрации:

– Тысчонки бы за две нельзя? В крайнем случае не надо мне ставить этих херувимов. Не такое сейчас время, чтоб платить за этих самых херувимов...

Администрация говорит:

– Да вы напрасно горячитесь и торгуетесь. Мы, кажется, с вас убытков не требуем.

Услышав эти слова, приятель москвича закрыл глаза, думая, что это сон.

Но администрация говорит:

– На вас мы не возлагаем никакой вины. Тут наш технический недосмотр. Мы плохо рассчитали утечку воды, и это наша техническая слабость.

Инженер тут же дает научное пояснение. Он говорит, показывая на ванну:

– Видите, тут наверху ванны имеется дырка, в которую вода должна утекать по мере наполнения ванны. И при научно правильном расчете вода не имеет права выйти за пределы краев. Но тут мы выказали некоторую слабость, и дырка, как вы могли видеть, не успела поглотить текущую жидкость. Так что мы просим у вас извинения за причиненное беспокойство. В дальнейшем этого не будет. Мы исправим. Это технические неполадки, которым не место в нашей славной современности.

Услышав эти слова, приятель москвича хотел упасть на колени, чтоб возблагодарить администрацию и судьбу, но приезжий не разрешил ему это сделать.

Он сказал инженеру:

– Конечно, иначе не могло и быть. Но скажите, кто мне возместит убытки: у меня испортились ночные туфли и чемодан подмок, и, может быть, там что-нибудь тоже испортилось благодаря вашей технической слабости.

Администрация говорит:

– Подайте заявление – мы возместим убытки.

На другой день москвич получил сорок шесть рублей за подмокший чемодан.

Приятель москвича тоже хотел воспользоваться случаем, чтоб содрать небольшую сумму за счет техники, но это ему сделать не удалось, так как он не имел права ночью находиться в чужом номере.

На другой день он все же пришел в гостиницу и там принял ванну, несмотря на то что москвич был этим крайне недоволен и даже рассердился.

1935

Поездка в город топцы
Недавно моей супруге понадобилось съездить на периферию.

Там, на периферии, у нее один родственник серьезно захворал. С ним какая-то, что ли, душевная болезнь приключилась. И, значит, растерявшиеся родственники вызвали мою супругу на периферию, в город Топцы.

Конечно, предстоящая поездка взволновала нашу семью. Все-таки, думаем, сложно, хлопотно, билеты доставать и так далее. Но ничего не поделаешь: надо ехать.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Ну, конечно, запаслись на всякий случай разными справками и удостоверениями. Со своей службы я ей тоже достал бумажку: мол, едет по семейно-служебным обстоятельствам. И вдобавок один знакомый хирург дал удостоверение в том, что психические болезни требуют тщательного ухода со стороны родственников. И что он просит предъявительнице сего оказывать всемерную медицинскую поддержку при поездке на периферию.

И вот с этими документами мы сходили к начальнику станции. Но тот оказался бездушный и негуманный человек, равнодушно относящийся к больным кадрам.

Он сказал:

– Прошу оставить мой кабинет. Никаких билетов я тут не выдаю. Обратитесь в кассу и там покупайте себе билеты.

Его иронию мы восприняли болезненно и решили тогда воспользоваться одним нашим довольно крупным знакомым, которого мы вообще если и хотели тревожить, то только в самых исключительных и грозных обстоятельствах.

Но этот работник оказался неуловим. Он все время где-то заседал, ездил, и мы его так и не нашли.

Тогда моя супруга смоталась еще к одному знакомому, орденоносцу, но тот отказался что-либо предпринять, говоря, что в этом отношении он пасует.

Тогда супруга решила было послать телеграмму в Топцы с отказом, поскольку все кнопки были нажаты и все связи были использованы, но тут мне пришла старая, но светлая мысль – обратиться к носильщику. И хоть это и нельзя, но я решил покривить душой ради родственного начала. Я решил дать кое-что носильщику, с тем чтобы он мне достал билет в город Топцы.

Я понимаю, что это – преступление перед обществом, но вместе с тем мы нашего заболевшего родственника тоже не в дровах нашли. А он был в аккурат до своей болезни весьма ценным членом общества. Он служил в одном учреждении по хозяйственной части, и – что бы там ни говорили – он приносил посильную помощь в деле построения дальнейшей жизни. И сейчас, поскольку он свихнулся, он, конечно, вправе требовать до себя внимания и ухода.

Этими мыслями я поделился с носильщиком, когда прибыл на вокзал.

Носильщик гуманно говорит:

– Честно вам скажу: мне бы не хотелось этим поганить свою душу. Но поскольку налицо ненормальность вашего родственника, то я хочу к этому чутко подойти. А за некоторый риск и услуги я попрошу с вас двадцать рублей. Приходите вечером сюда, и вы поедете.

И вот только я отошел от этого носильщика, чтоб пойти домой, как вдруг вижу: касса. Обыкновенная, представьте себе, дырка в стене, и там кто-то сидит. И вижу надпись: «Касса».

Я на всякий случай подошел туда.

Протягиваю кассиру документы.

Тот говорит:

– Не тычьте мне ваши бумаги, у меня и без того в глазах рябит от множества железнодорожных билетов.

Тогда я рассказываю кассиру о своих мытарствах и о свихнувшемся родственнике.

Кассир говорит:

– Не знаю, как ваш родственник, но ваша ненормальность заключается в том, что вы напрасно нажимали все кнопки и без усталы хлопотали: вы можете свободно подойти к моей кассе и можете свободно купить билет в эти ваши Топцы.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Я говорю:

– Мне как-то странно это слышать. Может, – говорю, – тут какое-нибудь недоразумение? Носильщик, – говорю, – и тот еле взялся за двадцать целковых.

Кассир говорит:

– Красиво на жизнь смотрите, раз можете по двадцать рублей кидать жуликам. Короче говоря, сколько вам надо билетов, чтоб поехать в Топцы?

И тут он щелкает билет на своей компостерной машинке и гуманно мне подает.

Я недоверчиво беру этот билет, и тут мы с кассиром начинаем смеяться и подшучивать.

Потом я говорю:

– Наверно, через пару лет это поразительно что будет. Не только, – говорю, – в Топцы, а во все места будет – ну, просто не вопрос ехать.

Кассир говорит:

– Еще не то будет. Откровенно вам скажу: по своей линии я и то кое-что придумываю. Я, – говорит, – уважаемый товарищ, на каждый купленный билет хочу пассажирам сюрпризики выдавать. Дамам – по живому цветку, а мужчинам – что придется: ну, там лезвие для бритвы, расческу, мыльце, брюки... Дальним – какую-нибудь статуэтку или гигиеническую брошюрку. Ну, не пройдет мой проект – не надо, а пройдет – так меня, может, даже и к какой-нибудь награде представят.

Тут мы попрощались с кассиром и отбыли домой.

Ну, супруга горячо отнеслась к поездке. Моментально, конечно, собралась и вечером укатила в Топцы.

Конечно, с дороги она прислала очень даже резкое и, прямо даже скажу, грубое письмо, зачем я ей купил билет на этот поезд. Все другие составы свободно, дескать, перегоняют этот поезд для молочниц.

Но по приезде в Топцы ее раздражительность прошла, и она прислала любезную открытку, что у свихнувшегося родственника было временное затмение и что он сейчас снова реагирует почти на все, что вокруг него происходит. И даже просил кланяться и благодарить за проявленную чуткость со стороны родственников.

Пламенный привет ему и пожелания дальнейшего выздоровления, возможного только в условиях бережного отношения!

1935

Спи скорей

Откровенно говоря, я не люблю путешествовать. Меня останавливает вопрос, где переночевать.

Из ста случаев мне только два раза удалось в гостинице комнату зацепить.

И то в последний раз я получил номер отчасти случайно. Они меня не за того приняли. Потом-то на другой день они, конечно, спохватились и предложили очистить помещение, но я и сам уехал.

А сначала любезность их меня удивила.

Портье, нюхая розу, сказал:

– Только осмелюсь вам сказать, ваш номер будет с дефектом. Там у вас окно разбито. И если, допустим, ночью кошка в ваш номер прыгнет, так вы не пугайтесь.

Я говорю:

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
– А зачем же кошка будет ко мне прыгать? Вы меня удивляете.

Портье говорит:

– Видите, там у нас в аккурат на уровне окна имеется помойная яма, так что животные не разбираются, где чего есть, а прыгают, думая, что это то же самое.

Конечно, когда я вошел в номер, я всецело понял психологию кошек. Они смело могли не разобраться в действительности.

Вообще говоря, номер «люкс» мне не нужен, но эта грязная каморка с колченогим стулом меня немного покорила.

Главное, меня удивило, что в комнате была лужа. Я стал звать кого-нибудь, чтоб это убрать, но никто не пришел. Тогда я разговорился с портье.

Он говорит:

– Если у вас имеется лужа, то, наверно, я так думаю, кто-нибудь там воду опрокинул. Сегодня у меня нет свободного персонала, но завтра я велю эту лужу вытереть, тем более что к утру она, наверно, и сама высохнет. Климат у нас теплый.

Я говорю:

– Потом номер уж очень жуткий. Темно, и из мебели всего один стул, кровать и какой-то ящик. Конечно, – говорю, – разные бывают гостиницы. Недавно, – говорю, – в Донбассе, а именно в Константиновке, я вместо одеяла покрывался скатертью..

– До скатертей мы не доходим, – сказал портье, – но вместо пододеяльников у нас действительно положены короткие отрезы. А что касается темноты, то, конечно, вам не узоры писать. Спите скорей, гражданин, и не тревожьте администрацию своей излишней болтовней.

Я не стал с ним спорить, чтобы не разгуляться, и, придя в номер, разделся и юркнул в кровать.

Но в первую минуту я даже не понял, что со мной. Я, как на горке, съехал вниз.

Я хотел приподняться, чтоб посмотреть, какая это кровать, что на ней так удобно съезжать. Но тут запутался ногами в простыне, в которой были дырки. Выпутавшись из них, я зажег свет и осмотрел, на чем я лежу.

Оказалось, что начиная от изголовья продавленная сетка кровати устремлялась книзу, так что спящему человеку действительно не было возможности удерживаться в горизонтальном положении.

Тогда я положил подушку в ноги, а под нее сунул свой чемодан и таким образом лег наоборот.

Но тут оказалось, что я не лежу, а сижу.

Тогда я в середину сунул пальто и портфель. И лег на это сооружение с намерением, как говорится, задать храповицкого.

И вот я уже стал дремать, как вдруг меня начали кусать клопы.

Нет, два-три клопа меня бы не испугали, но тут, как говорится, был громадный военный отряд, действующий совместно с прыгающей кавалерией.

Я поддался панике, но потом повел планомерную борьбу.

Но когда борьба была в полном разгаре, вдруг неожиданно потух свет.

В полной беззащитности я начал нервно ходить по номеру, ахая и причитая, как вдруг раздался стук в дощатую стену, и грубый женский голос произнес:

– Что вы тут, черт возьми, вертитесь в комнате, как ненормальный!

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

В первую минуту я остолбенел, но потом у меня с соседкой началась словесная баталия, которую даже совестно передать, поскольку, сгоряча и нервно настроенные, мы наговорили друг другу кучу самых архиобидных слов.

– Если я с вами, черт возьми, когда-нибудь встречусь, – сказала мне под конец соседка, – то я вам непременно дам плюху, имейте это в виду.

Мне прямо до слез хотелось ей на это что-нибудь возразить, но я благоразумно смолчал и только швырнул в ее стену ящик, чтобы она подумала, что я в нее стреляю. После этого она замолчала.

А я, отодвинув от стены постель, взял графин с водой и сделал вокруг кровати водяное кольцо, чтобы ко мне не прилезли посторонние клопы. После чего я снова лег, предоставив свое, как говорится, брненное тело на волю Божию.

Под адские укусы я уже стал засыпать, как вдруг за стеной раздался ужасный женский крик.

Я закричал соседке:

– Если вы нарочно завизжали, чтоб меня разбудить, то завтра вы мне ответите за свой хулиганский поступок.

Тут у нас снова поднялся словесный бой, из которого выяснилось, что к ней в кровать прыгнула со двора кошка, и через это она испугалась.

Дурак портье, наверно, перепутал. Он мне обещал кошку, но у меня окно было целое, а у нее нет.

В общем, я опять задремал. Но, настроенный нервно, я то и дело вздрагивал. А при вздрагивании всякий раз меня будила сетка от кровати, которая издавала зловеющий звон, визжание и скрежет.

Начиналось утро. Я снял тюфяк с кровати и положил его на пол. Полное блаженство охватило меня, когда я лег на это славное ложе.

«Спи скорее, твоя подушка нужна другому», – сказал я сам себе, вспомнив, что такой плакат висел в прошлом году в Доме крестьянина в городе Феодосии.

В эту минуту во дворе раздался визг электрической пилы.

В общем, ослабевший и зеленый, я покидал мою злосчастную гостиницу.

Я решил, что моей ноги не будет в этом отеле и в этом городе. Но судьба решила иначе.

В поезде, отъехав сто километров, я обнаружил, что мне дали не мой паспорт. А так как это был дамский паспорт, то ехать дальше не представлялось возможности.

На другой день я вернулся в гостиницу.

Конечно, мне было адски неловко встретиться с моей соседкой, которая тоже, оказывается, уехала и теперь вернулась с моим паспортом.

Это оказалась славная девушка, инструкторша по плаванию. И мы с ней потом мило познакомились и позабыли о ночной драме. Так что пребывание в гостинице все же имело известные плюсы. И в этом смысле путешествия иной раз приносят забавные встречи.

1935–1937

История болезни

Откровенно говоря, я предпочитаю хворать дома. Конечно, слов нет, в больнице, может быть, светлей и культурней. И калорийность пищи, может быть, у них более предусмотрена. Но, как говорится, дома и солома едома.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
А в больницу меня привезли с брюшным тифом. Домашние думали этим облегчить мои
неимоверные страдания.

Но только этим они не достигли цели, поскольку мне попалась какая-то особенная
больница, где мне не все понравилось.

Все-таки только больного привезли, записывают его в книгу, и вдруг он читает на
стене плакат: «Выдача трупов от 3-х до 4-х».

Не знаю, как другие больные, но я прямо закачался на ногах, когда прочел это
воззвание. Главное, у меня высокая температура, и вообще жизнь, может быть, еле
теплится в моем организме, может быть, она на волоске висит – и вдруг приходится
читать такие слова.

Я сказал мужчине, который меня записывал:

– Что вы, – говорю, – товарищ фельдшер, такие пошлые надписи вывешиваете?
Все-таки, – говорю, – больным не доставляет интереса это читать.

Фельдшер, или, как там его, – лекпом, удивился, что я ему так сказал, и говорит:

– Смотрите: больной, и еле он ходит, и чуть у него пар изо рта не идет от жара, а
тоже, – говорит, – наводит на все самокритику. Если, – говорит, – вы
поправитесь, что вряд ли, тогда и критикуйте, а не то мы действительно от трех
до четырех выдадим вас в виде того, что тут написано, вот тогда будете знать.

Хотел я с этим лекпомом схлестнуться, но поскольку у меня была высокая
температура, 39 и 8, то я с ним спорить не стал. Я только ему сказал:

– Вот погоди, медицинская трубка, я поправлюсь, так ты мне ответишь за свое
нахальство. Разве, – говорю, – можно больным такие речи слушать? Это, – говорю,
– морально подкашивает их силы.

Фельдшер удивился, что тяжелобольной так свободно с ним объясняется, и сразу
замял разговор.

И тут сестричка подскочила.

– Пойдемте, – говорит, – больной, на обмывочный пункт.

Но от этих слов меня тоже передернуло.

– Лучше бы, – говорю, – называли не обмывочный пункт, а ванна. Это, – говорю, –
красивей и возвышает больного. И я, – говорю, – не лошадь, чтоб меня обмывать.

Медсестра говорит:

– Даром что больной, а тоже, – говорит, – замечает всякие тонкости. Наверно, –
говорит, – вы не выздоровеете, что во все нос суετε.

Тут она привела меня в ванну и велела раздеваться.

И вот я стал раздеваться и вдруг вижу, что в ванне над водой уже торчит какая-то
голова. И вдруг вижу, что это как будто старуха в ванне сидит, наверно, из
больных.

Я говорю сестре:

– Куда же вы меня, собаки, привели – в дамскую ванну? Тут, – говорю, – уже
кто-то купается.

Сестра говорит:

– Да это тут одна больная старуха сидит. Вы на нее не обращайтесь внимания. У нее
высокая температура, и она ни на что не реагирует. Так что вы раздевайтесь без
смущения. А тем временем мы старуху из ванны вынем и набуровим вам свежей воды.

Я говорю:

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Старуха не реагирует, но я, может быть, еще реагирую. И мне, – говорю, – определенно неприятно видеть то, что там у вас плавают в ванне.

Вдруг снова приходит лекпом.

– Я, – говорит, – первый раз вижу такого привередливого больного. И то ему, нахалу, не нравится, и это ему нехорошо. Умиравшая старуха купается, и то он претензию выражает. А у нее, может быть, около сорока температуры, и она ничего в расчет не принимает и все видит как сквозь сито. И, уж во всяком случае, ваш вид не задержит ее в этом мире лишних пять минут. Нет, – говорит, – я больше люблю, когда к нам больные поступают в бессознательном состоянии. По крайней мере, тогда им все по вкусу, всем они довольны и не вступают с нами в научные пререкания.

Тут купающаяся старуха подает голос:

– Вынимайте, – говорит, – меня из воды, или, – говорит, – я сама сейчас выйду и всех тут вас распатрону.

Тут они занялись старухой и мне велели раздеваться.

И пока я раздевался, они моментально напустили горячей воды и велели мне туда сесть.

И, зная мой характер, они уже не стали спорить со мной и старались во всем поддакивать. Только после купанья они дали мне огромное, не по моему росту, белье. Я думал, что они нарочно от злобы подбросили мне такой комплект не по мерке, но потом я увидел, что у них это – нормальное явление. У них маленькие больные, как правило, были в больших рубахах, а большие – в маленьких.

И даже мой комплект оказался лучше, чем другие. На моей рубахе больничное клеймо стояло на рукаве и не портило общего вида, а на других больных клейма стояли у кого на спине, а у кого на груди, и это морально унижало человеческое достоинство.

Но поскольку у меня температура все больше повышалась, то я и не стал об этих предметах спорить.

А положили меня в небольшую палату, где лежало около тридцати разного сорта больных. И некоторые, видать, были тяжелобольные. А некоторые, наоборот, поправлялись. Некоторые свистели. Другие играли в пешки. Третьи шляли по палатам и по складам читали, чего написано над изголовьем.

Я говорю сестрице:

– Может быть, я попал в больницу для душевнобольных, так вы так и скажите. Я, – говорю, – каждый год в больницах лежу, и никогда ничего подобного не видел. Всюду тишина и порядок, а у вас что базар.

Та говорит:

– Может быть, вас прикажете положить в отдельную палату и приставить к вам часового, чтобы он от вас мух и блох отгонял?

Я поднял крик, чтоб пришел главный врач, но вместо него вдруг пришел этот самый фельдшер. А я был в ослабленном состоянии. И при виде его я окончательно потерял свое сознание.

Только очнулся я, наверно, так думаю, дня через три.

Сестричка говорит мне:

– Ну, – говорит, – у вас прямо двужильный организм. Вы, – говорит, – скрозь все испытания прошли. И даже мы вас случайно положили около открытого окна, и то вы неожиданно стали поправляться. И теперь, – говорит, – если вы не заразитесь от своих соседних больных, то, – говорит, – вас можно будет чистосердечно поздравить с выздоровлением.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Однако организм мой не поддавался больше болезням, и только я единственно перед самым выходом захворал детским заболеванием – коклюшем.

Сестричка говорит:

– Наверно, вы подхватили заразу из соседнего флигеля. Там у нас детское отделение. И вы, наверно, неосторожно покушали из прибора, на котором ел коклюшный ребенок. Вот через это вы и прихворнули.

В общем, вскоре организм взял свое, и я снова стал поправляться. Но когда дело дошло до выписки, то я и тут, как говорится, настрадался и снова захворал, на этот раз нервным заболеванием. У меня на нервной почве на коже пошли мелкие прыщики вроде сыпи. И врач сказал: «Перестаньте нервничать, и это у вас со временем пройдет».

А я нервничал просто потому, что они меня не выписывали. То они забывали, то у них чего-то не было, то кто-то не пришел и нельзя было отметить. То, наконец, у них началось движение жен больных, и весь персонал с ног сбился. Фельдшер говорит:

– У нас такое переполнение, что мы прямо не успеваем больных выписывать. Вдобавок у вас только восемь дней перебор, и то вы поднимаете тарарам. А у нас тут некоторые выздоровевшие по три недели не выписываются, и то они терпят.

Но вскоре они меня выписали, и я вернулся домой.

Супруга говорит:

– Знаешь, Петя, неделю назад мы думали, что ты отправился в загробный мир, поскольку из больницы пришло извещение, в котором говорится: «По получении сего срочно явитесь за телом вашего мужа».

Оказывается, моя супруга побежала в больницу, но там извинились за ошибку, которая у них произошла в бухгалтерии. Это у них скончался кто-то другой, а они почему-то подумали на меня. Хотя я к тому времени был здоров, и только меня на нервной почве закидало прыщами. В общем, мне почему-то стало неприятно от этого происшествия, и я хотел побежать в больницу, чтоб с кем-нибудь там побраниться, но как вспомнил, что у них там бывает, так, знаете, и не пошел.

И теперь хвораю дома.

1936

Опасные связи

Современная молодая женщина не любит, когда ей говорят уменьшительные слова. Она не любит, когда ей говорят: «ротик», «ручки» или «ножки».

Она на это сердится. И даже, я так думаю, через это может разрыв произойти.

Одна особа мне так и сказала:

– Какие, к черту, ножки. Я, – говорит, – сорок первый размер бареток ношу, а вы, – говорит, – все свое. Подлец вы, – говорит, – а не человек. Вы, – говорит, – мне жизнь губите своей дурацкой чувствительностью.

Откровенно вам сказать, я даже опешил от таких слов.

Она говорит:

– Это, – говорит, – в прежнее время избалованные дамы или там графини любили в своих будуарах такие сентиментальности. А я, – говорит, – плюю на таких мужчин, как вы.

– Вот тебе, – говорю, – здравствуйте. Как, – говорю, – понимать ваши слова?

А как понимать ее слова, когда она с тех пор мне по телефону ни разу не звонила

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru и при встрече со мной не поздоровалась?

А это верно: современные молодые женщины любят что-нибудь смелое, героическое. Им, я заметил, не нравится что-нибудь обыкновенное. Они любят, чтобы мужчина был непременно летчик или там в крайнем случае бортмеханик. Тогда они расцветают, и их не узнать.

А интересно их спросить: что же, все люди, что ли, должны быть летчиками и бортмеханиками?

Конечно, я ничего не говорю, профессия бортмеханика до некоторой степени удивительная, и она вызывает разные эмоции у зрителей. Но тоже, как говорится, невозможно, чтоб все без исключения летали под небеса.

Некоторым приходится занимать более скромные земные посты в канцеляриях и так далее.

А то им еще почему-то нравятся кинооператоры. Это уж прямо, как говорится, неизвестно почему. Крутит ручку и думает: «Наполеон».

Еще тоже вызывают женскую любовь приехавшие из Арктики. Ну, льды там. Снег. Северное сияние. Подумаешь!

Вообще говоря, я четыре раза женился, и все как-то такое у меня не вытанцовывалось. Ну, первые две жены увлеклись бортмеханиками. Третья сошлась с кинооператором. Ну, как говорится, это бывает. Но четвертый брак меня удивил своей неожиданностью. И я как гражданин, испытавший это, должен предостеречь остальных мужчин от подобных бракосочетаний.

У меня было знакомство с одной особой. И мы решили с ней пожениться. Но я ее честно предупредил:

– Имейте в виду, – говорю, – я не порхаю под небеса и навряд ли, – говорю, – для вашего удовольствия когда-нибудь прыгну с крыши с парашютом. Так что если вы увлекаетесь небесной профессией, то вопросов, как говорится, к вам не имею. И тогда давайте замнем вопрос о браке.

Она говорит:

– Профессия не играет роли. И к летчикам я отношусь равнодушно. Но мне единственно важно, чтоб наш союз был до некоторой степени свободный. Я не люблю стеснений личности. Я, – говорит, – до вас семь лет была замужем, и муж меня даже в театр с кем-нибудь не пускал. И теперь я бы желала иметь с вами брак, основанный на товарищеских условиях. И если, например, вы кем-нибудь увлечетесь, я вам ничего не скажу. А если я кого-нибудь встречу, то и вы тем более мне не будете возражать. И тогда наш брак, наверно, будет более продолжительный, основанный на разумном понимании двух любящих сердец. А то, что муж будет иметь мелкую профессию, то это даже и лучше. По крайней мере, он будет знать свое место и не станет с меня требовать невозможного.

Я говорю ей:

– Я четвертый раз женюсь, и у меня, – говорю, – ум за разум заходит от всевозможных понятий. То, – говорю, – одна не велит уменьшительные слова ей говорить. То, – говорю, – другая сходитя с кинооператором. То, – говорю, – вы еще что-то мне преподнесите. Но, – говорю, – поскольку мое сердце занято вами, то пускай будет по-вашему.

И вот, конечно, мы женимся и живем на разных квартирах. И все у нас идет хорошо и дружелюбно. Но вдруг она через неделю увлекается одним своим знакомым, который прибыл из Арктики.

Она мне говорит согласно нашего договора:

– Если хотите, давайте разойдемся. Но если еще питаете ко мне некоторые чувства, то давайте придерживаться наших условий. Тем более мой знакомый снова в скором времени уезжает в экспедицию, и тогда у нас с вами опять что-нибудь хорошее получится.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

И вот я, как дурак, ожидаю его отъезда месяц и два. И наконец моя соседка по комнате говорит:

– Напрасно будете ее ждать. Ваше дело битое: она к вам нипочем назад не вернется.

Но проходит еще месяц, и вдруг моя супруга возвращается со словами: я, дескать, его окончательно отшила, тем более что он снова уехал в свое северное путешествие.

Я говорю:

– Но теперь с моей стороны возникли препятствия: я, – говорю, – увлекся своей соседкой. А если у вас остались ко мне чувства, то, – говорю, – я согласен с ней разойтись.

И вот я стал расходиться со своей соседкой. И только я с ней разошелся, гляжу: моя супруга через месяц спокойной жизни снова увлеклась приятелем и спутником по путешествию того человека, который уехал в Арктику. А этот полярник почему-то остался. И она им увлеклась. И стала с ним жить.

Вот я, согласно условию, жду несколько месяцев и вдруг узнаю, что у нее будет от него ребенок.

Я говорю ей:

– Интересный брак у нас получается. Эти, – говорю, – полярники, бортмеханики и кинооператоры меня буквально с ног валят.

Она говорит:

– Хотите – подождите, когда он меня разлюбит или когда ребенок немного подрастет. И тогда будем продолжать наши условия. А не хотите – так как хотите. Вообще, – говорит, – вы мне прямо надоели своим вечным нытьем и недовольством. Я, – говорит, – не от себя завишу. Мое сердце мне подсказывает, каких современных мужчин мне любить и каких ненавидеть. Не только, – говорит, – вы не имеете значка ГТО, но хоть бы для смеха прошли курс санитарной обороны. Уж я не говорю, чтобы вы были ворошиловский стрелок или поехали бы куда-нибудь на север. Не эти, – говорит, – профессии вас с ног валят, а просто у вас характер неинтересный, далекий от современности. Нынче богачей нету, и капиталом свое убожество прикрывать не приходится, так что надо улучшать свою личность, чтоб заслужить женскую любовь.

Я говорю:

– То одна не велит уменьшительных слов произносить, то другая детей преподносит. И вдобавок мне лекцию читает.

Вдруг она открывает дверь в соседнюю комнату и кричит уменьшительные слова:

– Ванечка, этот типус опять к нам скандалить пришел. И хотя он мой муж, но выгони его к черту. Я, – говорит, – чувствую, что через него истерику наживу.

И вдруг входит в комнату приятель того, который в Арктику уехал. Здоровенный такой мужчина, закаленный северным воздухом. И вдобавок парашютист, со значком.

– Об чем, – говорит, – молодой человек, вы тут загораетесь?

Я попрощался с ним и ушел с намерением все это описать, чтоб другие нелетающие мужчины остерегались попадать в такое же, как говорится, непромокаемое положение.

Я гляжу против таких свободных браков. Я стою за более крепкий брак, основанный на взаимном чувстве. А где это чувство взять, ежели я и парашюта никогда в глаза не видел? И севернее Лигова нигде не жил.

Прямо хоть становись героем, чтобы сравняться с остальным населением.

1936

Огни большого города

К одному жильцу с нашей коммунальной квартиры прибыл из деревни его отец.

Конечно, он прибыл по случаю болезни своего сына. Без этого он, наверное, до конца своих дней не увидел бы Ленинграда. Но поскольку захворал его сын, вот он и прибыл.

А сын его был наш жилец. И он служил в одном ресторане официантом. Он там порции подавал и был на хорошем счету.

И, может быть, стараясь еще больше, он однажды, разгорячившись своим ночным трудом, выскочил на улицу с тем, чтобы пойти домой, и, конечно, через это простудился на своем, так сказать, кулинарном посту. Он захворал сначала насморком и семь дней чихал. Но потом простуда перешла к нему на грудь, и температура вдруг поднялась до плюс сорока градусов выше нуля.

Вдобавок еще до этого, желая в свободный день культурно провести время, он поехал в Павловск осмотреть дворцы, и там он немного надорвался, помогая своей супруге войти в вагон.

Так что все это вместе взятое дало печальную картину заболевания человека в полном расцвете его сил.

И, будучи от природы мнительным, наш бедный официант был уверен, что он уже не поправится и уже, как говорится, не приступит больше к исполнению своих прямых обязанностей.

И вот через это он и пригласил своего папу приехать в Ленинград, чтобы сказать ему последнее «прости».

Не то чтобы он горячо любил своего папеньку и вот теперь на закате своей жизни он во что бы то ни стало захотел его увидеть, напротив, он в течение сорока лет о нем не справлялся и совершенно как бы безучастно относился к факту его существования. Но его супруга, увидя у своего мужа такую невозможно высокую температуру, скорее из самолюбия, – мол, все, как у людей, – дала папе телеграмму: дескать, приезжайте в Ленинград, ваш сын захворал.

И когда сын уже начал поправляться, в Ленинград, всем на удивление, прибыл из весьма далеких мест его папанька в лаптях, с мешком за спиной и с палкой. Правда, потом оказалось, у старика в мешке были сапоги, но он их принципиально не носил, говоря об этом: «Богатый бережет рожу, а бедный – одежду».

Конечно, все, и в том числе сын, рассчитывали, что приедет скромный, отчасти даже религиозный старец лет семидесяти и будет тут произносить постные речи и всего пугаться. Но оказалось совершенно, как говорится, напротив.

Оказалось, что старикан был на редкость задиристый, немного скандалист, грубиян и брехун. И вдобавок он был не то чтобы контрреволюционер, но он отличался исключительной отсталостью в политическом смысле.

Он моментально во дворе дома схлестнулся с дворником и отодрал за уши одного подростка, пришедшего в гости к своему дяде, живущему тут двенадцать лет.

Потом он у нас в жакте резко беседовал с председателем, так что тот удивился, какие бывают взгляды на современность, и даже хотел об этом сообщить по месту его жительства.

В довершение всего приезжий отец напугал своего сына тем, что с места в карьер навел в конторе справку, не может ли он тут получить площадь для постоянного проживания в Ленинграде.

Конечно, сам по себе старик, наверное, был сравнительно хороший, но тут с первого дня его приезда почти все жильцы оказались не на высоте в смысле культуры. Они все начали над ним подтрунивать, шутили над ним, как над дураком,

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru смеялись насчет его провинциальных, деревенских манер. И каждый старался сказать ему какую-нибудь чушь, вроде того, как ему при встрече всякий раз говорил дворник петушиным голосом: «С какого именно колхоза прибыли, молодой человек?»

Да и сын его, официант Гаврилов, тоже, конечно, не отставал от общего настроения и в другой раз, давась от смеха, говорил старику, нарочно глядя в газету:

– Сегодня, папаня, не ходите на улицу – ожидается облава на седых и рыжих.

Конечно, все это делалось довольно любовно и без злобы, но все-таки, как говорится, это, наверное, не было чем-нибудь приятным для приезжего старика, который прожил семьдесят два года и был, наверное, умнее их всех, вместе взятых. А они думали, что это – простофиля, дурак и серый мужик, и вот что с ним делали.

И это, конечно, имело отрицательную реакцию на его поведение.

И сколько дней он тут прожил, столько скандалов имело место. Были крики, сцены грубости и так далее.

В довершение всего на седьмой день своего пребывания он в пивной надрызгался и стал там буянить. И даже его хотели представить в милицию. Но он от всех скрылся и пошел шляться по улицам.

И вот он идет по улице и песни играет. А сам старенький, седенький и одетый по-деревенски, в высшей степени незатейливо.

И вот он идет по улицам и вдруг видит, что заблудился.

Конечно, это абсурд – тут заблудиться. Тем более он адрес знает. Но с пьяных глаз он испугался и даже протрезвел.

И спросил прохожего, куда ему идти. Но прохожий не знал и велел ему обратиться к органам милиции.

Конечно, наш старик оробел сразу подойти к стоящему на посту милиционеру и от волнения прошел еще два-три квартала.

Но потом подошел к постовому с опаской, думая, что тот засвистит и закричит на него.

Но тот, согласно внутренней инструкции, отдал честь подошедшему, приложив к козырьку свою руку в белой перчатке.

Приготовившись к скандалу и привыкши к этому, старик от неожиданности немного растерялся и залепетал разные слова, не идущие к делу.

А постовой, спросив у него, какая ему нужна улица, показал, куда идти, и, снова отдав честь, занялся своим делом.

Но этот маленький жест почтения и вежливости, рассчитанный в свое время на генералов и баронов, произвел исключительное впечатление на нашего приезжего старика.

Старик аж задрожал, когда ему постовой отдал честь вторично и, стало быть, тем самым показал, что тут ошибки не было, а было то, что ему полагалось.

И тогда старик, как потом выяснилось, снова еще раз подошел уже к другому милиционеру и снова получил приветствие, которое с еще большей силой запало в его слабую душу.

Конечно, я не знаю, может ли быть, чтоб это сразу отразилось на характере, но все заметили, что старикан вернулся домой в высшей степени сдержанный и, проходя мимо дворника, не вступил с ним в обычные пререкания, а молча отдал ему честь и последовал к себе.

Не знаю, может ли быть, что такая мелочь и такой, в сущности, пустяк могли сыграть известную роль в смысле перековки характера, но все заметили, что с папашей Гавриловым что-то произошло другое и в высшей степени оригинальное.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Кое-кто видел, как он на углу около своего дома пару раз подходил к милиционеру и с ним вежливо беседовал.

И многие, грубоватые в своем уме, увидев перемену, приписали ее страху, который старик испытал, когда его хотели волочить в милицию. Но некоторые поняли по-другому.

И один интеллигент с нашей квартиры, страдающий сахарной болезнью, сказал про этот случай:

– Я всегда отстаивал ту точку зрения, что уважение к личности, похвала и почтение приносят исключительные результаты. И многие характеры от этого раскрываются буквально как розы на рассвете.

Большинство с ним не согласилось, и даже у нас в квартире произошла безрезультатная дискуссия.

А дня через три папаша Гаврилов заявил своему сыну, что срочные дела требуют его отбытия в деревню.

Некоторые из нашей квартиры, желая загладить перед стариком свои неуклюжие шуточки, пошли его провожать на вокзал.

И когда поезд тронулся, папа, стоя на площадке, отдал всем провожающим честь.

И все засмеялись, и папа засмеялся и уехал к себе на родину.

И там он, наверное, внесет теперь некоторую любезность в свои отношения к людям. И от этого ему в жизни станет еще более светло и приятно.

1936

В трамвае

Давеча еду в трамвае. И стою, конечно, на площадке, поскольку я не любитель внутри ехать.

Стою на площадке и люблюсь окружающей панорамой.

А едем через Троицкий мост. И очень вокруг поразительно красиво. Петропавловская крепость с золотым шпилем. Нева со своим державным течением. Тут же солнце закатывается. Одним словом, очень, как говорится, божественно.

И вот стою на площадке, и душа у меня очень восторженно воспринимает каждую краску, каждый шорох и каждый отдельный момент.

Разные возвышенные мысли приходят. Разные гуманные фразы теснятся в голове. Разные стихотворения на ум приходят. Из Пушкина что-то такое выплывает в память: «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца...»

И вдруг кондукторша разбивает мое возвышенное настроение, поскольку она начинает спорить с одним пассажиром.

И тут я, как говорится, с высоты заоблачных вершин спускаюсь в надземный мир с его узкими интересами, мелкими страстями и недочетами.

Молодая, интересная собой кондукторша ядовито говорит пассажиру:

– Что ж вы думаете: я даром вас повезу? Платите, короче говоря, деньги или сойдите с моего вагона.

И слова, которые она произносит, относятся к скромно одетому человеку. И стоит этот человек со своим постным лицом и, одним словом, не платит за проезд. Он отвиливает платить. И то роется в карманах и ничего там не находит, то говорит уклончиво:

– Такая славненькая кондукторша, и такие хорошенькие у нее губки, и так она

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihajl.ru сильно ерепенится и этим портит свою наружность... Ну нет у меня денег... Сейчас сойду, милочка, только одну остановку проеду...

– То есть никакой остановки я тебе даром не дам проехать, – говорит кондукторша.
– А если у тебя денег нет, так зачем же ты, нахал, в трамвай вперся? Вот чего я никак не пойму.

Пассажир говорит:

– Тоже пешком идти – может быть, у меня пузыри на ногах? Какие нечувствительные люди в настоящее время. Совершенно не входят в положение человека. Только за все деньги, деньги и деньги. Прямо, может быть, этого не оберешься. Только давай, давай, давай...

Гуманные чувства заполняют мое сердце. Мне становится жалко человека, у которого нет даже нескольких грошей на проезд в трамвае.

Я вынимаю деньги и говорю кондукторше:

– Примите за того, который с постным лицом. Я заплачу за него.

Кондукторша говорит:

– Никакой уплаты со стороны я не разрешаю.

– То есть, – говорю, – как же вы можете не разрешить? Вот тебе здравствуйте!

– А так, – говорит, – и не разрешу. И если у него нету денег, то и пушай он пешком шкандыбают. А на своем участке работы я не дозволю поощрять то, с чем мы боремся. И если у человека нету денег – значит, он их не заслужил.

– Позвольте, – говорю, – это негуманно. К человеку надо гуманно относиться, когда ему плохо, а не наоборот. Человека, – говорю, – надо жалеть и ему помогать, когда с ним что-нибудь происходит, а не тогда, когда ему чудно живется. А вдобавок это, может быть, мой родственник, и я его желаю поддержать на основе родственных чувств.

– А вот я вашего родственника сейчас отправлю в одно местечко, – говорит кондукторша и, свесившись с трамвая, начинает трещать в свой свисток.

Пассажир с постным лицом говорит, вздохнувши:

– Какая попалась на этот раз ядовитая бабенка. А ну, брось свистеть и поезжай дальше: я сейчас заплачу.

Он вынимает из кармана записную книжку, вытаскивает из нее три червонца и со вздохом говорит:

– Крупная купюра, и через это в трамвае мне ее не хотелось зря менять. Но поскольку эта особа с ума сходит и не позволяет пассажирам производить поддержку, то вот примите, если, конечно, найдется сдачи, что вряд ли.

Кондукторша говорит:

– Чего вы суετε мне в нос такие крупные деньги? У меня нету сдачи. Нет ли у кого разменять?

Я было хотел разменять, но, увидя суровый взгляд пассажира, отложил свои намерения.

– Вот то-то и оно, – сказал пассажир. – Через это я и не давал купюру, поскольку знаю, что это безрезультатно и в трамвае не могут ее разменять.

– Какая канитель с этим человеком, – говорит кондукторша. – Тогда я трамвай сейчас остановлю и его к черту ссажу. Он мне тормозит мою работу.

И она берется за звонок и хочет звонить.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Пассажир, вздохнувши, говорит:

– Эта кондукторша что-нибудь особенное. То есть я в первый раз вижу такое поведение. А ну, погоди звонить, я сейчас заплачу. Вот действительно какой ядовитый человек попался...

Он роется в кармане и достает двугривенный.

Кондукторша говорит:

– Что ж ты, дармоед, раньше-то не давал? Небось хотел на пушку проехать.

Пассажир говорит:

– Всем давать – потрохов не хватит. Прими деньги и заткни фонтан своего красноречия. Через такие мелочи трещит своим языком в течение часа. Прямо надоело.

– И хотя это мелочи, – сказала кондукторша, обращаясь к публике, – но они затрудняют плавный ход движения государственного аппарата. И я через это пропустила целую массу безбилетных пассажиров. И его пятнадцать копеек обошлись государству рублей шесть.

Через две остановки злополучный пассажир со своей мелкой, склочной душой сошел с трамвая.

И тогда кондукторша сказала:

– Какие бывают отпетые подлецы!

Потом мы снова въехали на какой-то мост, и я снова увлекся картинами природы, позабыв о мелочах, связанных с движением транспорта.

1936

Возмездие

1. Вечер воспоминаний

Во время годовщины Октябрьской революции на одном из ленинградских заводов был устроен вечер воспоминаний.

Каждый из желающих рассказывал о своем участии в революции, о своих подвигах, о своих встречах со знаменитыми революционерами и о своей прошлой боевой жизни.

Делились своими воспоминаниями не в торжественной обстановке и не в зале с эстрадой и кафедрой, а просто участники вечера за чашкой чаю вели свои беседы. Это придало разговору живой и непринужденный характер. И в тот же вечер моя записная книжка была вдоль и поперек исписана интересными заметками и сюжетами.

Между прочим, очень много всех смешил заводский парикмахер, некто Леонидов. Он очень забавно и комично рассказывал, как он до революции служил в модной парикмахерской на Морской и как там он стриг и брил разных генералов и князей. И какие там у него встречались требовательные и нахальные клиенты, не разрешавшие во время бритья дотрагиваться пальцами до своей благородной кожи.

Все очень смеялись, когда Леонидов вспоминал разные забавные факты из своей практики. Но об этом я расскажу как-нибудь в дальнейшем.

После Леонидова с коротенькой речью выступил немолодой слесарь Коротков, раненный в Февральскую революцию. Он рассказал об уличном столкновении с полицией, во время которого он и был ранен.

И вот наконец выступила работница завкома, товарищ Анна Лаврентьевна Касьянова, награжденная в свое время орденом Красного Знамени.

2. Речь А.Л. Касьяновой

Речь Касьяновой была исключительно интересна и занимательна. Это было воспоминание о прожитой жизни, о революции, о гражданской войне, о знаменитом

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
Перекопе и о бегстве барской России за границу.

Это был рассказ человека, побывавшего в самом пекле революционных событий.

Уже по первым ее фразам я понял, что это незаурядная женщина с простенькой и обыкновенной биографией. И действительно, ее жизнь поразила нас каким-то внутренним, особенным значением.

Ее речь всех нас захватила, и мы не заметили, как промелькнуло полтора часа.

Во время перерыва я подошел к т. Касьяновой и попросил ее разрешения написать повесть об ее жизни.

Анна Лаврентьевна сказала:

– Если это получится как забава, то не надо. Мне было бы неприятно, если б вы посмеялись над моей жизнью. Но если это полезно для дела революции, то я согласна, чтоб вы это написали.

Потом она добавила:

– Только то, что я рассказала, – это древняя история. Сейчас мы заинтересованы другой материей – строительством и расцветом нашей страны. И эта старая история моей жизни, может, сейчас не так полезна в литературе, как другие, более современные темы.

Я сказал:

– Это именно та «древняя история», которая исключительно нам интересна, потому что без таких историй, может быть, и не было бы того, что есть сейчас.

В общем, я условился с Касьяновой, что по окончании моей работы мы поведемся с ней и она внесет поправки, если в моей повести будут неправильности или неточности против правды.

Однако значительных неправильностей в моей работе не оказалось, и товарищ Анна Лаврентьевна Касьянова дала свое согласие опубликовать историю своей жизни.

Необходимо сказать, что в этой моей работе я постарался сохранить все особенности рассказчицы, все ее интонации, слова и манеру.

Однако прежде чем приступить к рассказу, я скажу несколько слов о наружности Касьяновой.

Она среднего роста. Склонная к полноте. Ей сейчас примерно около сорока лет. У нее голубые глаза, русые волосы и несколько широкое лицо. Вероятно, в молодые годы она была очень красива той прекрасной, здоровой русской красотой, в которой чувствуются сила, уверенность и удивительное спокойствие.

Вот что рассказала Касьянова.

3. Детство

Я родилась в рабочей семье. Мой отец, Лаврентий Иванович Касьянов, крестьянством не занимался. Он был рабочий. Он служил на сахарном заводе. И мы жили в сорока километрах от Киева.

Но в японскую войну его во время забастовки на заводе арестовали и куда-то забрали. И он к нам не вернулся.

И тут после этого, если так можно сказать, все равно как бомба разорвалась в нашей семье. Отец не вернулся. Старший брат, мальчик лет семнадцати, уехал в Персию и там где-то остался. У сестренки открылась болезнь почек. И она потом умерла. И моя мать, видя все это, тоже начала хворать, гаснуть, и в скором времени она тоже скончалась.

В свои семь лет я осталась круглой сиротой. И только у меня в Киеве проживала одна тетя. И тогда эту тетю вызвали из Киева и спросили, что делать. Тетя удивилась, что я осталась одна, и отдала меня в соседнюю деревню в няньки к

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
одному своему знакомому кулаку.

А у этого кулака была большая семья. Его родственники. Он сам. Два сына – Мишка и Антошка. И еще грудная девочка Феня, которую мне надо было нянчить.

А мне было всего семь лет. И можете себе представить, какая я была в то время няня. И какой мне был интерес ухаживать за этой девочкой.

Фамилию этого кулака я запомнила на всю жизнь. Это был исключительно богатый мужик и мироед. Максим Иванович Деев.

Он держал несколько батраков, которые обрабатывали его поля и смотрели за его хозяйством.

4. На заводе

Этот кулак Деев, видя, какая я нянька, решил меня отдать на завод.

И он меня отдал на сахарный завод, где в свое время работал мой отец, мой папа.

Я стала работать на этом заводе. И я там работала по двенадцать часов в сутки.

И когда я возвращалась домой, то дома я тоже не знала отдыха. Я дома продолжала работать. Я носила дрова. Убирала хлев. Пригоняла коров. Кормила птиц. Нянчила феню. И утром часов в пять снова уходила на завод.

Мне хотелось играть в куклы или побегать с ребятишками, но вместо того вот что я имела.

А у нас там, на сахарном заводе, детей использовали на подсобных работах. У нас там дети подбирали свеклу. Каждому из ребят полагался такой железный крючок. И вот с этими крючками мы ходили взад и вперед и подбирали свеклу, поскольку она то и дело падала, когда ее подвозили на эстакаду.

А когда мне исполнилось девять лет, то меня перевели с этой легкой работы к станкам, где сахар рубят. Там были такие особые ящички, куда бросают сахар. И вот мы, дети, подбирали кусочки и швыряли их в эти ящички.

Но когда мне ударило двенадцать лет, то меня уже поставили на станок. И я там рубила сахар. И там я этим занималась до пятнадцати лет.

И мне за это кулак Деев ежемесячно платил один рубль. Но сам он за меня получал сначала три рубля, а потом восемь.

Он в течение шести лет получал за меня по восемь рублей. Но я продолжала получать от него один рубль. И на эти деньги я должна была справлять себе обувь и одежду.

И за каждый этот мой несчастный рубль, полученный от него, он заставлял благодарить себя как за совершенную милость. И я его сердечно благодарила, потому что не понимала, как еще бывает иначе. Я не знала, что это был возмутительный акт с точки зрения революции. Я не отдавала себе в этом отчета. Я, девчонка в пятнадцать лет, жила как в дремучем лесу.

И только когда произошла революция, я кое-что стала понимать.

Но во время революции я уже не работала у Деева, а служила кухаркой в Киеве. Но тем не менее я тогда вспомнила эту эксплуатацию. Я вдруг вспомнила, как он мне платил один рубль, а остальные деньги брал себе. И как он, кроме того, заставлял меня дома работать до того, что я спала не больше пяти часов в сутки.

И когда я впоследствии нарисовала себе эту картину, я просто не могла с собой совладать. Меня трясло от злобы, когда я подумала, как это было.

И, руководимая этой злобой, я даже нарочно решила поехать в деревню поговорить с Деевым.

Это было вскоре после февральской революции.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

5. Поездка в деревню

А мне в то время было около девятнадцати лет. И я тогда, повторяю, жила в Киеве. Я была прислужгой, кухаркой.

И это было исключительное движение души, что я вдруг вспомнила эту эксплуатацию и решила съездить в деревню.

Я сама себя уговорила, что мне надо было побывать в деревне. У меня там решительно никаких дел не было.

Тем не менее в мае я приехала в деревню. И зашла во двор к Дееву. Он сидел на крыльечке и грелся на весеннем солнышке.

Я его три года не имела счастья видеть, но я ему не поклонилась. И он мне не поклонился.

Он мне грубо сказал:

– Ты чего шляешься по чужим дворам? Это еще что за новости!

Тогда я ему сказала, еле сдерживая свое негодование:

– Ты что же мне, старая плешь, платил один рубль, в то время как сам получал за меня восемь рублей! Ты знаешь, как это называется с точки зрения революции?

Но Деев на это засмеялся и велел своим сыновьям Мишке и Антошке выгнать меня со двора.

И я тогда удивилась, что революция не облегчила мои душевные страдания. Я только потом узнала, что это была буржуазная революция, ничего не имеющая с нами общего. И надо было еще ждать полгода, чтобы произошла другая, народная, революция, которая все поставила на место.

Так или иначе, кулак Деев стал смеяться над моими словами. И он до того смеялся, что еле мог выкрикнуть Мишку и Антошку.

А когда те прибежали, то я удивилась, как они выросли за эти три года, что я провела в Киеве.

Они были все равно как здоровые жеребцы.

Деев им сказал:

– А нуте-ка, прогоните мне эту белобрысую халду, приехавшую с глупостями к нам из Киева.

Старший кулацкий сын Мишка не стал меня гнать. Он сказал: «Не надо этого делать». Но другой сын, Антошка, ринулся на меня, словно дикий бык.

Он начал меня бить ногами. Стал выталкивать меня со двора.

Мы с ним одновременно выбежали на улицу. И там друг против друга остановились. И он, засмеявшись, мне сказал:

– Я тебя, Анютка, прогнал со двора, потому что мне папенька так велел. А если ты у нас хочешь получить работу, то наймись ко мне блох ловить.

И от этих его насмешливых слов у меня буквально свет померк в глазах. Души моей не стало от этой его дурацкой и нахальной фразы.

Я вдруг схватила коромысло, стоявшее у колодца, и ударила им кулацкого сына Антошку. Я два раза и больше его ударила. И потом я, кажется, даже стала молотить его этим коромыслом.

И он вдруг испугался, что увидел такую мою злобу, какую он не предполагал видеть в женщине.

И от страха он закричал:

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Ах, подойдите все сюда! Вот что она со мной делает!

Но потом вдруг побежал к дому, бросая горстями кровь с носу.

И я тогда пришла в себя и пошла обратно. И даже не обернулась назад, чтоб посмотреть, не бежит ли кто за мной. Мне в тот момент, как помнится, сделалось все равно.

И только я потом узнала, что сам старик Деев хотел выстрелить в меня из дробового ружья, но он испугался это сделать, потому что ему сказали, что я член горсовета.

Но я тогда не знала, о чем он замышлял, и бесстрашно шла с тем, чтобы никогда сюда не возвращаться.

Но я вернулась сюда через двенадцать лет. Через двенадцать лет я была в этом районе. И снова нарочно заехала в эту деревню.

Это был уже 1930 год.

И вот я заехала в эту деревню. И пошла на двор к Дееву. Но оказалось, что старик Деев уже давно отправился путешествовать на тот свет. А его сыновья, Мишка и Антон, были раскулачены и высланы из этого района. И никого из их родственников я тут больше не нашла.

А в их помещении была изба-читальня.

Я зашла в эту избу.

И когда я зашла в эту избу-читальню, я вдруг рассмеялась, что так все случилось.

Я не обладала жестоким сердцем, и я всегда была внимательна к чужому страданию. Но тут я рассмеялась, когда вошла в избу.

Заведующая избой-читальней спросила меня: «Чего вы смеетесь?» Я ей ответила с той сердечной простотой и наивностью, которые у меня тогда были. Я ей сказала:

– Я смеюсь, что произошла такая народная революция, которая оправдала мои надежды.

И тогда заведующая, не поняв, в чем тут дело, сказала:

– Может быть, вы хотите взять какую-нибудь книжку почитать, чтобы повесить свою культуру?

Не помню сейчас, но, кажется, я действительно взяла тогда какую-то книжку. Но в те дни я не стала ее читать, потому что у меня и без книг тогда слишком было переполнено сердце.

6. В Киеве

А что касается дореволюционного времени, то у этого кулака Деева я находилась почти что до шестнадцати лет.

А когда мне исполнилось шестнадцать лет, к нам в деревню прибыл из Киева один мой знакомый, ранее служивший на сахарном заводе.

Он мне симпатизировал.

Он мне сказал:

– Бросай, Аннушка, своего кулака Деева и давай поедem в Киев. И я там куда-нибудь определю тебя на работу. Сам я служу в Киеве в москательной лавке. И если ты захочешь, мы там будем с тобой встречаться по воскресеньям.

И вот я тогда бросила своего кулака и действительно поехала в Киев.

И я там в скором времени устроилась прислугой к одной барыне.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Собственно говоря, это была, так сказать, не чистой воды барыня. Ее муж служил в интендантстве по снабжению армии. И был все время в разъездах.

А супруга его содержала небольшую шляпную мастерскую, в которую она даже никогда не заглядывала по причине своего нездоровья. А просто там у нее кто-то работал, а прибыль получала она. Тогда это было в порядке вещей, что один работает, а другой за него барыши получает. Это не казалось чем-то особенным. Это было тогда повседневным делом – подобная эксплуатация.

А у этой барыни была дочка Оленька. И Оленька оставила по себе очень хорошее воспоминание. Она меня учила грамоте. Она сама была гимназистка выпускного класса. И была чересчур бойкая и развитая не по летам. За ней постоянно мужчины бегали. И даже какой-то юнкер из-за нее хотел застрелиться.

Но у нее хватало времени со мной заниматься. Она мне преподавала географию, чтение, арифметику и ботанику.

В общем, я ей очень благодарна за науку, потому что к моменту революции я была уже немного подкована в смысле грамотности, и я уже не была такой, что ли, чересчур темной особой.

Эта Оленька потом вышла замуж и уехала из Киева. И я не знаю, где она теперь.

Я у них служила около двух лет. И я тогда нигде почти не бывала. А моего знакомого, с которым я приехала в Киев, взяли на войну. Он был мобилизован.

Я его провожала на вокзал. И я не знаю, что с ним в дальнейшем стало. Наверное, он был убит на войне. Или он пропал без вести. Только я о нем никогда ничего не могла узнать.

А он очень страдал, что уезжает от меня. И мы с ним торжественно, как жених и невеста, поцеловались на вокзале.

Но я привыкла терять близких мне людей. И не имела от этой потери какого-нибудь отчаяния.

Я тогда стала больше работать, чтоб не скучать.

И я поступила даже на курсы поваров, чтобы повысить свою квалификацию.

Мне моя барыня разрешила это сделать. Ей самой смертельно хотелось, чтоб я у нее лучше готовила. И она мне позволяла по вечерам ходить на занятия.

Но от этого она, увы, не получила своего выигрыша, потому что я вскоре ушла от нее на более хорошее место, к одной генеральше.

7. Генеральша Дубасова

У нас рядом с нашим домом был отдельный особняк. И там жила генеральша Нина Викторовна Дубасова, урожденная баронесса Недлер.

Она была сравнительно молодая, довольно интересная особа. Ей было около тридцати лет.

А сам генерал Дубасов был постоянно на фронте. Он был боевой генерал. Фронтовик. А она тут жила все равно как в сказке.

Они были очень богаты, эти Дубасовы. У них было несколько имений на Украине. И к ним постоянно мужики привозили всякую снедь и продукты. И, кроме того, мужики привозили им деньги. И в довершение всего кланялись в пояс и целовали ручку. Причем они круглый год работали. А та за них отдыхала. И пользовалась всем на свете. Просто невероятно сейчас подумать, как это тогда было.

В общем, генеральша жила в полной роскоши, не зная никаких затруднений.

У нее, между прочим, было три денщика. А когда с фронта приезжал генерал, то он еще двух денщиков с собой привозил. Так что это было смешно видеть, что у них был такой личный штат.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Кроме того, у них было два кучера, два дворника, горничная, истопник и кухарка. А поскольку сам генерал был почти все время на фронте, то все эти услуги относились только к баронессе Нине Викторовне, которая прямо с ума сходила от своего безделья.

Она меня видела несколько раз со своего балкона и велела мне сказать, чтоб я бросила служить у прежней барыни и чтоб я перешла к ней, поскольку я ей почему-то понравилась.

И она мне положила в два раза большее жалование. Я получала шесть рублей, а она мне дала двенадцать рублей. А в то время это были порядочные деньги.

И тогда я к ней перешла. И вскоре я убедилась, что она была страшно сумасшедшая. Она была недотрога и истеричка в высшей степени.

Ее люди очень не любили. И она часто выгоняла то одного, то другого. Причем у нее была тенденция не платить. Она рассердится, например, на дворника, вышвырнет ему за дверь паспорт и велит сразу уходить. И никакой управы на нее нельзя было найти.

У нее было три денщика. Так она каждый день их лупила. Сейчас, конечно, трудно даже представить, как это можно ударить служащего человека. Но тогда это был не вопрос. Тогда это было вполне законное явление. И она за каждый пустяк была то одного, то другого. Она била их по лицу. Причем у нее не было даже злости, а просто это была у нее привычка. А на битые они, как военные, не имели права ничего сказать. Они даже не смели шелохнуться. Они стояли навтыжку, когда она их лупцевала. И только один денщик, некто Боровский, поднял руку, чтоб защититься.

Он поднял руку, чтобы закрыть свое лицо от побоев. Он ей сказал: «Я, Нина Викторовна, весь в огне горю. Еще, – говорит, – один удар, и я, – говорит, – могу допустить крайность».

И он совершенно легко отодвинул ее от себя. Он отбросил ее от себя, чтоб не иметь соблазна пойти на крайний шаг. А она нарочно на пол упала. И такой она плач подняла, такие крики и такую истерику, что чуть не со всего района собрались люди на это сумасшествие.

И тогда Боровского арестовали и посадили в тюрьму.

8. Новая кухарка

Но интересно, что после этого случая она не стала тише себя вести и продолжала своих денщиков лупцевать.

Конечно, невоенных служащих она остерегалась бить, но весьма часто замахивалась.

Один раз она даже на меня замахнулась.

Но я ей сказала спокойно и просто:

– Имейте это в виду, Нина Викторовна: если вы меня тронете, то я сама за себя не отвечаю.

А я тогда была исключительно сильная и здоровая. Я была очень цветущая. У меня, например, был медальон. Так когда я его надевала, то он у меня не висел, как обыкновенно бывает висят медальоны. А он у меня горизонтально лежал. И я его даже могла видеть, не наклоняя головы. Он даже больше чем горизонтально лежал. И я даже отчасти не понимаю, как это тогда было.

Во всяком случае, я отличалась тогда исключительным здоровьем. И если б я захотела, то эту самую Нину Викторовну я могла бы вышвырнуть из одной комнаты в другую. Тем более что она была маленькая и хрупкая. Она была красивая, но тонкая и худенькая брюнетка. И когда к нам гости приходили, то они все больше смотрели на меня, чем на нее. А это ее очень бесило и расстраивало.

Конечно, я не скажу, что я отличалась в то время какой-нибудь удивительной красотой. Но я многим нравилась. И мое здоровье останавливало на себе внимание.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
я была тогда до сумасшествия здоровая.

А если говорить о недостатках, то у меня были руки, которые мне принесли несчастье. И когда я в дальнейшем попала в Крым к белым, то мои руки меня выдали с головой. Белые сразу поняли, кто я такая. У меня были обыкновенные рабочие руки. У меня были большие мужицкие руки, которые от постоянного кухонного жара пылали тогда краснотой. И с точки зрения дворянской жизни это был крупнейший недостаток. В те времена некоторые барыни, чтоб вызвать белизну и еще больше заморить свои ручки, ставили даже к ним пиявки и надевали на ночь лайковые перчатки. Потому что труд в том обществе считался большим позором. И нельзя было иметь то, что напоминало о принадлежности к трудовому классу.

Нет, конечно, вообще говоря, красиво иметь тонкую ручку. И я ничего бы не имела против этого. Но я тогда страдала не по этой причине. А просто у меня была такая бурная жизнь и среди таких людей, которые весьма подозрительно смотрели на мои руки. И это мне мешало.

Сейчас я физическим трудом не занимаюсь, и руки у меня стали нормальные, но тогда действительно было что-то особенное. И я тогда не раз досадовала, что для достижения моей цели я не имела белых дворянских ручек с голубыми жилками, для того чтобы ввести в заблуждение моих врагов.

9. Генеральшины гости

Итак, я поступила кухаркой к генеральше Нине Викторовне Дубасовой.

И она была этим очень довольна, потому что я была в то время интересная, а это ее очень устраивало. Она была из таких надменных барынь, которые любят, чтоб у них все было самое красивое, самое наилучшее. И она добивалась, чтоб у нее прислуга тоже отличалась какой-нибудь интересной внешностью.

Ей нравилось, когда гости поражались, что им открывает дверь такая миловидная прислуга. Она этим удовлетворяла свою барскую спесь и дурацкую гордость.

Но поскольку я была кухаркой, то я к гостям не должна была выходить. У нас днем двери открывали денщики, а вечером горничная.

Но баронесса непременно захотела, чтоб и я открывала двери.

И я тогда в вечерние часы стала тоже подходить к дверям. Тем более что свою личную горничную Катю генеральша не любила к гостям выпускать, так как она и ростом и чернотой волос отчасти напоминала свою барыню. А это ее компрометировало и, вероятно, снижало в глазах знакомых.

Так или иначе, я по вечерам впускала гостей.

Но это не так долго продолжалось, потому что она сослепу приревновала меня к одному офицеру, который был ее любовником.

К ней каждый день заходил один молоденький офицерик, некто Юрий Анатольевич Бунаков. Он был хорошенький такой, как кукла.

И я раньше никогда таких не видела. Он был похож на херувима. У него на щеке была нарисована черная мушка. И губы свои он подкрашивал красной краской. И всегда ходил с маленькой коробочкой. Там у него была пудра. И он то и дело припудривался, потому что он любил, чтоб у него была матовая кожа.

Сначала он меня просто рассмешил своей кукольной наружностью. Я хохотала как сумасшедшая, когда в первый раз его увидела. Тем более что он вел себя как ребенок. Он капризничал, хныкал и с головной болью валялся на кушетке.

Но Нина Викторовна была в него сверх всякой меры влюблена. Она его обожала. И от него без ума находилась. Она могла глядеть на него круглые сутки. Она считала его удивительным и небывалым на земле красавцем.

Она с ним буквально нянчилась.

И когда генерал был на фронте, то Юрий Анатольевич каждый день к ней заходил.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru Он играл песенки на рояле. И напевал их вполголоса. Причем весь репертуар у него был исключительно из грустных номеров. Он чаще всего пел: «О, это только сон» и «Под чарующей лаской твоею».

Также он имел привычку твердить такие стихи (я их запомнила, потому что я их в свое время записала):

Все на свете, все на свете знают –
Счастья нет.

И который раз в руках сжимают
Пистолет.

И который раз, смеясь и плача,
Вновь живут.

Хоть для них и решена задача –
Все умрут.

И он при этом подкидывал в руках свой браунинг № 1, с которым никогда в жизни не расставался.

10. Веселая жизнь

Но, конечно, это была сплошная ерунда – то, что она меня к нему приревновала. Я на него просто никак не глядела. Вернее, мне было забавно видеть его поведение. Но он действительно иногда глаз с меня не сводил.

Он мне однажды сказал в передней:

– Это, – говорит, – Анята, чересчур жалко, что среди нашего высшего общества не бывает таких, как ты. Среди нашего общества все больше высохшие мумии. И я бы, – говорит, – наверно, вполне исцелился от меланхолии, если б я сошелся с такой особой, как ты.

Но я рассмеялась ему в лицо и не велела ему об этом больше говорить.

А моей баронессе не понравилось, что он со мной то и дело заговаривал.

Она мне сказала:

– Я, – говорит, – Анята, считаю ниже своего достоинства к вам ревновать, поскольку вы для меня человек, стоящий на нижней ступени общественной лестницы, но тем не менее двери я вам больше не позволю открывать.

Конечно, я не стала от этого горевать, потому что, откровенно говоря, в конце концов, плевала на них обоих.

Кроме этого молоденького офицерика, которого у нас на кухне называли попросту Юрочка, к нам очень часто заходил его ближайший друг, некто ротмистр Глеб Цветаев. Этот был уже в другом духе. Он тоже отличался изнеженной красотой. Только что против Юрочки он был более веселый и энергичный и отличался хорошим здоровьем. Он был не такой квелый, как тот. А в остальном он был вроде него. Он тоже пудрился, мазался, на щеке носил мушку и имел черные тонкие усики, как у французской кинознаменитости Адольфа Менжу.

В довершение всего он курил тончайшие дамские папироски, увлекался мужчинами и душился так, что мухи боялись к нему подлетать.

Нина Викторовна считала, что по своей небывалой красоте он может стать на втором месте после Юрия Анатольевича. Она говорила, что даже розы могли бы распускаться под его чарующей улыбкой. И он благодаря этому то и дело улыбался. Но я в этой улыбке ничего особенного не видела. Это была деланная и фальшивая улыбка, которая исчезала, когда он отворачивался.

Интересно отметить, что впоследствии я в Крыму столкнулась с этим офицером. Он тогда был начальником контрразведки в Ялте. И он там тоже улыбался, когда глядел на мое разбитое лицо. Но об этом после.

Вместе с ротмистром Цветаевым у нас часто бывал его друг, граф Шидловский. Вот этот был большой нахал. Он ко мне часто приставал со всякой ерундой.

Но он мне был просто противен своей гладкой, сытой физиономией и своими

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru дворянскими поворотами.

Но он, конечно, не представлял себе, что кому-нибудь он может не понравиться, в то время как я дрожала от отвращения, когда он иной раз ко мне прикасался своей рукой.

Все эти офицеры у нас почти что каждый день бывали. Они тут пили вино, танцевали, играли в карты и так далее.

Иногда у них всю ночь шло пьянство и стоял бешеный разгул. Но я даже затрудняюсь сказать, что у них там еще было. Прислуга не имела права входить без приглашения.

А что касается Нины Викторовны, то она буквально дня не могла прожить без этих вечеринок, после которых она ходила желтая, как шафран, и целый день освежалась гофманскими каплями.

Из гостей у нас также иногда бывали разного сорта знаменитости – артистка Вера Холодная, киноактер Рунич и другие. И даже как-то раз приехал к нам из Москвы артист Вертинский. Этот пел свои знаменитые песенки. И эти песенки хватали нашего Юрия Анатольевича прямо за самое сердце, до того, что он навзрыд плакал и просил их петь до бесконечности.

Эти песенки также исключительно сильно подействовали на ротмистра Глеба Цветаева, который тоже прослезился и сказал, что у него такое ощущение, будто погибает весь мир и нельзя никого спасти.

Такое препровождение времени у нас было всю зиму, вплоть до февральской революции.

11. Февральская революция

Я по-настоящему не понимала, что такое революция. Мне об этом мало приходилось слышать.

Я редко сталкивалась с людьми, которые могли бы меня на этот счет просветить. Что касается завода, то у нас там говорили об этом, но я была тогда слишком маленькая и не разбиралась. А у кулака Деева я тоже не могла ничего почерпнуть.

Я жила как в дремучем лесу.

И вот как-то утром я пошла на базар.

И вижу, что по улицам ходят студенты и обезоруживают полицию. У меня сразу екнуло сердце. Я подумала: наверно, что-нибудь особенное произошло.

Я тогда пошла дальше и вижу, что на всех углах стояли уже студенческие посты, а полиция снята.

Тогда я спросила одного, почему так делается. И он мне сказал: «Это революция».

Но я тогда не знала, как это бывает, и решила пойти посмотреть.

И вот я пошла дальше со своей корзинкой и вдруг вижу – идет громадная толпа. Некоторые идут с винтовками, а некоторые держат красные знамена, а некоторые идут так.

И многие из них кричат: «Мы идем на Сенной базар освободить заключенных. Все идемте с нами».

А там у нас в Киеве на Сенном базаре была огромная тюрьма, в которой было много политических заключенных.

И вот я пошла вместе со всеми. И вдруг мы все (хотя я и не знала слов) в один голос запели революционную песню и с этой песней пришли на Сенной базар и увидели тюрьму.

И тогда народ с криками побежал к зданию и стал требовать выпуска всех заключенных.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

А я и некоторые другие молодые женщины залезли на забор и там сидели, наблюдая, что будет. Причем я не расставалась со своей корзинкой для провизии, потому что мне надо было кое-что закупить, чтобы к двенадцати часам дня начать готовку обеда.

И вот я сижу на заборе. И слышу страшные крики. Это народ велит открыть все двери в тюрьме.

Вдруг действительно открываются все двери и ворота, и в окнах показываются заключенные. И нам видать, что они недоумевают и не понимают, что это такое. И думают – нет ли тут провокации.

Мы видим, что двери и ворота открыты, часовых нету, но никто из заключенных на улице не появляется.

И тогда среди народа раздаются нетерпеливые возгласы: «Выходите же!.. Верьте нам, произошла революция!»

И вот появляется первая партия заключенных. Они вышли из ворот и сразу поняли, что произошло. Один из них упал в обморок. А другой сразу же влез на забор и начал произносить речь. Он был большевик. Он долго говорил, а я сидела со своей корзинкой и слушала.

Он говорил, что в революции нужна прежде всего организация. Он сказал толпе: «Объединяйтесь в профсоюзы, и тогда вы можете бороться со своим главным врагом – с буржуазией, чтоб она вас не эксплуатировала».

И весь народ ему хлопал, хотя многие и не понимали, что это такое.

Тем временем из ворот тюрьмы вышли все заключенные. Некоторые были бледные и качались. А некоторые с криком радости бежали в толпу. И там они обнимались с родными и целовались со знакомыми.

Потом вышла целая партия уголовников. Но никакого нахальства среди них не наблюдалось. Они держали себя смирно и возвышенно, но только все время у всех стреляли папироски.

12. Неожиданная встреча

И вдруг, сидя на заборе, я увидела, что из тюрьмы вышел наш денщик Боровский. Он полгода сидел в тюрьме за то, что защитился от побоев генеральши Нины Викторовны.

И тут я увидела, что он прямо переродился за это время. Всегда молчаливый и сдержанный, он тут вдруг самостоятельно влез на подводу и произнес речь. И многие ему тоже хлопали.

И тогда я протискалась к нему и сказала: «Здравствуй, Паша Боровский!»

Он очень обрадовался, что увидел свою знакомую. И мы с ним решили находиться вместе.

В это время среди народа раздались крики: «Идемте все к думе, там происходят исключительно важные события».

И тут мы с Боровским побежали к думе. И встали около самой трибуны.

Там было много произнесено пламенных речей. И Боровский произнес вторую речь. Он рассказал про свой случай с генеральшей и убеждал народ не доверяться буржуазии и дворянству.

Потом я посмотрела на часы и увидела, что уже четыре часа. То есть это был час, когда генеральша садилась за стол обедать. Она в смысле еды была исключительно аккуратная особа. И не любила запоздания даже в пять минут.

Тут я вспомнила, что я даже ничего к обеду не купила.

Но Боровский мне сказал:

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

– Сейчас безрезультатно что-нибудь покупать. Иди так домой. А если ты боишься неприятностей, то я могу с тобой пойти. И мы тогда посмотрим, что тебе Нина Викторовна скажет в моем присутствии. Хотел бы я это видеть.

Я сначала растерялась, и мной страх овладел, когда Боровский со мной пошел. Но потом мне от этого даже стало немного весело.

И мы с Боровским пришли домой. И наши денщики форменным образом обалдели, когда увидели нас вместе.

Они сказали:

– Ну, знаете ли, это уж слишком.

Но мы им объяснили, в чем дело. И среди нас поднялся горячий разговор.

И вот мы все, домашние работники, сидим в кухне и разговариваем.

Вдруг открывается дверь, и на пороге показывается Нина Викторовна, такая грозная, как она редко когда бывает.

И она так говорит, задыхаясь от злобы:

– Я не погляжу, что происходят революционные события. Мои права хозяйки остаются в полной силе. И эти права никем не могут быть нарушены. И я, – говорит, – всех вас в два счета к черту выгоню, если будет повторяться что-нибудь подобное.

Вот так она говорит и вдруг видит – сидит на стуле Боровский.

Тут она побелела как полотно, схватилась за дверь и прошептала: «Боже милосердный!»

Она, наверно, в этот момент поняла, что случилось. Она поняла, что произошло нечто небывалое в ее жизни.

И тут вдруг Паша Боровский встает со своего стула, и мы видим, что он нервничает. Он сильно волнуется.

Он встает со своего стула, отодвигает его тихонько в сторону и так говорит Нине Викторовне:

– Амба!

И если бы он сказал что-нибудь другое, она бы не так испугалась. Но то, что он сказал «амба» и при этом сделал рукой отрицательный жест, это ее устрасило до последней степени.

Она вскрикнула «ах», задрожала, пошатнулась и, бледная как полотно, выскочила из кухни.

И тут все денщики рассмеялись и сказали: «Вот, господа, что такое революция».

13. Первое крещение

Потом вдруг в кухню вошел ротмистр Глеб Цветаев. Он сказал Боровскому со своей улыбкой:

– Если тебя, мой друг, революция освободила, то это еще не значит, что ты, как уголовный арестант и государственный злодей, можешь тут у баронессы находиться. Я прошу тебя, мой друг, немедленно удалиться, или будут самые печальные последствия.

Боровский сказал:

– Я уйду, так как я не хочу подвергать опасности моих товарищей. Потому что если мы, господин офицер, с вами сейчас столкнемся, то они за меня заступятся. И тогда мне неизвестна их судьба. Вот почему, и только поэтому я ухожу. Но с вами мы еще, господин офицер, встретимся. И тогда я вам преподнесу такую дулю, что вы

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru пожалеете за свои чересчур нахальные слова.

Мы думали, что после этих слов произойдет нечто страшное. Но ротмистр Цветаев повернулся на каблуках и ушел, так хлопнув дверью, что кофейница упала с полки.

И тогда Боровский, попросившись с нами, тоже ушел. И он взял с меня слово, что я сегодня вечером приду в университет на митинг, который был назначен в девять часов.

Тогда я наспех из чего попало приготовила обед, и горничная Катя подала его господам. И те пожрали в охотку и никаких замечаний не сделали.

А я, приодевшись, пошла в университет на митинг, ничего не сказав об этом Нине Викторовне, что было в то время большим преступлением по службе.

И вот я пришла в университет. Там уже было полным-полно. Выступали главным образом студенты и курсистки. Тут подошел ко мне Боровский. Он сказал:

– Ну, Анюта, не подкачай. Ты сегодня непременно выступи. Ты будешь говорить от лица домашних работниц. Это произведет фурор. Ты скажи что-нибудь хорошенькое про эксплуатацию прислуги.

Тут я форменным образом задрожала, потому что речи я никогда не говорила и не знала, как это нужно.

Но Боровский не стал слушать моих возражений. Он подвел меня к трибуне и познакомил со всеми видными революционерами, какие там были.

И один из них, по фамилии Розенблюм, сказал мне, как будто я была заправская ораторша:

– Ты, – говорит, – товарищ Касьянова, скажи что-нибудь о профсоюзном движении.

Тут я, скажу откровенно, совершенно сомлела, потому что я только сегодня днем впервые услышала об этом движении и еще не представляла себе, что можно об этом сказать что-нибудь определенное.

Но тут они меня привели на трибуну и представили публике.

Я не помню, о чем я начала говорить. Я только помню, что я дрожала как собака на этой трибуне. Но потом я совладала с собой и начала такую речь, что в зале произошла удивительная тишина. Все меня слушали и говорили: «Это нечто особенное, что она так говорит».

А я им развернула картину эксплуатации моего детства и сказала и о теперешней жизни, которую я терплю у Нины Викторовны.

Тут я сказала, что среди нас находится еще одна ее жертва, денщик Боровский, побитый ею и посаженный в тюрьму. И тут все захотели увидеть этого Боровского.

И тогда Боровский вышел на трибуну и сказал: «Да, это так, как она сказала».

И тогда все в один голос закричали: «Скажи нам ее адрес, мы ее к черту в порошок сотрем, эту твою баронессу».

Но я сказала то, что слышала утром. Я сказала со своей трибуны:

– При чем тут адрес. Революцию надо организованно вести, надо создать профсоюзное движение, и тогда планомерно вести борьбу с буржуазной знатью.

Тут раздалась такие аплодисменты, что я думала, что зал треснет пополам. Я как в чаду сошла с трибуны.

Тут сразу ко мне все подскочили. Боровский говорит: «Это что-то особенное, настолько ты исключительно великолепно говорила».

Розенблюм мне сказал:

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
– Ты, Анюта Касьянова, пойдешь организатором в профсоюзы. Завтра приходи к думе в оргбюро и получишь назначение.

Я как пьяная вернулась домой. И я по дороге сочиняла речи, чтобы произнести их как-нибудь в другой раз.

14. Новая жизнь

На другой день утром меня вызвала к себе барыня Нина Викторовна. Она мне сказала:

– Если ты хочешь у меня служить, то прекрати это безобразие. Я тебе не позволю шляться по всяким митингам, где Бог знает что говорится.

Но я сказала, что в таком случае я откажусь от места.

Она стала меня просить, чтоб я этого не делала. Она сказала, что в три раза прибавит мне жалованье и подарит несколько платьев, только чтоб у нас в доме наступили мир и тишина.

Я ей ответила:

– Вы из образованных слоев – и говорите такие удивительные глупости. Ваши слова мне смешны и напрасны. Разве вы не видите, что делается с народом? Не от моего желания зависит прекратить то или другое.

Тут в этот момент происходит звонок, и к нам в столовую входит поручик Юрий Анатольевич Бунаков. И с ним вместе ротмистр Глеб Цветаев.

Бунаков, совершенно бледный и расстроенный, ложится на диван. А ротмистр говорит:

– Что делается на улице – это уму непостижимо. Хамья столько, что пройти нельзя. Как, – говорит, – ужасно, что в таких варварских руках будет судьба России. А к этому идет, потому что мы против них буквально маленькая горсточка. Стоит выйти на улицу, и вы в этом убедитесь.

Тут он увидел меня и закашлялся.

Нина Викторовна говорит:

– Я с этой представительницей народа целый час бьюсь. Но она уперлась на своем как баран. Ей милей, видите ли, уличная шантрапа, чем порядочная жизнь в высшем обществе. И, главное, она еще осмеливается мне возражать и вступать со мной в пререкания, как будто мы вместе с ней находимся на одной ступени жизни.

Тут ротмистр Цветаев сказал фразу, которую я поняла только через десять лет. Он сказал:

– Вот когда нам приходит возмездие от народа. Наши деды ели виноград, а у нас оскомины.

Юра Бунаков вскочил со своего дивана, и я удивилась, что в нем может кипеть такая злоба. Он сказал:

– Но ведь мы же не отдадим свои права без борьбы?

Ротмистр воскликнул:

– Мы будем драться до последней капли крови. Никакое соглашение тут невозможно, потому что сталкиваются два мира между собой. И то, что сейчас происходит, – это пустяки по сравнению с тем, что будет.

Нина Викторовна мне сказала:

– Аннушка, уйдите отсюда, нам не до вас.

И вот я в этот день, приготовив обед, поспешила в оргбюро.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
В оргбюро уже все слышали обо мне. Мне там сказали: «Ты, Касьянова, пойдешь у нас агитатором. Ты будешь ходить среди масс и агитировать за профсоюзы. Ты революцию поняла именно так, как следует».

И тогда я спросила, со всей наивностью:

– Можно ли мне от барыни уйти?

И тут все засмеялись и сказали:

– Можно и даже нужно.

И вот я прибежала домой, сложила вещи и сказала: «Я ухожу».

Что было – это описать нет возможности. Но я выдержала бурю. И тогда баронесса, не заходя на кухню, швырнула мне паспорт. Но денег, почти за месяц, она мне не отдала.

Я хотела с ней об этом спорить, но как раз так случилось, что с фронта приехал сам генерал Дубасов. Я думала, что это здоровый, бородатый генерал, вроде бульдога. Но он оказался удивительно худеньким и маленьким. И он там в комнате все время что-то кудахтал. Он был недоволен и выражал свои взгляды на Юрочку Бунакова. Он приревновал Нину Викторовну. Но та вела себя удивительно нахально. Денщики мне сказали, что она нипочем не захотела отказать от дома Юрочке. И генералу, который обожал Нину Викторовну, пришлось смириться. В довершение всего пришедшие офицеры начали распространяться про революцию, и у них там поднялись горячие политические споры.

В общем, я не стала туда к ним соваться насчет своих денег. А просто пошла в оргбюро и получила там назначение. Мне там дали немного денег и отвели комнату. И мы условились относительно моей работы.

Я горячо принялась за эту работу. Тут мне все было интересно и занимательно. Новый мир стал открываться передо мной. Я только тогда поняла, как я жила и как весь народ жил. И как мы все находились в кабале и сами, по своей слепоте, не замечали этого.

И вот тут, как я уже говорила, движимая ненавистью, я и поехала в деревню для переговоров с кулаком Деевым.

И эта поездка мне многое объяснила. Она мне объяснила, что, кроме этой революции, может быть еще другая, народная революция, направленная против буржуазии и дворянства.

И я, вернувшись, еще с большей энергией стала работать для революции.

Я как агитатор ходила по домам и там устраивала общие собрания домашних работниц, сиделок, нянек и санитарок.

Я им произносила пламенные речи и убеждала их вступить в профсоюз для планомерной борьбы со всякого сорта эксплуататорами, за грош выжимающими масло из трудящихся.

Почти всюду меня принимали хорошо, но в некоторых местах меня хотели даже побить за слишком левые слова.

А когда были выборы по рабочим кварталам, то меня, как представительницу от домашней прислуги, выбрали в горсовет.

А в горсовете в это время были и генералы, и большевики, и меньшевики – все вместе.

И когда я туда пришла, мне там сказали:

– Примыкайте к какому-нибудь крылу. Вы кто будете?

Тут некоторые ребята из профсоюза мне говорят:

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru – Поскольку мы тебя, Аннушка, знаем, тебе наиболее всего к лицу подходит партия большевиков, – примыкай к этому крылу.

И я так и сделала.

15. Октябрьские дни

И вот осенью у нас в Киеве начались выборы на съезд, который должен был состояться в Ленинграде.

Меня, как активную работницу, выбрали на этот съезд. И с киевской делегацией я выехала в Ленинград.

Я была этим очень горда. И больше, как об этом съезде, ничего не хотела знать.

Мне перед отъездом из Киева Боровский сделал предложение, но я ему отказала. Он хотел, чтобы я была его женой, он влюбился в меня.

Но мне было не до этого. В довершение всего он мне не особенно нравился. Так что я со спокойной совестью уехала в Ленинград.

А он, я не знаю, куда делся. Я больше его никогда не встречала.

А в Ленинграде нашу делегацию поместили в здании юнкерской школы.

В Ленинград же мы приехали в самые решительные дни.

Это было дня за два до начала съезда.

Это были горячие и пламенные дни, когда решалась дальнейшая судьба революции. Это были торжественные и боевые дни для народа. Я в те дни слышала Ленина и близко видела многих замечательных революционеров. И это было для меня большое счастье. Это был праздник, на котором я присутствовала.

Мне удивительно об этом говорить. Но, если так можно сказать, я в то время не отдавала себе отчета в том, что тогда делалось.

Я кипела в котле революции, но я не сознавала полностью все значение тех событий. И это был мой минус. Это меня никогда не успокаивало. Я всегда завидовала тем людям, которые сознательно вступили в борьбу. И для меня это были великие люди. Что же касается меня, то я должна признаться – я жила в то время как в тумане.

И такую великую революцию, как Октябрьскую, я встретила горячо и даже пламенно, но я тогда еще не сознавала, какое это великое событие в жизни трудящегося народа.

И мне даже совестно вам признаться, что я гуляла с подругой по городу в то время, как начиналась последняя борьба против буржуазии.

Мы шли тогда с ней, с подружкой моей, по Садовой улице. И вдруг услышали выстрелы.

А мы с ней были тогда еще обыкновенные деревенские девчата, дурехи, не бывшие на фронте под обстрелом. Мы сказали друг другу:

– Давай пойдем посмотрим на стрельбу.

Мы вышли на Невский проспект и увидели демонстрацию, которая направлялась от думы к Зимнему дворцу. Это были меньшевики. Они несли плакаты: «Вся власть Временному правительству».

А наш лозунг – «Вся власть Советам». И в этом мы отлично разбирались. И поэтому мы не пошли за меньшевиками, а стали пробираться на площадь к Зимнему дворцу, где, нам сказали, имеются наши отряды большевиков.

В это время мы увидели бегущих людей, которые закричали меньшевистской демонстрации:

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru – Господа, не идите дальше, потому что большевики вас могут встретить огнем, и тогда произойдет ненужное кровопролитие.

И вся колонна остановилась в недоумении, что им делать. В это время на площади снова раздались выстрелы.

И тогда несколько человек от меньшевиков пошли вперед узнать, что им делать.

Мы с подругой не могли пробраться к нашим и тогда пошли на площадь с другой стороны, где ходили еще трамваи как ни в чем не бывало.

Мы дошли до самой площади, которая была, к нашему удивлению, почти пустая.

Все наши отряды были расположены на Миллионной улице и под аркой Главного штаба.

Мы непременно захотели соединиться со своими. Мы почувствовали, что наступает что-то решительное. Но тут началась такая сильная ружейная перестрелка, что толпа, за которой мы шли, бросилась бежать назад.

Тут, в довершение нашей беды, подруга моя упала и подвинула себе ногу. И я, взяв ее под руку, пошла с ней домой.

И мы всю дорогу слышали выстрелы, которые все больше усиливались.

В тот же вечер мы были на съезде и узнали, что Зимний дворец был взят.

16. Снова Киев

На другой день к нам в общежитие явился Розенблюм, приехавший с нашей делегацией. Он был сильно взволнован. Он сказал, что нам следует немедленно ехать в Киев, так как там ожидаются события и захват власти большевиками. И что наше дело быть сейчас там.

В тот же день мы уехали из Ленинграда.

Уже на вокзале в Киеве мы узнали, что в городе идет бой, большевики заняли несколько кварталов и продвигаются на Подол.

Розенблюм нам сказал:

– Хотя меня дома ожидают жена и сын и мое сердце так к ним рвется, как я даже никогда не представлял себе этого, тем не менее нам надо, не заходя домой, вступить в ряды бойцов. Кто хочет сражаться за большевизм и против Временного правительства – идемте.

И мы, оставив на вокзале вещи, пошли на Подол.

Действительно, там уже начинался жаркий бой. Юнкера, офицеры и часть гражданского населения встретили бешеным огнем киевский пролетариат.

Это сражение, как известно, решило дело в пользу Украинской рады против Временного правительства. Киевский пролетариат занял весь город, но советская власть была утверждена в Киеве только в январе, и то ненадолго, потому что тогда Киев заняли немецкие войска.

Итак, мы вступили в бой прямо с вокзала. Я тогда не стреляла, потому что я никогда не держала винтовки в руках. Но я помогала наступавшим. Я подносила патроны и бинтовала раненых.

А когда кончился бой и весь город был в наших руках, Розенблюм мне сказал:

– Теперь ты выдержала такое большое испытание, что тебе надо вступить в ряды партии.

И вот он написал записку и послал меня в партийный комитет.

Там за столом сидела женщина и заполняла партийные билеты.

А к ней была порядочная очередь из рабочих, матросов и приехавших с фронта

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru солдат.

Я стала в очередь и вскоре получила красную книжечку. И с тех пор я стала партийной.

А тогда было для Киева исключительно трудное время.

Немецкие войска, гетман Скоропадский, Петлюра и Деникин вступали в Киев и устанавливали там свою власть.

И нам, большевикам, нельзя было сидеть сложа руки.

Только, может быть, месяца два или три до прихода немцев я жила сравнительно спокойно, не участвуя в походах и боях. Тогда был даже такой период в моей жизни, что я сошлась с одним человеком, и мы с ним поженились.

17. В походе

Дело в том, что я там была знакома с одним революционером-студентом. Его звали Аркадий Томилин. Он был сын чиновника, но он был всецело на стороне пролетариата, когда мы сражались в Киеве. Я к нему питала большое уважение. И он был тоже в меня влюблен. И у нас, вообще говоря, возникло большое чувство друг к другу.

Он не был в партии, но он весь горел, когда дело шло об интересах народа. Он ненавидел дворянство и купечество. И говорил, что каждый честный человек должен биться только за трудящихся. Он говорил, что сейчас наступил такой момент, когда народ может наконец сбросить со своих плеч всех эксплуататоров, с тем чтобы работать в дальнейшем для себя, а не для кучки паразитов. А как это будет в дальнейшем называться – коммунизм или как-нибудь иначе – это его пока не интересует. Там, в дальнейшем, разберутся и сделают именно так, как это будет полезно для трудящегося народа. А пока мы должны биться за эту ближайшую цель, хотя бы это нам стоило жизни.

Он был очень пламенный и честный человек. Он был студент-политехник. Но он курса не закончил. И мы с ним вместе вступили в партизанский отряд, когда Киев был под властью немцев и Скоропадского. А когда немцы оставили Киев (после революции в Германии), мы вступили с ним в ряды Красной гвардии.

Мы с ним вместе находились в Пластунской дивизии на Черниговском фронте.

Я была там в качестве разведчицы, а он состоял в пулеметном отряде.

Но в бою под Черниговом, когда мы брали город, он был убит белогвардейской пулей.

Я привыкла терять людей, и у меня всю жизнь были большие потери, но тут я не знаю, как я была ошеломлена. Я была растеряна и потрясена, и я так плакала, как никогда этого со мной не было и никогда, наверно, не будет в дальнейшем.

Я в то время прямо потерялась от горя, так я его любила.

А мне товарищи сказали:

– Ты, Анюта Касьянова, поклянись над его трупом отомстить за эту смерть и исполнить то, что ты наметила. И тогда тебе будет много легче, чем сейчас.

Я так и сделала.

И верно, мне тогда стало легче. Я дала себе торжественное обещание не выпускать винтовки из рук, пока не исполнятся все наши надежды.

Я тогда как с ума сошла от своего обещания. Я все время была в первых рядах сражавшихся. Я шла напролом куда угодно. Я заходила в тыл к белым и производила там опустошения. Для меня ничего не составляло тогда зайти в тыл и бросить бомбу в какой-нибудь ихний штаб. Я тогда была удивительно смелая и решительная. Для меня тогда не существовало никаких преград.

За этот период я дважды получила награды от штаба армии. Первый раз мне подарили

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
именной браунинг, а второй раз мне подарили золотые часы. Что касается боевого
Красного Знамени, то я получила его в дальнейшем.

Но тут в эти два года были такие дела, что об этом следует написать отдельную
книжку из эпизодов боевой жизни.

Тут были такие боевые дела, которые, без сомнения, будут описаны историей
гражданской войны.

Тут были победы и поражения. Но были и очень тяжелые моменты, когда почти вся
Украина была в руках белых и когда на Ленинград наступал Юденич.

Тогда, бывало, зайдешь в штаб, чтоб посмотреть на сводки, и сердце упадет от
тоски. Но зато потом мы в один месяц докатили белую армию до Крыма.

И когда мы гнали эту дворянскую Россию аж к самому Перекопу, мне тогда на ум
приходили слова ротмистра Цветаева. Он тогда сказал, что приходит час расплаты и
час возмездия за все то, что было. И это было действительно так.

Но в то время я еще не знала, где находится ротмистр Глеб Цветаев и где его друг
Юрочка Бунаков и наша баронесса Нина Викторовна со своим генералом.

Я о них узнала только потом, когда встретилась с ними в Крыму, в Ялте. Это было
перед самым их бегством за границу.

И это был незабываемый момент.

18. Поездка в Житомир

В общем, когда наши взяли Житомир и стали энергично продвигаться дальше,
отбрасывая белую армию к Крыму, случилось обстоятельство, которое неожиданно
выбросило меня из строя на несколько месяцев. Я тогда заболела и чуть не умерла.

Это случилось таким образом. Мне начальник нашей дивизии приказал сопровождать
эшелон с больными. Он меня назначил комендантом эшелона. Мне дали это
назначение, чтоб я имела некоторый отдых от боевой жизни. Все мои товарищи
видели, что я прямо горела на фронте и совершенно не считалась с опасностями.
Кроме того, я еще не остыла от потери моего мужа.

И вот решено было переключить мое внимание.

Начальник дивизии мне сказал:

– У нас создается сейчас опасное положение на транспорте. Нужно во что бы то ни
стало продвинуть поезда с больными и ранеными внутрь. Мы тебе, Анюта Касьянова,
поручаем доставить пять эшелонов в Житомир и назначаем тебя над ними старшим
комендантом. И ты помни, что это дело чрезвычайно важное и почетное – везти
раненых.

В трех эшелонах были действительно раненые, в двух же эшелонах оказались
сыпнотифозные больные. И начальник дивизии сам, наверно, не знал, что мне
подсудобили эти эшелоны.

Через несколько дней я уже вполне оценила всю трудность моей задачи.

Это у меня было совершенно невероятное путешествие. Санитары все, к черту,
переболели. Уборщицы – и говорить нечего. У нас даже захворали сыпняком все
тормозные кондуктора, так что раненые сами тормозили состав. Поездка этим очень
осложнилась. Главное, что ухода за ранеными почти не было. И мне самой на спине
пришлось таскать раненых и разгружать теплушки от умерших людей.

Вдобавок, чтоб продвинуться вперед, надо было всякий раз добиваться паровозов и
путевок.

Тут я поняла, что в боевой обстановке мне было гораздо приятнее, чем здесь. Я
тут нажила себе невроз сердца, и у меня даже началась бессонница.

А одного начальника станции я просто даже чуть не застрелила.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
я пришла к нему в кабинет, а он не дает паровоза.

А мы тут уже стоим день. И тут у меня в эшелонах особенно много умирает. И я чувствую, что мне надо двигаться.

я ему показываю специальный мандат, но он небрежно откидывает его рукой.

Тогда я хочу его взять на темперамент и выхватываю наган.

Я говорю:

– Скажите – будет ли мне паровоз?

Но он, не растерявшись, хладнокровно говорит:

– Глядите, она мне еще смеет угрожать. А ну-ка, спрячь свой пистолет за пазуху, или мы тебя с дежурным по станции выкинем в окно. Каждая, – говорит, – бабенка начнет мне пистолет в морду совать – что и будет. Вот именно за это я тебя проучу и не дам тебе паровоза.

Тогда я прихожу в такое страшное раздражение, что почти в упор стреляю в начальника станции. И пуля всаживается в стену буквально на расстоянии двух сантиметров от его лица.

И он вскакивает из-за стола и молча, без никакого крика, убегает из помещения.

Я кричу:

– Я вас всех тут, к свиньям, перестреляю.

Тут все забегали, засуетились.

Дежурный по станции говорит:

– Успокойтесь. Паровоз я вам дам во что бы то ни стало.

Действительно, минут через двадцать мне дают паровоз.

И начальник станции тоже вышел к прицепке. Но он не смотрел в мою сторону. И мне от этого было вдвойне совестно, что я так сильно погорячилась.

я тогда перед самой отправкой велела ему отнести полбуханки хлеба. Он, поломавшись, принял этот хлеб с благодарностью и даже сделал мне приветствие ручкой.

В общем, я предпочла бы находиться на фронте, чем проталкивать поезда. Однако мне надо было исполнить задачу.

И я эту задачу с честью выполнила.

Правда, в пути у меня четверть людского состава перемерла, но могло быть и хуже.

Так или иначе, я доставила эшелоны в Житомир.

В Житомире я пошла в баню. Вымылась. Вышла на улицу. И на улице упала в обморок. И тут начался со мной страшный бред.

Меня отнесли в больницу. И оказалось, что у меня сыпной тиф в крайне опасной форме. Я вскакивала с кровати, разбивала, к черту, все стекла и так далее.

я почти полтора месяца болела. Но потом поправилась. То есть я настолько плохо поправилась, что еле могла два шага сделать.

А в семидесяти километрах от Житомира жил дядя моей знакомой киевлянки Лели, с которой я тут неожиданно столкнулась в больнице.

Она мне предложила вместе с ней поехать в деревню к этому дяде отдохнуть немножко. И я так и сделала.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Мне в штабе дали отсрочку, дали немного денег, и я вместе с Лелей поехала в деревню, к ее дяде, который довольно мило и сердечно нас встретил.

И я там у него за две с половиной недели удивительно быстро поправилась, подкрепилась, расцвела и снова решила вступить в дело, так как гражданская война еще не была закончена.

19. Опасное назначение

Я тогда снова приехала в Житомир, но там мне в штабе сказали, что обо мне был запрос из Екатеринослава. И что я должна немедленно туда ехать, согласно полученной телефонограмме.

Я приехала в Екатеринослав и явилась в партийную организацию.

Один из работников губкома, мой однофамилец Касьянов Петр Федорович, очень внимательно меня встретил. Он сказал, что у них до меня есть большое дело. Тут он познакомил меня с двумя военными, прибывшими с фронта из-под Перекопа. И сказал, что сейчас совершается исторический момент в судьбе пролетарского движения. Он сказал, что сейчас советская Россия почти чиста от дворянских и буржуазных войск. Вся страна в руках народа, и расцвет страны – недалекое будущее. Но Крым пока еще в руках врага, в руках генерала Врангеля, в руках офицеров, дворян и помещиков. И пока это так, ни в коем случае нельзя складывать оружие.

– Этот фронт, – сказал один из военных, – надо ликвидировать к зиме во что бы то ни стало. Крым сейчас у нас – бельмо на глазу. Мы гнали барскую Россию аж по всему фронту. И не дело, что у нас тут случилось нечто вроде заминки. Пора опрокинуть в море белую армию, засеваю на полуострове.

Тогда Касьянов добавляет:

– И в связи с этим у нас есть очень ответственное до тебя дело. Нам известно твое славное прошлое, и нам хорошо известна твоя боевая готовность и преданность народной революции. Генерал Кутепов зверски разгромил рабочую организацию Симферополя и многих повесил на фонарях. И мы в настоящий момент потеряли связь с нашей подпольной организацией в Симферополе и Ялте. Туда надо каким-нибудь образом пробраться. Надо товарищам передать деньги и сообщить кое-какие инструкции о дальнейшем... Можешь ли ты это сделать? Мы наметили тебя, и никого больше, потому что сейчас в Крым можно пробраться только через линию фронта. А ты можешь в крайнем случае назваться супругой офицера или что-нибудь вроде этого. Одним словом, тут мужчина не годится, а годится женщина...

И он поглядел на меня и одобрительно добавил:

– Такой наружности, как твоя. И такой храбрости, какая нам известна за тобой.

Для меня был не вопрос, соглашаться или нет. И я сразу ответила:

– Хорошо, я перейду к белым и все сделаю так, как нужно.

Он сказал:

– Но мы не знаем, как они отнесутся к тебе, если они тебя поймут. Вернее, тогда они...

Тут он еще раз вскинул на меня свои глаза, и я вдруг увидела, что он вздрогнул. Он как бы в первый раз на меня посмотрел. И я вижу, что он посмотрел так равнодушно и с таким глубоким волнением, что я смутилась.

И тут я вижу, как может видеть женщина, что я так ему понравилась, как это редко случается. Тут я увидела, что у него в одно мгновение сгорело от меня сердце. Он положил свою пылающую ладонь на мою руку и так от этого застыдился, что не знал, что сказать. И тут все присутствующие увидели, что происходит что-то не то. Все закашлялись. И он тоже закашлялся, встал со стула и прошелся по комнате.

Мы все ждали, что он скажет. И я подумала: «Только бы он не сморозил какую-нибудь несообразность».

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Но он сказал:

– А если твое здоровье, товарищ Анна Касьянова, не в порядке, то тебе ни в коем случае на это не надо идти. Мы тогда найдем еще кого-нибудь на этот предмет.

Я сказала:

– Здоровье мое теперь вполне порядочно. И то, что сказано, я исполню с большой охотой и радостью.

Один из военных сказал:

– Давайте так условимся: мы доставим вас завтра на передовые позиции, изучим с вами план, и потом уж можно будет перейти.

Касьянов пошел проводить меня до лестницы, и там он мне сказал:

– Когда ты вернешься из Крыма, то, если можно, я бы хотел тебя увидеть... Я, – говорит, – смущаюсь об этом говорить, но ты перед собой видишь человека, который, кажется, полюбил тебя с первого мгновения. Я сам удивляюсь, что это так произошло, но ты именно такая женщина, какая отвечает моим представлениям. И для меня, – говорит, – была бы большая и непоправимая потеря в жизни, если б я тебя потерял из виду.

Если говорить откровенно, то я была взволнована его словами. Я не могу сказать, что он, этот сорокалетний мужчина, мне тогда понравился, но я тем не менее, сама не знаю почему, согласилась с ним увидеться после возвращения. Хотя это было не в моем принципе. Уж если человек мне предельно не понравился, так это было не в моем характере что-нибудь ему обещать.

В общем, мы с ним попрощались и дали друг другу обещание не забывать сегодняшнего дня.

20. Ночной переход

В этот же вечер мне дали пояс с деньгами, которые я должна была передать подпольной симферопольской организации. Потом мне дали точные инструкции и велели наизусть запомнить два адреса – в Ялте и в Симферополе. По этим адресам я должна была явиться и передать инструкции и распоряжения о возможных стачках в Крыму.

Затем я потребовала, чтоб мне выдали самое лучшее шелковое белье, хорошее платье и все, что полагается к наилучшему гардеробу. Мне хотелось быть подкованной до мелочей. И, на случай ареста, я решила выдать себя за женщину, бежавшую из советской России. Я решила сказать, что я жена офицера или что-нибудь вроде этого.

Мне выдали из конфискованных вещей такие дивные вещи, какие я только видела у баронессы Нины Викторовны.

Кроме того, мне дали для дворянского шика одно кольцо с розовым камешком и одну браслетку.

Но когда я стала эти украшения надевать на свои руки, загорбелые от кухни, то я поняла, что версия об офицерской жене, пожалуй, мне не пригодится.

Но я пока не стала обдумывать, за кого я себя выдам. Я почему-то надеялась на полный успех. Я надеялась, что я, пользуясь своим опытом разведчицы, проникну без ареста на территорию белых.

Я вызубрила два адреса. Надела пояс таким образом, что в случае чего я могла его в один момент сбросить.

Я еще хотела непременно надеть лорнетку с цепочкой, как это бывало у высшей аристократии, но лорнетку мне не нашли и вместо этого дали хорошенький перламутровый бинокль, тоже дивной художественной работы.

На другой день меня доставили на позиции к самому Перекопскому перешейку.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Сначала я решила было переходить в районе железнодорожного моста, но начальник дивизии товарищ Грязнов отсоветовал мне это делать. Он сказал, что вся линия полотна особенно тщательно проверяется и что надо поискать иных ходов, потому что тут нет ни одного шанса пройти незамеченной.

И тогда, изучив план всего фронта, мы решили, что следует перейти в другом месте, около укреплений, которые, кажется, если я не забываю и не путаю, называются Юшуньскими.

Это место было до удивительности открыто. То есть тут было почти сплошное ровное место вроде степи. Так что в смысле перехода тут, казалось, до поразительности трудно было что-нибудь сделать. Однако тут имелось болото. И местами оно было как бы даже скрыто от глаз. И я, как разведчица, сразу оценила это обстоятельство. Тут, видимо, и охраны было наименьше всего, и переход был отчасти возможен. Во всяком случае, все другие места не выдерживали критики в сравнении с этим.

Интересно, что через четырнадцать лет, в 1935 году, в этом болоте были найдены остатки трупа красноармейца. Он был с большими почестями похоронен. Это одно говорило за то, что, несмотря на ровную позицию, тут были места, до некоторой степени укрытые от глаз.

Еще была возможность перейти по самому берегу Сивашского Гнилого моря. Но это меня менее устраивало, потому что там надо было около двух километров шлепать по соленой воде.

Так что я со спокойной душой решила остановиться именно на выбранном болотистом месте.

Я два дня изучала план неприятельских позиций. Вся моя задача заключалась в том, чтобы под покровом ночи постараться незаметно пройти через неприятельскую укрепленную линию. Для этого мне надо было перерезать проволочные заграждения и пройти в том болотистом месте, которое наименьше всего охранялось. И если бы я в том месте попала, тогда мне пришлось бы начать свое вранье о бегстве от советского режима. Но это было бы уже плохо. Только дурак поверил бы, что я для этой цели могла пройти через красных. Тем не менее иного выхода для перехода к белым не было.

В общем, если я пройду в тыл незамеченной, то дальше было бы просто – у меня в поясе были такие документы, что сам барон Врангель ахнул бы от удивления.

Я много мучилась с костюмом. Я их переменяла несколько штук. Мне все хотелось, чтобы было естественно. Но особенно естественно не получалось. Тогда я остановилась на своем обыкновенном потрепанном платье. Но зато под платье я надела шелковое белье. И теперь я была более похожа на тоскующую женщину, бежавшую от советской власти.

Но вот наконец все было готово, и в ночь на двадцать восьмое сентября, в одиннадцать часов ночи, я вышла из наших окопов.

Наш патруль провел меня шагов двести и оставил в поле с одним разведчиком, который в совершенстве знал всю эту местность.

Было ужасно темно. Луны не было. Неприятельские ракеты по временам ярко освещали поле. Сердце мое учащенно билось. Но страха я не чувствовала. Наоборот, был прилив энергии и желание поскорей и наилучшим образом все сделать.

Мой разведчик тронул меня за руку, и мы с ним медленно и осторожно пошли.

Наконец мы наткнулись на проволочные заграждения. Мы с разведчиком ножницами перерезали колючую проволоку и пошли дальше. Кое-где раздавались выстрелы. И снова кверху стали взвиваться ракеты.

Наконец, пройдя еще шагов сто, мой разведчик дал наставление, куда мне идти дальше, и, попрощавшись со мной, удалился.

Я осталась одна. Кругом меня было болото. Я шла страшно медленно и с таким

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru трудом, что, казалось, теряла силы. Я шла по направлению звезды, указанной разведчиком.

В одном месте я лежала на кочках минут двадцать. Я так устала и утомилась, что мне вдруг захотелось тут заснуть. Я с трудом прогнала это сонное настроение и пошла дальше. Но тут вскоре я увидела, что ракеты взвиваются к небу позади меня. Значит, я миновала уже неприятельские позиции. Это был невероятный случай, но это был факт, и эта честь принадлежала нашему опытному разведчику.

21. Арест

Я шла теперь по ровному полю. Прошла немного более версты и вдруг наткнулась на какую-то деревянную будку.

Это было настолько неожиданно, что я чуть не вскрикнула.

Я шарахнулась в сторону. Но в этот момент кто-то закричал:

– Стой! Кто идет?

Я знала, что молчать нельзя. Я сказала:

– Вот что – я пробираюсь к белым.

Тут раздались быстрые шаги, ко мне подбежали двое.

К моему удивлению, это были офицеры. Я была готова к аресту, но я предполагала, что меня арестуют солдаты. Мне было бы с ними легче договориться. Но тут были офицеры в золотых погонах и с шашками. Это меня неприятно поразило.

В этот самый момент на небе появилась луна, и стало довольно светло.

Один из офицеров схватил меня за плечо и стал трясти. Он был, видать, испуган неожиданностью и взбешен. Он закричал:

– Так кто такая? Ты как сюда попала?

Другой офицер сказал:

– Ясно, что это красная дрянь. Больше тут некому шляться.

Я спокойно ответила:

– Пойдемте, господа, в штаб. Я там скажу.

Мне хотелось выиграть время. И сама не знаю, на что я тогда надеялась.

Я сказала офицерам:

– Я пробираюсь, господа, в Симферополь по своим личным делам. Я бежала от красных.

Они засмеялись и сказали:

– Что-то непохоже. Пойдем, однако, в штаб дивизии.

Но они стали уже более вежливы.

И мы с ними пошли в штаб.

Моей усталости как не бывало. Я лихорадочно обдумывала план действия. Ни о каком бегстве не могло быть и речи. Офицеры с наганами шли плечо к плечу.

Прежде всего мне надо было освободиться от пояса.

Пояс находился у меня под платьем, и он был так устроен, что его легко можно было сбросить.

Я незаметно провела рукой по животу. Пояс скользнул по моему шелковому белью и

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru по ногам и мягко упал на траву.

Офицеры не заметили.

Мне стало вдруг так жалко денег и документов, что я чуть не расплакалась. Но делать было нечего, надо было спасать шкуру для дальнейшего.

Тут я подумала, что надо бы, на случай, запомнить место, где упал пояс. Но как это, черт возьми, сделать?

Я стала считать шаги. Мне хотелось сосчитать шаги вплоть до какого-нибудь особенно характерного места, которое я могла бы запомнить.

Я сосчитала семьсот пятьдесят шагов, и вдруг мы вышли на полотно железной дороги. Я снова стала считать шаги. И до столба с номером семьдесят шесть я сосчитала сто шагов.

После чего я стала думать о своем предстоящем вранье.

Мне вдруг вспомнился интересный факт из моего недавнего боевого прошлого.

У нас на фронте под Черниговом был задержан белый офицер, некто полковник Калугин. Он был молодой, лет тридцати. И он нас удивил своим поведением.

Он держал себя очень смело и непринужденно, когда его привели в штаб.

Его спросили, для какой цели он перешел к нам.

Мы ожидали от него услышать всякое вранье, но он так сказал:

– Да, я по убеждению белый офицер. Я скрывать от вас не буду, что я с революцией ничего общего не имею. Но в данном случае я прошу поверить моему честному слову – я перешел к вам отнюдь не по делам военным или политическим. Я питаю большую любовь к одной женщине, которая осталась при отступлении в Орле. И у меня такое к ней неудержимое чувство, что я решил повидать ее. Если вы меня отпустите с ней назад – я по-человечески вам буду исключительно благодарен и не буду с вами сражаться. Если нет – я останусь тут с ней. Если вы, конечно, помилуете меня и не расстреляете. Я знал, на что шел.

Эти речи нас всех привели в удивление, и мы не знали, что подумать.

На полевом суде этот полковник Калугин на все вопросы отвечал с достоинством, но настаивал на своей любовной версии.

Однако суд не нашел причин для помилования и приговорил полковника к высшей мере. Причем прокурор ему сказал:

– Мы хотели бы, полковник, уважить вашу последнюю просьбу. И, если вы найдете нужным, мы передадим вашей любимой женщине то, что вы захотите, – карточки, вещи и последний привет. Это делает вам честь так любить. Но вы наш враг, и мы не имеем права поступить сейчас иначе.

На это полковник рассмеялся и сказал:

– Неужели вы могли думать, что в такой момент, когда решается судьба России, русский офицер мог пришить к бабьей юбке?... Никакой женщины нет... Это была моя выдумка, чтоб вас провести... Не удалось – не надо. Я готов умереть.

Это так нас всех удивило, что мы были ошеломлены. И мы тогда поняли, что поражение белых под Черниговом нельзя рассматривать слишком просто. Враги, несмотря на свою дряблость, имели сильных и весьма мужественных людей. И было бы политической ошибкой думать, что там были только сор и мусор.

И вот, когда меня офицеры вели в штаб дивизии, я подумала об этом случае. И мне показалось, что было бы хорошо рассказать в штабе о какой-нибудь подобной любовной истории. И если мы поверили, то, может быть, и тут поверят.

И, когда я пришла к решению рассказать в штабе что-нибудь из любовных

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
приключений, мне сразу стало на душе легко, и я уже не сомневалась в успехе.

В это время один из офицеров грубо схватил меня за плечо и велел остановиться. Мы стояли теперь у какого-то домика. Вероятно, тут был штаб дивизии.

Было еще темно, но небо начинало немного проясняться. Вероятно, было около пяти часов утра.

22. Первый допрос

Меня почему-то не стали тут допрашивать. Меня только тут обыскали в высшей степени грубо и нечутко. Но ничего не нашли.

А после обыска я полчаса сидела на ступеньках, а против меня стоял офицер с наганом и в упор меня разглядывал. А другой офицер куда-то ушел.

Наконец он явился и сказал:

– Генерал велел отвезти ее в Джанкой. Один из нас должен ехать. Если хотите, поручик, то поезжайте.

Мы прошли с этим поручиком несколько километров пешком и наконец сели в товарный состав, который и доставил нас в Джанкой.

Откровенно говоря, я была так утомлена ночной передрыгой, что сразу, как камень, заснула на полу теплушки. И когда проснулась, мы стояли уже в Джанкое.

В общем, минут через десять я была уже на допросе. Меня допрашивал некто полковник Пирамидов, перед которым навтыжку стоял приехавший со мной офицер.

По-видимому, этот полковник был начальником контрразведки или что-нибудь вроде этого.

Узнав от офицера подробности, он отпустил его и, оставшись со мной в комнате, любезно начал беседовать. Но его любезность меня не успокоила. Я увидела, что он даже не посмотрел на меня сколько-нибудь внимательно. И это меня отчасти устрасило. Это была игра без козырей. Наверно, после ночной передрыги я выглядела ужасно. Я чувствовала, какая я была грязная и растрепанная, как ведьма.

Полковник расспрашивал меня о том о сем, и я ему на все отвечала как находила нужным.

Я ему собиралась сказать что-нибудь правдивое, соответствующее моменту. Я хотела сказать, что я ищу офицера, которого люблю больше жизни, и благодаря этому перешла сюда. Но в последний момент, несколько растерявшись, не совсем так сказала. Я сказала, что я жена офицера, который тут, в Крыму.

Он спросил: «А как его фамилия?» И я отвечала: «Он носит фамилию Бунаков, Юрий Анатольевич».

– А какой он воинской части? – спросил меня полковник. – Что-то мне знакомая фамилия.

Я сказала:

– Он поручик лейб-гвардии конной артиллерии.

Полковник Пирамидов, засмеявшись, сказал:

– Вы это хорошо изучили. Только извините меня – быть того не может, чтоб вы были его жена.

И он посмотрел на мои мужицкие руки.

Я сказала:

– Вернее, я его любовница. Он меня бросил. Но я его так люблю, что я решила его обязательно найти. Я с ним два года жила. И теперь так по нем тоскую, что места

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru себе не нахожу.

Тут я увидела, что полковник Пирамидов мне не особенно верит. Он начал со мной шутить, задавать забавные вопросы и выспрашивать мое прошлое.

Потом он грубо сказал:

– Я тебя посажу в подвал. И ты подумай хорошенько, что именно тебе следует рассказать. А если ты, скотина, ответишь мне по-прежнему враньем, то это факт, что я тебя пошлю путешествовать на небо. Мне наконец надоела твоя наглая ложь. Уж за одно, что ты назвалась женой гвардейского офицера, тебе следует хорошенько всыпать.

Он позвал вестового. И тот отвел меня в соседний дом и там меня бросил в подвал.

А когда меня вели к подвалу, один какой-то белобрысый офицер с огромным любопытством посмотрел на меня. И я видела, что он хотел даже подойти ко мне, но конвойный не разрешил ему это сделать. Мне было тогда не до того, и я не обратила на это особого внимания.

Подвал, куда меня сунули, был с крошечным оконцем, в которое едва могла пройти кошка.

Я была ошеломлена и растеряна. Я понимала, что дело со мной исключительно плохо и все, вероятно, кончится расстрелом. Я себя ругала за нетвердые и дурацкие ответы. И за то, что не могла сочинить поскладнее любовную историю.

Однако надо было выпутываться. Я решила ни в коем случае не признаваться, так как тогда моя гибель была бы неизбежна. Я решила настаивать на любовной версии.

Я сидела в подвале на куче мусора и камней и обдумывала, как мне вести себя и что говорить при следующем допросе.

Вдруг я услышала музыку. Кто-то играл на баяне.

Я подошла к окну и увидела, что по двору гуляет сам полковник Пирамидов.

Он сентиментально гулял, заложив свои барские руки за спину. Он был очень такой, что ли, задумчивый и грустный.

Позади него шел солдат, который на ходу играл ему на баяне.

Солдат играл исключительно хорошо. Он играл народные песни.

Потом он заиграл такую песню, от которой я неожиданно заплакала. Я не знаю, что это за песня. Я ее раньше никогда не слышала. Она начиналась со слов:

В голове моей мозг иссыхает,
Сердце кровью моей облилось...
И так далее, что-то в этом духе.

Это было совершенно не в моем характере – плакать. Но у меня после допроса нервы были до того расшатаны, что я разрыдалась от этой песни. Очень уж она была какая-то особенная. И солдат пел таким тонким голосом, что у меня сердце переворачивалось.

Но, поплавав, я снова взяла себя в руки. Эта моя минутная слабость сыграла даже хорошую роль. Я дала себе слово не падать духом ни при каких обстоятельствах. Что из того, что я буду плакать и убиваться. Лучше я буду бороться до самой последней возможности. И подороже и с пользой продам свою жизнь, которая принадлежит не мне, а революции.

Эти мысли меня успокоили. Мне снова стало легко и просто.

Поздно вечером за мной зашел какой-то молодой офицер. Он был со мной до неприятности вежлив. Он сказал:

– Сударыня, вас приглашает полковник Пирамидов. Идемте за мной.

23. Второй допрос

Полковник Пирамидов начал со мной говорить сначала весьма любезно. Он мне предложил сесть и велел подать чашку чаю.

И я начала пить чай и слушала, что полковник мне говорит. Он говорил мне о слишком ответственном моменте, когда поставлена на карту судьба всей России, и сказал, что если им придется покинуть Крым, то страна будет растерзана на части другими государствами.

Я ему хотела возразить, но сдержалась. На этом он меня бы поймал.

Когда я кончила пить чай, полковник Пирамидов ударил кулаком по столу. Он вскричал:

– Ты обманщица и негодяйка! Теперь мне совершенно ясно, что ты подослана к нам. Я непременно тебя сегодня расстреляю.

Я сказала:

– Вы, полковник, опрометчиво решаете.

– Я тебе дал чай, – закричал полковник, – с тем, чтобы тебя испытать. Это вранье, что ты была два года любовницей гвардейского офицера. Ты пила чай как мужичка. Я велел тебе подать сахарный песок вместо рафинаду. И ты его брала ложкой, вместо того чтобы положить в чай. Ты никогда не сидела за одним столом с порядочным человеком. Я даже не могу допустить, чтоб штаб-ротмистр Бунаков два месяца с тобой жил. Давай прекрати это бесстыдное вранье и скажи так, как есть. Ты зачем перешла позицию?

Я была ошеломлена до последней степени, потому что выводы полковника были абсолютно неправильны. Я сахар не положила в чай не потому, что я не знала этих великосветских правил. На это я достаточно насмотрелась в бытность свою у баронессы. А я не положила сахарный песок в чай потому, что я привыкла его экономить. Тогда был голод, и у нас вообще ни у кого не было привычки пить внакладку. Я ела сахар с ложечки и пила чай как бы вприкуску. И то, что полковник построил свои выводы на чепухе, это меня почему-то в особенности оскорбило. Я была до того этим ошеломлена, что буквально не нашлась что-либо сказать.

И мое молчание меня отчасти погубило.

Полковник Пирамидов закричал:

– Я тебя спрашиваю, нахалка, зачем ты перешла позицию?

И хотя я была ошеломлена, но сказала твердо:

– Я перешла позицию, чтобы встретиться с человеком, которого я люблю больше жизни.

Полковник закричал на меня страшным голосом:

– Ты врешь, негодяйка! Твои мужицкие руки выдают тебя с головой. Ты этими грязными руками подбираешься схватить нас за горло. Ты такая некрещеная тварь, какой свет не видел... А то, что ты мне позволяешь так с собой говорить, еще раз убеждает меня в моем подозрении. Ты большевичка. На тебе даже, я уверен, креста нет.

И он с такой силой рванул мое платье, что разорвал его до живота. И сам он был такой страшный, что я подумала – он меня убьет.

Но я сама почему-то была взбешена, когда он меня назвал некрещеною тварью, хотя мне это было, в сущности, решительно все равно и на это было в высшей степени смешно обижаться. Но мне надо было на чем-нибудь сорвать свою злобу. И поэтому я ему сказала:

– Меня крестили, а тебя, я вижу, в помойную яму опустили.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Он рванул меня за плечо и другой рукой со всей силы ударил по лицу. Кровь брызнула у меня из носа и изо рта. И я выплюнула два зуба.

– Боже мой! – закричал полковник.

Он упал в свое кресло и схватил свою голову руками.

Он сказал:

– Боже мой! Если бы пять лет назад кто-нибудь посмел сказать, что я ударю женщину, я бы застрелил такого негодяя.. Слушай ты.. – сказал он мне. – Ты своим наглым упорством довела меня до сумасшествия.. Я не должен бы тебя бить таким образом, как бьют мужчину. Вот за это я тебе никогда не прощу.

Я молчала.

Он снял со своей руки кольцо и с дикой злобой бросил куда-то в угол.

Он сказал:

– Негодяйка! Я на этом кольце носил такой девиз, который воспрещал мне грубое физическое воздействие над женщиной. Я окончил Павловское военное училище, и этим все сказано. Ты меня толкнула поступить против девиза. И теперь я тебя во что бы то ни стало велю расстрелять.

В этот момент в дверь кто-то постучал.

– Нельзя! – диким голосом закричал полковник.

За дверью кто-то сказал:

– Слушай, Пирамидов. Одну минуту. Крайне важное сообщение.

Дверь открылась. В комнату вошел офицер. И тут я увидела, что этот офицер – ротмистр Глеб Цветаев.

Он был в таком же виде, как и всегда. Он был красивый и чудно одетый, и черные усики оттеняли его лицо. Он поморщился, когда меня увидел. Но он не узнал меня. Мое лицо было разбито и в крови, платье разодрано, и вся я была грязная и выпачканная, как черт.

Он сказал улыбаясь:

– Фи, полковник. Ну как можно так. Что за методы..

Он вытащил из кармана батистовый носовой платок и бросил мне, чтоб я вытерла лицо. Я не стала этого делать. Я боялась, что он меня узнает. И тогда мое вранье о Бунакове окончательно обнаружится. Я сидела на лавке, закрыв лицо руками.

Полковник сказал:

– Это красная. И я в этом совершенно уверен.. Наше положение столь напряженно и тревожно, что я немного понервничал.

Ротмистр Цветаев сказал:

– Ты знаешь, меня назначили начальником контрразведки в Ялту. Сейчас еду.. А что касается нашего положения, то оно хуже, чем ты думаешь.. Я сейчас от Кутепова. Тот взбешен и в ужасном виде.. Как страшно все это, Пирамидов! Какой жуткий исторический момент. Мы, крошечная кучка цивилизованных людей, отступаем под натиском мужицких войск.. Мы пока держимся на маленьком полуострове.. Но сколько это может продолжаться..

Полковник сказал:

– Я тоже думаю, что наша судьба решена. Да, мы – последние римляне. Мы последний оплот цивилизации. Дальше – мрак и средневековье. Хорошенький момент, черт

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru возьми.

– Кажется, пришло возмездие, – сказал ротмистр Цветаев.

И он снова повторил фразу, которую я слышала от него: «Деды ели виноград, а у нас оскомина».

У меня вертелось на языке возразить этим офицерам. Мне хотелось сказать о новой, прекрасной цивилизации, которую несет трудящийся мир. Мне хотелось сказать: да, господа, пришло возмездие, пришел час расплаты за все беды, за все несчастья, которые терпел народ от своих притеснителей, от своих бар и помещиков.

И хотя я сама тогда была не слишком-то подкована в этих вопросах, но мне захотелось им сказать, как они ошибаются в своих воззрениях.

Но я, конечно, не посмела ухудшить свое положение. Моя жизнь принадлежала не мне. И поэтому я молчала. Хотя меня раздирали слова и я еле сдерживалась, чтоб молчать.

Полковник Пирамидов крикнул вестового. Потом пришел какой-то офицер, которому Пирамидов шепотом отдавал длинные приказания.

Этот офицер сказал мне: «Идемте».

И мы вышли из помещения.

24. Неожиданное избавление

Через полчаса они со мной разыграли весьма некрасивую комедию. Они разыграли сцену расстрела. Они хотели выпытать от меня то, что я от них скрывала. Они подумали, что перед дулом винтовки я непременно упаду духом и тогда им во всем покаюсь.

Они отвели меня в какой-то сад и там поставили к дереву. И скомандовали: «Пли!»

А перед этим они сказали, что помилуют, если я им признаюсь. Причем они били меня плетью и шомполом, чтоб я им все сказала. Они меня били по плечам и по спине.

И я молча сносила эти удары.

Я рассчитывала, что если я сейчас признаюсь, то тогда-то уж непременно мне будет крышка. И поэтому, когда они задавали вопросы, я снова настаивала на своем, хотя под конец я уже теряла силы и сознание. Я еле стояла от боли, негодования и страха смерти.

Они мне сказали, наведя на меня винтовки:

– А ну, произноси свое последнее слово. Уж теперь-то тебе все равно крышка.

Я им ответила:

– Свое последнее слово я вам уже сказала. Но если тем не менее вы меня теперь все же решили пристрелить, то вы есть подлые негодяи. И это есть самое напоследнее мое слово, произнесенное в этом мире.

Они страшно поразились моему упорству. Я видела, как они пожимали плечами и недоумевали, и я уж не знаю, что они подумали. Они выстрелили в меня поперек головы. И я упала. Я думала, что я убита или ранена. Но оказалось, что не то и не это. И они меня снова отвели в подвал и там бросили.

Первые два дня я, откровенно скажу, лежала почти без движения. Я не прикасалась даже к еде и только пила воду.

Но потом мне стало лучше. Я, сколько возможно, привела себя в порядок. И тогда почувствовала такой прилив энергии, что мне захотелось убежать.

Я попробовала раскатать камень у подвального окошечка. Он не поддавался моим усилиям. Но я не теряла надежды.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Вдруг я увидела, что кто-то на оконце положил ветку винограда.

Это меня удивило. И я подумала – неужели среди тигров нашлась мягкая душа?

Так или иначе, я скушала этот виноград. И снова стала готовиться к побегу.

Но вот кто-то из офицеров подошел к подвалу и мне сказал:

– Выйдите наверх, мне надо с вами поговорить... А если вы так слабы, что не можете подняться, то я вам помогу.

Меня рассмешили эти слова. И я, забывши о своем надуманном положении, сказала:

– Мерси, я не нуждаюсь в посторонней помощи. Это ваши офицерские дамы не могут обходиться без поддержки, а я, – говорю, – еще чувствую себя довольно порядочно.

Однако я слишком понадеялась на свои силы. И когда я вышла из подвала и очутилась в саду, у меня так голова закружилась, что я чуть не упала. Но я не хотела перед своим врагом показать свою слабость. Это было не в моих привычках. И, чтобы скрыть свое головокружение, я нагнулась и сорвала два каких-то цветочка.

Офицер сказал:

– На вас приятно глядеть – какая вы здоровая, энергичная и сильная женщина. Другую совершенно бы подломила вся история, подобная вашей. А вы вышли из подвала и стали цветы собирать как ни в чем не бывало. Эта живость меня восхищает до последней степени.

Я говорю:

– Если вы, господин офицер, решили мне тут делать комплименты, то я удивляюсь, что вы избрали такой момент. Лично, – говорю, – мне не до этого.

Офицер, засмеявшись, сказал:

– Мне и эти ваши резкие слова весьма нравятся, и они находят отклик в моем сердце. Они опять-таки показывают вашу большую моральную силу.

Тогда я с удивлением посмотрела на моего собеседника.

Я увидела перед собой офицера лет тридцати. Это был тот самый офицер, который хотел ко мне подойти, когда меня вели в подвал. Он был белобрысый и некрасивый. У него были маленькие свинячие глаза и физиономия одутловатая и нездоровая, со шрамом на щеке.

Он сказал:

– Если говорить откровенно, то я наблюдал за вами все эти дни. Я не скрою от вас, вы мне понравились с первого же момента. Вы мне напомнили мою жену, которая бросила меня в Киеве... Она была вроде вас, такая же сильная и непреклонная. И я единственно уважаю в жизни – это силу и здоровье. Все остальное меня не волнует... Я сам крестьянский сын, сын полей и природы... Но что вы видите в настоящий момент перед собой? Я дня не могу прожить, чтобы не заправиться кокаином. И без этого я весь развинченный и в таком виде, что вы бы удивились... Да, я где-то потерял свою силу, но я продолжаю восхищаться, когда это вижу у других.

Я сначала подумала, что этот человек что-то вроде провокатора и что он, наверно, подослан меня испытать. Но с каждым его новым словом я видела, что это вроде бы как одержимый. Не то чтобы это был ненормальный, нет, он был просто во власти своих психических представлений, занюханный кокаином и ослепленный своей идеей.

Он сказал:

– Я прошу вас, мадемуазель, не удивляться моим словам. Мне полковник Пирамидов обещал освободить вас в том случае, если вы...

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
И он, замявшись, добавил:

– Если вы... в общем, он освободит вас, если кто-нибудь из господ офицеров будет с вами жить... вместе... Он имеет к вам подозрение... Он хотел, чтобы вы были под присмотром... И если вы согласитесь, чтоб мы были вместе, то все закончится к общему благополучию.

Я была так поражена этим предложением, что даже не сразу поняла, о чем идет речь.

Он снова повторил свои слова и добавил, что никакого принуждения он не хочет. Он мог бы, конечно, поступить иначе, но он хочет настоящих чувств, а не насилия.

Вероятно, в моем положении надо было на это согласиться, но я не могла. Мое сердце женщины разрывалось от чувства возмущения и досады. И я отклонила это странное предложение быть его любовницей.

Он сказал:

– Я не знаю, кто вы такая, и не хочу об этом знать. А что касается меня, то я не боевой офицер. Я благодаря ранению заведу хозяйственной частью. Я прапорщик и вот уже четвертый год нахожусь в этом чине без малейшего желанья стать генералом.

Я спросила его:

– Что же, вы сами, что ли, обратились к полковнику, или он вам предложил меня?

Прапорщик сказал:

– Я чувствую, что я упал в ваших глазах, но, если хотите знать правду, я просил его о вас. И он сказал: «Можете ее забирать, только чтоб она не наделала нам делов. Вы за нее ответите».

– И вы согласились?

– Да, я согласился...

Я сказала:

– А я все же несогласна. Я не продажная бабенка, которую вы, офицеры, привыкли покупать на улице. Передайте вашему полковнику, что он хам. И что пусть он поищет развлечений для своих подчиненных где-нибудь в другом месте.

Прапорщик был смущен до последней крайности. Он сказал:

– Хорошо. Я скажу полковнику, что я с вами договорился, а вы можете идти куда хотите.

Мне показалось это фальшью и показным благородством. Но я сказала:

– А если я этим воспользуюсь?

– Хорошо. Воспользуйтесь. Только я прошу вас запомнить, где вы меня можете найти, если вы в Симферополе не найдете вашего любовника. Позвольте представиться – я прапорщик Василий Матвеевич Комаров, заведующий хозяйственной частью комендантского управления в Симферополе. Там вы меня можете очень легко найти... И, вероятно, вам придется это сделать. Вы без денег, без паспорта, без квартиры... Так что я вас отпускаю с полной уверенностью, что наши пути еще сойдутся. Я верю в судьбу и знаю, что вы мне посланы вместо моей первой жены, которая меня бросила ради какого-то негодяя... Она не понимала ни меня, ни моего сердца... Итак, вы свободны. Идите!

И прапорщик Комаров сделал рукой театральный жест.

Я не знала, что мне думать. Я снова стала предполагать, что нет ли тут провокации. Но, как бы то ни было, я была благодарна случаю, хотя и не могла верить в благополучный конец.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Я сказала:

– Значит, я могу вас так понять, что я свободна?

Он сказал:

– Да, вы свободны. Только если вас спросят, вы скажите, что вы договорились со мной.

От радости и счастья, что я свободна, я вскочила на ноги и почувствовала такой прилив сил, как в дни самого большого счастья.

25. В Симферополе

Вскоре я привела себя в порядок, вымылась и поправила разорванный туалет. Но, когда я взглянула на себя в зеркало, я пришла в большое огорчение. Лицо было избито и в синяках. Только что мои голубые глаза по-прежнему сияли. Все остальное не было в порядке. И нужно было недели две, чтоб все пришло в свою норму.

Но все же я решила идти в Симферополь.

Я попрощалась с прапорщиком Комаровым. И с удивлением на него поглядела – зачем он меня отпускает неизвестно куда. Я ему сказала об этом. Он, засмеявшись, ответил, что он очень рад, если я оценила его благородство. Что не все женщины так чутки и не все женщины умеют разбираться в сердце мужчины.

– Кроме того, – добавил он, – я непременно вас найду. Я совершенно уверен, что далее Симферополя вам не уйти без моей помощи... Ну, а если уйдете – значит, не судьба, и, значит, не вы предназначены заменить мою потерянную жену.

Тут я увидела, что мои шансы возросли, если он заговорил чуть ли не о женитьбе. Но все же я поспешила в Симферополь. Меня там ждали дела. И мне не к лицу было выходить замуж за своего врага, за этого белобрысого прапорщика из белой армии, ищущего, как в бреду, возвышенных чувств в стенах контрразведки.

Я добралась до Симферополя на другой день.

Симферополь был как осажденный город. На вокзале на фонаре висел повешенный. Всюду проходили войска и везли пушки. Я поняла, что положение мое будет печальным, если я кого-нибудь не найду из указанных мне лиц. Но вместе с тем я чувствовала, что вряд ли тут кого-нибудь можно найти.

И когда я подошла к нужному мне дому, я там увидела кавалерийских лошадей. И в саду стояла военная палатка.

Поэтому я, конечно, сразу не рискнула туда зайти. Это был номер, если бы меня там захватили как явившуюся в подпольную организацию.

По всему видно было, что конспиративная квартира тут была разгромлена. Однако надо было проверить.

Я стояла на улице, недалеко от этого дома, и вдруг увидела, что идет женщина – гонит корову. Я разговорилась с ней, и как-то так вышло, что женщина предложила мне пожить у ней – поработать.

Мое положение было ужасно. Без денег и без ничего – я могла просто пропасть. Вдобавок изуродованное лицо мне не позволяло идти на дальнейшее. Я согласилась. И пошла с ней.

Оказывается, она жила через дом от нужной мне квартиры.

И вот я стала у нее жить. Я прожила у нее больше десяти дней. И за это время мое лицо пришло в себя. Я снова стала такая же, как прежде. И я подумала, что прапорщик Комаров вряд ли так легко отпустил бы меня, если б снова встретил.

Кроме того, за эти десять дней я узнала все подробности. Я узнала, что генерал Кутепов своими действиями навел прямо ужас на весь Симферополь. Тут еще недавно

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
десятки повешенных висели на уличных фонарях. А что касается нужной мне
квартиры, то там была какая-то целая история со стрельбой. И что там многие были
арестованы и расстреляны.

Короче говоря, создавалось такое положение, что мне в Симферополе делать было
ничего. Мне надо было пробраться в Ялту. Но как это сделать – это был большой
вопрос. Туда попасть было нелегко, а в моем положении просто невозможно, так как
я не имела никакого положения и никакого, хотя бы даже плохонького,
удостоверения личности.

Вместе с тем я чувствовала, что мне надо действовать. Мне нужно было пробраться
в Ялту и там завязать отношения. А между тем прошло уже три недели со дня моего
перехода, и я ничего не сделала. Да еще вдобавок потеряла пояс с казенными
деньгами. Все это меня приводило теперь в глубочайшую меланхолию. Я буквально не
знала, с чего мне начать.

Был такой момент, что я даже хотела обратиться к прапорщику Комарову. Я хотела
через него что-нибудь сделать. Но когда подумала о нем, то отложила эти мысли.
Мне было бы очень нелегко сойтись с этим прапорщиком. Он меня раздражал своим
показным, фальшивым благородством и пьяным бредом.

Я решила обойтись без его помощи.

26. Рука и сердце

В расхлябанном состоянии я шла однажды от вокзала к своему дому.

И вдруг неожиданно столкнулась с прапорщиком Комаровым.

Я вскрикнула от удивления. Хотела быстро уйти. Но он догнал меня и схватил за
руку. Я увидела, что он был как в бреду и занюханный кокаином.

Он сказал:

– Я от одиночества опять стал сильно нюхать кокаин. А у меня порок сердца, и мне
это абсолютно нельзя... И я знаю, что только вы, сильная и здоровая женщина,
можете меня вполне спасти от ужасной гибели... И если я вас потеряю, то я пропаду,
потому что тут у нас сейчас нету женщин, сколько-нибудь похожих на вас. У нас
тут все сами нуждаются в поддержке... А вы такая, что когда я рядом с вами стою, и
то мне делается легко и весело. Ничего подобного я не испытывал с тех пор, как
мы расстались с женой... Не оставляйте меня, потому что я без вас пропаду.

У меня вертелось на языке ему сказать: «Ну и пропадай к дьяволу, мне-то что!»

Но я, конечно, этого не сказала. Я попросила у него отсрочки для решения.

Я сказала:

– Через два дня я зайду к вам и скажу, что я думаю. Но сейчас я ничего не могу
сказать. У меня еще в моем сердце осталась любовь к тому человеку, которого я
разыскиваю. Но если за эти два дня я его не найду, тогда я на что-нибудь
согласюсь.

Он ни за что не хотел меня отпускать. Но я на своем настояла. Я только
согласилась с ним немного посидеть в кафе. Там мы ели фрукты, и он болтал мне
всякую чушь насчет своей любви, которая у него зародилась ко мне.

Но он мне был так неприятен, что я еле сдерживалась не наговорить ему обидных
слов.

Наконец я встала и пошла и не позволила ему сопровождать себя.

Я сказала на прощанье, что я сама зайду к нему в комендантское управление.

Но между тем прошло два дня и еще два, и я не пошла. Я решила пробраться в Ялту
без его помощи, под видом проститутки.

Я уже смастерила себе особое легкомысленное платьице и достала у одной девушки
красный карандаш для губ. Устроила себе эффектную прическу. И в таком наряде

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru действительно стала похожа на уличную фею недурненькой наружности.

Своей хозяйке я сказала, что на несколько дней мне нужно съездить в Ялту. И та мне позволила. Она мной дорожила, потому что я все умела делать и даже стирала ей белье.

И вот я, приодевшись, верчусь перед маленьким зеркальцем и решаю проблему, как я буду вести себя в Ялте. В это время к нам в помещение входит прапорщик Комаров.

Он, оказываясь, в прошлый раз пошел за мной и выследил, где я живу. И теперь, не дождавшись моего прихода, явился.

Он был в очень расстроенном и нервном состоянии. Но он был настолько занюханный, что не разобрался в моем туалете. Он даже, сослепу, нашел, что я в таком виде похожа отчасти на английскую леди.

Он вдруг упал передо мной на колени и стал умолять меня, чтоб я ответила на его чувство.

И тут в одно мгновение я оценила общее положение. Я подумала, что если он в таком размягченном состоянии, то я могу из него веревки вить, я могу очень много через него достигнуть.

Я только не знала – этично ли сойтись с ним для достижения нужной цели. Этот вопрос вообще меня мучил долгое время. И, главное, мне не у кого было спросить, допустим ли такой момент: сойтись со своим врагом и через него добиться нужной цели.

Вообще-то говоря, он не был в полной мере сознательным врагом. Он был недалекий субъект. Видимо, его просто захлестнули обстоятельства, и он механически очутился в рядах белой армии.

Так или иначе, у меня в одно мгновение созрел в голове план действий. И, главное, я подумала – почему же этично пойти под видом проститутки и неэтично сойтись с ним, тем более что я могу с ним фактически не сойтись, а просто постараюсь надуть его. И мне эта перспектива стала больше улыбаться, чем положение проститутки, которую ожидают всякие неожиданности и пьяные происшествия.

И когда прапорщик Василий Комаров снова повторил свои слова о том, что без меня он чувствует большую пустоту и что без меня он занюхается кокаином, окончательно пропадет, я сказала:

– А что же вы хотите?

Он схватил меня за плечи и от неудержимого чувства обнял меня.

Он сказал:

– Я предлагаю вам руку и сердце. И если хотите, то мы поженимся хоть завтра.

Мы с ним опять прошли в кафе и там стали есть фрукты.

Он таял от моих взглядов и поминутно целовал мои руки. И я удивлялась, как он в своем ослеплении не видит, какие загорелые, мужицкие руки он целует.

В общем, я сразу поняла, что поступила правильно. Я могла с ним что угодно сделать. У меня даже мелькнула мысль о том, что надо будет заняться розысками пояса. Но пока – Ялта.

Я ему сказала:

– Только я ставлю условие поехать в Ялту. А потом я хотела бы немножко освежиться и попутешествовать по Крыму.

И он сразу согласился. Он сказал, что в Ялту он может в два счета перевестись, у него столько связей и знакомств, что это просто не вопрос. После чего мы можем поездить по всему берегу Крыма, пока он в наших руках.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Он сказал, что мы непременно послезавтра переедем в Ялту.

У меня упало сердце, когда он назвал меня своей женой. Мне показалось ужасным, что я согласилась на его предложение. Мне теперь показалось, что я и двух дней с ним не смогу провести.

Но игра была сделана, и отступить, мне казалось, не следовало.

27. Свадебное путешествие

По-моему, он был большой авантюрист, этот прапорщик Васька Комаров.

У него действительно кругом были большие связи и знакомства. Кроме того, он был сказочно богат. Наверное, он накрал денег со всех сторон. Для него деньги были не вопрос.

Он моментально справил мне три платья и шляпу. Подарил браслетку и часы. И объявил, что он сделает мне сказочную жизнь.

Он меня познакомил со своей обозной бражкой. Это были раненые офицеры-инвалиды. Очень большие пьяницы и, видать, себе на уме.

Двое из них были его близкие друзья.

Прапорщик Комаров торжественно меня им представил. Он сказал, что я та женщина, которая отныне заменит ему его бессердечную жену. Офицеры, соблюдая дворянские манеры, подходили к нам и, щелкая шпорами, от души нас поздравляли с новой жизнью.

Потом мы вчетвером отправились на квартиру, и там вскоре все, кроме меня, перепились. И пели песню, над которой они плакали. Там, в этой песне, были слова о том, что наступает последний момент, что близок враг со своей винтовкой и что их всех расстреляют. Там были удивительные слова:

Что-то солнышко не светит,
Над головушкой туман.
Либо пуля в сердце метит,
Либо близок коммунар...

И, напившись, эти офицеры пели эту песню не меньше десяти раз. И всякий раз навзрыд плакали. И говорили, что действительно близок конец крымской эпопеи. Что белые не удержат Крыма, хотя Перекопский перешеек сам по себе достаточно неприступен.

Я, конечно, не стала обсуждать с ними эти вопросы. Я уложила Комарова спать. И он как мертвый заснул от вина и кокаина, который он нюхал весь день, чтоб приободриться.

Он встал на другой день зеленый и больной. И ему снова надо было заправиться кокаином, чтобы прийти в норму.

Я с удивлением на него взирала. И я отчасти даже не понимала, как крестьянский сын, по природе своей здоровый и крепкий человек, мог за короткое время дойти до такого нервного, развинченного состояния. Но вскоре он мне признался, что он, «сын полей и природы», был вдобавок сыном сельского дьякона – ужасного алкоголика и не совсем нормального человека, повесившегося в церкви.

Со мной этот сын полей был исключительно вежлив и любезен. Но он чуть ли не силой заставил меня надеть шляпку, когда мы вышли на улицу. Он сказал, что иначе нельзя. Что этого требует этикет. Мне же в шляпке было нелегко ходить. Я не имела привычки к этому и теперь страшно стеснялась, что шла как барыня.

Но он сказал, что в этом моем наряде он готов со мной пойти хоть в Академию наук, что я выгляжу хорошо, грациозно и именно так, как это вообще требуется в высшем обществе.

А это верно, я в это время страшно загорела. Мои руки сровнялись, и в них не было обычной красноты. И лицо мое было как у арапки – настолько я чудесно загорела. Так что действительно в моем новом туалете меня можно было принять за

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
какую-нибудь там, может быть, бежавшую фон-баронессу.

И многие оборачивались на меня, когда мы с Комаровым проходили по улицам Симферополя. На мне было, помню, какое-то светленькое клетчатое дворянское платье исключительной красоты и плюшевая шляпа с эгреткой и с разной бузиной. И хотя был октябрь, но в тех местах было удивительно тепло. Все ходили без пальто.

И мой Комаров был от меня просто без ума. Он согласен был весь день водить меня по улице, так ему нравилось, что все смотрят на меня – какая я была нарядная и хорошенькая.

Но эта великосветская жизнь не заслонила моих интересов. Я не забывала о своей цели и только об этом и думала.

И я велела Комарову поскорей устроиться в Ялте.

Через два дня мы с ним поехали туда на машине.

И у нас было столько вещей, нагруженных на две подводы, что я рассмеялась, что он так много накрал. У него были шубы, картины, фарфоровая посуда, мебель и так далее.

Сами же мы поехали впереди на машине. И вскоре были в Ялте.

28. В Ялте

На меня Ялта произвела исключительно сильное впечатление. Мне там понравилось голубое море, славные домики и набережная.

В те дни на море было большое волнение, и волны разбивались так, что заливали всю улицу.

Мы остановились с Комаровым в ялтинской гостинице «Франция». Сначала он хотел, при своих средствах, остановиться в лучшей гостинице «Россия», но там стояла высшая знать и там все было занято.

В первый же день приезда я немного подпоила моего благоверного, и он, свалившись, уснул. А я тотчас пошла по нужному адресу.

Я буквально горела, когда шла. Мне казалось, что если и тут я потерплю поражение, то мне грош цена и, значит, я не оправдала возложенных на меня надежд.

Когда я шла по набережной, я поразились, какая вокруг меня была толпа. Мне навстречу шли люди, о которых я позабыла и думать. Тут кипела жизнь иная, чем у нас.

Тут шли разного рода барыньки, которые раздражали меня своими кружевными зонтиками и невероятным кривлянием. Шли толстоватые потомственные помещики и генералы. Масса была офицеров, барышень и кокоток. Все гуляли по набережной, наслаждаясь чудным солнцем. И казалось, никто и не помышлял о войне и не думал, что тут у них на пороге Красная Армия.

Я миновала базар и прошла на старую часть города. И там я без труда нашла то, что мне было нужно.

Правда, мне там долго не доверяли и водили меня из ворот в ворота, но потом мы договорились. У некоторых товарищей слезы выступили на глазах, когда они узнали, что я к ним послана. Они меня горячо расспрашивали и всем интересовались. Я передала им на словах то, что было нужно, а что касается денег, то я рассказала, в чем тут запятая. Но я обещала этот пояс непременно найти.

Они не советовали мне рисковать головой ради этого, но я уже в душе решила, что так будет.

Они мне поведали о своем трудном положении и о Кутепове, который разгромил весь рабочий Симферополь. Но мы пришли к мысли, что осталось ждать недолго. Они мне сказали, что белая армия страшно нервничает и уже не надеется на успех.

Это меня поразило и обрадовало, и в своем душевном подъеме я решила сделать попытку поискать мой пояс с деньгами. Хотя эта задача казалась бесплодной и обреченной на неудачу.

С этими мыслями я вернулась к себе в гостиницу.

Мой Комаров уже проснулся и тревожно меня ожидал. Но когда меня увидел, то позабыл обо всех своих тревожностях и так обрадовался, что снова начал одаривать меня всякими драгоценностями, которые он понемножку вытаскивал из своего саквояжа. И я, конечно, делала вид, что радуюсь этим подаркам.

Мы с ним пошли погулять по набережной. И я ему сказала, что, может быть, завтра с утра я съезжу в Симферополь к своей знакомой хозяйке. Он вызвался меня проводить, так как сам в эти дни был свободен, не получив еще назначения. Но я отказалась, и он с подозрением на меня посмотрел.

Но тут я ему пожала руку, и он, как дурак, растаял от этой моей незначительной ласки. Он начал при всех меня обнимать и даже хотел поцеловать, но я уклонилась.

Мы шли теперь по набережной. Был чудный день, уже близкий к вечеру. Мы с Комаровым шли под руку и тихо беседовали.

Вдруг я вздрогнула и побледнела. Комаров сказал: «Что с тобой? На тебе лица нет...»

Но я не могла ничего сказать. Нам навстречу шла Нина Викторовна, и с ней рядом, подпрыгивая ножками, шел Юрий Анатольевич Бунаков. Позади них плелся генерал Дубасов, и с ними какая-то перезрелая особа.

Я буквально не знала, куда деваться. Я заметалась и хотела свернуть в сторону, но Комаров меня удержал. В этот миг мы поравнялись, и они своей компанией проследовали мимо нас. Они не узнали меня. Мой прапорщик Комаров козырнул генералу, и мы пошли дальше.

Но я обернулась. В этот момент они тоже остановились у перил набережной и взглянули на море – там кувыркнулся дельфин.

А я посмотрела на Бунакова – меня заинтересовало, какой он сейчас. Но он был такой же, как всегда. Только он стал немного смуглее, находясь под южным солнцем.

Я подумала об его песенке «Все на свете». И тут вдруг мои мысли странным образом ему передались. Он вдруг сказал:

Все на свете, все на свете знают –
Счастья нет,
И который раз в руках сжимают
Пистолет...

И я так засмеялась, когда он произнес эти стихи, что вышло прямо как-то неудобно с точки зрения ихних правил поведения. На меня все посмотрели, но я отвернулась. И они опять не узнали меня.

А мой дурак Вася Комаров почувствовал вдруг сильную ревность к тому, на кого я смотрела. Он подумал, что я в одно мгновение увлеклась этим хорошеньким офицером, похожим на куклу.

Он грубо дернул меня за руку, и мы снова пошли. Но мне не гулялось больше, и мы тогда зашли в кафе-шантан «Одеон», который находился у них в полуподвальном помещении. И там мы слушали пение шансонеток. И смотрели, как они пляшут под лозунгом «Нужда пляшет, нужда скачет, нужда песенки поет».

29. Находка

На другой день, поздно вечером, по моей инициативе мы устроили у себя дома торжественный ужин на двоих. Мне хотелось, чтоб мой Комаров нахлестался так, чтоб завтра он подольше не встал.

Он был до крайности тщеславный, и мне ничего не стоило его раззадорить. Я

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru попросила показать, как нужно заниматься кокаином, и он при мне вынюхал целый порошок. Потом ночью мы с ним выпили большое количество вина. Я пила мало, а он тянул, как лошадь. У него были какие-то сумасшедшие мысли. Он меня любил, но стоило ему немного выпить, как он терял себя, забывался. И глядел на меня с изумлением.

В общем, мы с ним пили до утра. И под утро он свалился без чувств. А я взяла документы, оделась по-дорожному и, договорившись заранее с одним шофером, выехала в Джанкой.

По дороге ко мне несколько раз обращались патрули, но я показывала документ и говорила: «Еду к мужу». И меня беспрекословно пропускали, потому что на документе мужа стояла подпись «Врангель».

Шофер довез меня до Симферополя. Там я пересела на паровоз и доехала до семьдесят шестой версты. Потом пошла пешком. И там отсчитала такое количество шагов, как мне было нужно, но пояса, как ни странно, не нашла. Я несколько раз производила счет, но безрезультатно. Это меня взбесило, потому что я была разведчица и такие вещи были непростительны.

А начинался уже вечер, и надо было поиски отложить, тем более что тут небезопасно было в смысле ареста.

Но когда я решила вернуться домой, я наткнулась в траве на мой пояс. Я задела его ногой. Я, кажется, даже закричала от радости.

Я вынула из пояса деньги (белогвардейского казначейства) и переложила их в карман. А пояс бросила.

Потом я с большим трудом добралась до Джанкоя. И там за очень крупную сумму я наняла себе подводу – арбу.

Только через день утром подвода привезла меня в Ялту.

Я с трепетом вошла в наш номер. Прапорщик Комаров спал. Вероятно, он, ожидая меня, все время пьянствовал. Всюду валялись бутылки и стоял полный кавардак. Я спрятала деньги и легла спать.

Через несколько часов, после бурного объяснения, мы помирились.

У Комарова все же осталось подозрение, что я замешана в каких-то политических или любовных делах.

Но мое небольшое ласковое внимание снова обезоружило его.

Однако теперь он был осторожен и старался никуда меня больше не отпускать. Так что я с трудом ухитрилась сбегать в город и передать там деньги. И после этого я вздохнула с облегчением. Наконец-то моя миссия была исполнена. Наконец-то после таких передраг я полностью выполнила задание.

В тот вечер я была так довольна, что мой Комаров удивился и снова стал меня подозревать в подпольных делах.

Меня же этот человек снова стал ужасно раздражать своей глупой пустотой и самомнением. И я снова еле могла терпеть с ним вместе находиться.

И чтоб уйти от него, надо было ждать подходящего момента.

30. Эвакуация

Между тем в Ялте становилось все более беспокойно.

Многие на улице открыто говорили, что белой армии не удержать Крыма.

Мой Комаров, пойдя однажды за назначением, вернулся бледный и расстроенный. Он сказал, что предстоит эвакуация, что некоторые учреждения должны незаметно покинуть Ялту уже сегодня.

Он не знал еще, в чем дело там, на фронте, но, кажется, там дело было близко к

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru катастрофе.

И действительно, в Ялту вдруг прибыло несколько пароходов, и началась посадка.

Нельзя сказать, что произошла большая паника. Многие и без того были готовы к этому. Но все же в городе наступил какой-то острый, напряженный момент. Кругом были напуганные и тревожные лица. И все спешили туда и сюда.

В порту образовалась большая толпа за билетами на пароход. Но еще никто в точности не знал, что именно произошло – пал ли Перекоп, или еще белые войска держатся. Только доходили слухи, что была страшная атака красных и был прорыв. Но насколько это опасно, никто не знал.

На другой день в Ялту прибыло еще несколько пароходов.

И снова в порт заспешила буржуазия и офицерство с чемоданами и саквояжами.

Ехали подводы с вещами учреждений, и шли разного сорта барыни, тяжело дыша от страха и волнения.

На молу стояла невообразимая путаница. Рассыпанное сено и мусор довершали картину суматохи и бегства.

Я с большим волнением наблюдала этот отъезд.

Я ко всякому пароходу приходила в порт и смотрела, как дворянская и купеческая Россия спешно покидала берега своей бывшей родины.

Чувство оскорбленного народа кипело во мне. Я видела расстроенные и плачущие лица. Я видела страх и смятение. Но не жалость, а восторг был у меня на сердце. Потому что я своими глазами видела час расплаты и наблюдала, как уходила прежняя жизнь, унижавшая народ во всех его чувствах.

Это было неповторимое зрелище.

Это был исторический момент – бегство барской России, бегство притеснителей народа. Это был момент бегства – когда им дальше и бежать было некуда! И вот они садились на пароход и ехали в Турцию.

И от этого зрелища меня охватывал такой восторг, что я все время стояла с улыбкой, так что все обращали на меня внимание. Но я нарочно махала платочком и бормотала: «До свиданья, милые друзья, до свиданья!»

Между тем на берегу происходили разные трагикомические сценки. Некоторых не пропускали на пароход с большим багажом. Те хорохорились, кричали, называли всякие светлейшие имена, но все это стоило теперь три копейки. И разные генералы и фон-бароны смиренно подчинялись правилам и, очутившись на пароходе, облегченно вздыхали.

Некоторые из них плакали, а некоторые говорили: «Через две недели вернемся». А один генерал крикнул кому-то:

– Они все равно нас позовут. Ведь у них, кроме мужичья, людей теперь не осталось.

Я очень хотела схватиться с этим типом, но, конечно, сдержалась. Между прочим, я непременно хотела увидеть, как отъезжала моя бывшая барыня, баронесса Нина Викторовна, но почему-то этот незабываемый момент пропустила. Я увидела их только тогда, когда пароход отчалил и они стояли на палубе. Баронесса слиняла и, бледная как покойница, стояла, опираясь на генерала. Бунаков задумчиво смотрел вдаль. Я шутливо помахала им платочком. И мне кажется, что они меня узнали. Юрочка показал на меня пальцем, и они стали разглядывать меня в бинокль.

Но пароход уже отъезжал. И я пошла в гостиницу.

Вдруг в Ялту пришли белые войска. Это был, как нам сказали, Изюмский полк, отступивший от перекопской позиции. Некоторые из солдат шли без винтовок. И все были в растерзанном виде. И тогда стало ясно, что там на фронте произошло.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Волнение достигло наивысшего напряжения. Магазины закрылись, и на набережной моментально исчезли все гуляющие.

В довершение всего прибывший Изюмский полк, не найдя в Ялте продовольствия, разбил в городе два магазина и разграбил их.

В порт прибыло еще несколько пароходов. Чувствовалось, что какая-то рука организует бегство.

31. Семейная драма

Между тем мой прапорщик Комаров предупредил меня, что мы едем с пароходом «Феодосия». Что это, по-видимому, вообще последний пароход. И что больше откладывать отъезд нельзя.

Я спросила:

– Куда мы едем?

Он сказал:

– Мы едем в Константинополь. О будущем не беспокойся. Я подумал о нашей судьбе.

И он побренчал по своим карманам, набитым всякой всячиной.

Тут наступил момент распутать узел. Но я поняла, что ни к чему устраивать «семейные сцены». И поэтому я не сказала ему, что я не еду.

Я ему сказала:

– Ты, Комаров, пройди в порт, а я сейчас приду – попрощаюсь кое с кем.

И он по дурости своей так и сделал.

А я побежала в другую сторону. Я вошла в какой-то открытый настежь и покинутый дом и села в комнате у окна. И стала глядеть на море.

Я была довольна, что я так сделала, потому что мне хотелось избежать объяснений. Это было ни к чему. Этот человек мне чужой. Он мой враг, которого я использовала, как мне было нужно. И пусть он теперь уезжает, к черту, в Константинополь без всяких со мной объяснений.

Я сидела в комнате больше получаса. Наконец я услышала два пароходных гудка. Значит, все в порядке. Мой Комаров, пометавшись, наверно, успокоился и со своими драгоценностями сейчас уедет.

Но вдруг я услышала крики. Я взглянула в окно и, к ужасу, заметила Комарова, бежавшего к моему домику, на который ему пальцем показывала какая-то женщина.

Скажу откровенно – я так растерялась от неожиданности, что минуту не могла двинуться.

Комаров вбежал в дом и остановился на пороге. Он был страшен в своем диком волнении. Он тяжело дышал.

Увидя меня, он с грубой бранью выхватил револьвер и выстрелил в меня. Но в одно мгновение я сообразила его намерение и присела на корточки, так что пуля ударила много выше моей головы.

Он хотел стрелять еще раз, но я ему сказала:

– Вася, зачем ты в меня стреляешь?

Он сказал:

– Я в тебя, негодяйка, стреляю не как в классового врага, которого я в тебе подозреваю, а как в женщину, которая предательски меня хочет бросить.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
– Ты сам негодяй! – сказала я. И вдруг, в одно мгновение, я рванулась к нему и отняла у него револьвер.

И он почти без сопротивления отдал мне его.

Теперь я стояла у стены с револьвером, а он блуждающим взглядом смотрел на меня.

Но я не могла в него стрелять, потому что он был жалкий и растерянный.

– Слышишь ли ты, негодяй, – закричала я, – понимаешь ли ты своей дырявой головой – кого ты видишь перед собой?

– Боже мой! – сказал он. – Я теперь вижу, кто ты такая... И вы там, наверно, все такие же сильные и здоровые. И вот почему наша армия проигрывает сражения.

И он вдруг опустил передо мной на колени и сказал:

– Нет, я не боюсь, что ты меня застрелишь. Я боюсь, что ты меня покинешь и что ты меня уже покинула и нет ни одного шанса вернуть тебя.

– Ты такой слабый и разложившийся, – сказала я, – что мне в тебя и стрелять досадно.

Я с сердцем бросила на пол револьвер. И он вдруг от падения выстрелил.

Комаров сказал:

– Нет, я не такой слабый, как ты думаешь, но я оступился, и ты мне должна помочь.

– Нет, мой друг, – сказала я, – моя жизнь не предназначена для спасения людей. Моя жизнь принадлежит народу. И я послана исполнить дела, слишком далекие от душевительной деятельности. Ты можешь остаться тут, если хочешь, но я с тобой жить не буду, – это так же верно, как ты, собака, в меня стрелял сегодня.

Его вдруг рассердили эти мои слова и то, что я назвала его собакой, и он, как человек неуравновешенный, моментально перешел от тихого состояния к бешенству.

– Ты подлая большевичка! – закричал он. – Ты еще в моей власти. Я велю солдатам веревками скрутить тебя. Я слишком с тобой миндальничаю. Я велю тебя выдрать плетьюми.

И он с бешеной злобой потянулся к лежащему на полу револьверу.

Но в одно мгновение я ударила его ногой по руке, как по футбольному мячу. И он с воплем повалился на пол.

И тогда я спокойно подняла револьвер и направила его на прапорщика.

Я ему сказала:

– А ну, моментально ступай в порт и уезжай к чертовой матери в Константинополь. Или я тебя сейчас сама отправлю туда, но уже небесным маршрутом.

Комаров понял, что это далеко не шутки, мои слова. Он встал и как-то по-ребячески сказал:

– Пароход же, Аннушка, ушел. Куда же я пойду?...

Я сказала:

– Ты походи в порт и посмотри – может быть, там еще что-нибудь будет. И тогда ты поезжай с БОГОМ.

Он сказал:

– Хорошо, я пойду посмотрю. Но если ничего не будет, то я вернусь и останусь тут с тобой. А если будет, то я уеду. Пусть за меня решит судьба.

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

И он как ненормальный побежал в порт, а я осталась сидеть взволнованная происшествием.

Я не знаю в точности, что именно случилось в порту. Мне только потом сказали, что Комаров, идя по трапу на рыбачью шхуну, вдруг покачнулся и упал в воду. Причем, падая, ударился головой о камни. И его, сильно раненного, внесли на судно и увезли как будто бы в Феодосию.

Но что с ним было дальше, я так никогда и не узнала. Возможно, что его отправили в Константинополь, если он почему-либо не умер.

Мне не было жалко этого человека, потому что он и без меня был уже потерянный и погибший. И не мое дело было восстанавливать его на путь истины.

32. Эпилог

Мы ожидали, что Красная Армия войдет в Ялту в тот же день. Но этого не случилось. Первые красноармейцы вошли в город только через три дня.

Это был радостный и торжественный момент. Это был день торжества народа, освободившегося от рабства.

Мне, правда, омрачили этот день тем, что на меня кто-то донес, будто я жена белогвардейца, шпионка и контрразведчица. Конечно, это почти сразу было рассеяно, и все выяснилось. Но мне было неприятно, что я была на целые два часа арестована.

Меня привели в дом эмира бухарского, где происходил допрос арестованных, и там один из товарищей сгоряча наорал на меня, и он хотел даже пристрелить меня как врага. И был момент, когда я ужаснулась, что погибну от своей же пули. Но потом пришел один наш ялтинский товарищ, и все сразу разъяснилось.

И тогда все, узнав обо мне, приходили меня поздравлять, жали мне руки и с нежностью меня целовали и поздравляли с великой победой.

Что же касается моей дальнейшей жизни, то вкратце я могу вот что сказать. В том же году я вышла замуж за моего однофамильца, товарища Касьянова, с которым я познакомилась в Екатеринославе. И мы с ним очень счастливо и задушевно жили вплоть до его смерти.

Мне было очень жаль потерять этого чудного человека – прекрасной души товарища. И я, кажется, так же сильно горевала, как и тогда, когда на фронте потеряла моего первого мужа.

Да, я действительно многих прекрасных людей потеряла в жизни за время революции. Но зато я нашла то, что каждый день составляет мое счастье и гордость.

Ах, как трудно и как оскорбительно представить себе иную жизнь, чем та, что у нас сейчас строится. Как ужасно представить иных людей и иные, буржуазные, отношения – те, которые были у нас до революции. Как невыносимо было бы вдруг увидеть купцов, шикарных барынь, сиятельных князей, помещиков и бедный, нищий народ, угнетенный в своем достоинстве.

И меня нередко охватывает восторг, что мой народ сумел совершить великую народную революцию и сумел создать новую жизнь, которая с каждым годом будет все лучше и лучше.

И вот что я нашла вместо всех моих потерь.

А какой далекой и забытой страницей кажется сейчас прошлая жизнь. Вот, например, четыре года назад я случайно от одного знакомого, долго жившего за границей, узнала некоторые подробности о бежавшей эмигрантке баронессе Нине Викторовне. Она, оказывается, в Париже открыла «Ателье мод», сильно разбогатела и стала там чем-то вроде модной портнихи. Со своим генералом она там разошлась. И он, несмотря на дряхлость, служит метрдотелем в одном заграничном кабачке.

Юрий же Анатольевич Бунаков застрелился, когда они еще были в Югославии. Он был действительно слабый и неприспособленный к жизни, как тепличный, искусственный

Прелести культуры (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
цветочек, неизвестно для чего выращенный в садах буржуазной жизни.

Что же касается ротмистра Глеба Цветаева, то он в Париже долгое время служил шофером, но потом женился на одной богатой семидесятилетней американке.

Заканчивая этим свой рассказ, А.П. Касьянова сказала:

– Канула в вечность эта барская и купеческая Россия. И я была свидетельницей этой страницы истории. Вот почему я позволила себе рассказать о своей жизни несколько, может быть, больше, чем вы предполагали.
1936

Примечания

1 Я невысокого роста. У меня черные волосы. Английская прическа. – М. 3.

2 Ах, сукин сын!

3 Еще бы!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://zoschenkomihail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!